
ОГОНЁК
№ 14 АПРЕЛЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СССР-25417

ВЕСНА ПРИШЛА

Теплый степной ветер полностью согнал снег. Зазеленели озимые. Мы едем по полям совхоза Грачевский, расположенного в Шпаковском районе, Ставропольского края. Мои спутники — директор совхоза Павел Кузьмич Болгак и главный агроном Яков Ефимович Зябкин оживленно обсуждают доклад товарища Л. И. Брежнева и постановление Пленума ЦК КПСС, только что прочитанные в «Правде».

— Ну, теперь многое будет зависеть от нас самих,— говорит Павел Кузьмич.— Теперь мы уже сами будем определять, что выгодно, что невыгодно для нашего хозяйства, как лучше обеспечить выполнение государственного плана — заказа. Главное, у людей теперь появится стимул для хорошей работы.

Весна не застала совхоз врасплох. Техника за зиму была хорошо подготовлена, тракторы отремонтированы.

В совхозе старые, опытные кадры механизаторов. Большинство работает здесь уже по много лет. Поэтому, несмотря на горячую пору, когда, как говорится, «упустишь день — потеряешь год», работа идет спокойно и уверенно. Приезжаем к полю, где заканчивается сев гороха. Агрегат тракториста, демобилизованного воина А. И. Еремина, завоевавшего на севе переходящее знамя совхоза, делает последний заход.

А над его головой пролетает трудяга «АН-2». На соседнем поле идет подкормка озимой пшеницы. Летчики А. Е. Зубков и В. П. Корчагин — мастера своего дела.

Постановление Пленума сулит большие возможности. Восстанавливаются права специалистов, командиров производства — агрономов, зоотехников. Перед хозяйством ставится на несколько лет вперед конкретная, реальная задача. Директор весело говорит:

— Теперь засучивай рукава и за работу!

О. КНОРРИНГ
Фото автора.

Газету с постановлением Пленума ЦК КПСС о сельском хозяйстве с огромным интересом читали главный агроном Я. Е. Зябкин, главный зоотехник А. Ф. Зябкина, секретарь парткома И. К. Кудлаев и директор совхоза П. К. Болгак.

На 2-й странице обложки: Посевные агрегаты заканчивают сев яровых культур, а на соседнем поле самолет производит подкормку озимых.

ПЛЕНУМ ЦК КПСС

С 24 по 26 марта 1965 года проходил Пленум Центрального Комитета КПСС.

В повестке дня Пленума:

1. О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР.
2. Об итогах Консультативной встречи представителей коммунистических и рабочих партий 1—5 марта 1965 года.

С докладом по первому вопросу повестки дня Пленума выступил Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

После обсуждения доклада и заключительной краткой речи тов. Л. И. Брежнева Пленум Центрального Комитета КПСС единодушно принял постановление «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР».

По второму вопросу повестки дня Пленума «Об итогах Консультативной встречи представителей коммунистических и рабочих партий 1—5 марта 1965 года» с сообщением выступил секретарь ЦК КПСС тов. М. А. Суслов.

Пленум единодушно принял постановление по этому вопросу.

Пленум ЦК КПСС рассмотрел организационные вопросы.

Пленум перевел тов. К. Т. Мазурова из кандидатов в члены Президиума ЦК КПСС. Пленум избрал тов. Д. Ф. Устинова кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС и секретарем ЦК КПСС.

Пленум освободил тов. Л. Ф. Ильичева от обязанностей секретаря ЦК КПСС.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

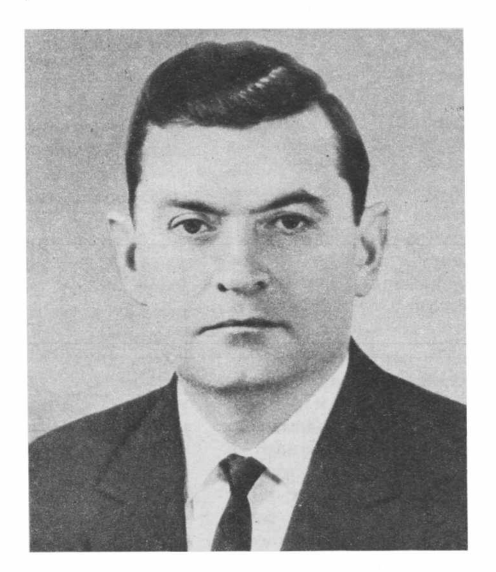

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 14 (1971)

4 АПРЕЛЯ 1965

К. Т. МАЗУРОВ.
Член Президиума ЦК КПСС.

Д. Ф. УСТИНОВ.
Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС.

Н. ХРАБРОВА

С делянок — на поля!

Фото В. Сальмре.

О полях, о земле можно думать по-разному. Можно просто знать, что булки не растут на деревьях. Можно остановить на шоссе автомобиль и, сбросив туфли, босиком ходить по траве, принимая как счастливую встречу после долгой разлуки мимолетные дожди на горизонте. Можно любить свою работу в городе и ездить отдыхать в деревню. Одного только нельзя: нельзя забывать, что большинство из нас, горожан, те же крестьяне во втором или третьем поколении. И что Родина наша — не только асфальт и бетон городов, но и великая пашня от Балтийского моря до Тихого океана.

По-разному можно и заботиться о земле. Можно отлично пахать и удобрять землю, или, как говорят агрономы, создавать высокий агрофон. Но если селекционер не предложит вовремя отличных сортов, то напрасным будет труд земледельцев. Как дождь и солнце, как острый плуг и удобрения, нужен полям бесконечный поиск ученых.

Только раз в год бывает урожай, только раз в год можно отобрать семена лучших растений. Не скор труд селекционеров, долгие годы нужны им для того, чтобы доказать свою истину. Им часто бывает нелегко. Но речь сейчас не о тех, кто свернул с пути под давлением чиновников от науки.

В 1964 году в Эстонии получили в среднем по сто с лишним пудов зерна с гектара. Такой урожай когда-то считался хорошим для земель самых богатых хуторян. Теперь это средний эстонский урожай. В нем и поиск новых путей в селекции и земледелии, труд пахарей и ученых.

Йыгеваскую селекционную станцию, что неподалеку от Тарту, сорок пять лет назад основали двое ученых — Михкель Пилль и Юлиус Аамисепп. Они много работали: один — в области селекции зерновых, второй — в области селекции картофеля и бобовых. Новые сорта с маленьких делянок в Йыгева шагнули на колхозные и совхозные поля. Оба ученых стали лауреатами Государственной премии, докторами сельскохозяйственных наук. Они работали в трудные годы преобразования капиталистического сельского хозяйства в социалистическое, и только смерть смогла оторвать старых ученых от работы.

Александр Адоян начал свою работу на станции еще в 1935 году — сразу после университета. Он выбрал делом своей жизни пастбищное хозяйство. Вот уже тридцать лет ищет он лучшую смесь трав для культурных пастбищ. А. Адоян говорит:

— Зачем же здесь, на северо-западе, все время пытаться заменять пастбищные травы какими-то другими кормами? Травы тут прекрасно растут и не требуют большого ухода. Да к тому же и убирать их не надо: сами коровы уберут до последней травинки. Пробовали заменить травы, а результаты получили ничтожные.

Адоян сердится, потому что в пору гонения на травы «вообще» ему пришлось яростно отстаивать культурные пастбища.

Часть эстонских колхозов в то время распахала культурные пастбища. Но только очень небольшая часть — остальные не спешили разрушать пастбищное хозяйство. И были вознаграждены за это достатком кормов, хорошими удоями, достаточным количеством мяса. Нынче особенно много приходит на станцию писем — руководители колхозов просят выслать семена трав. Адоян советует многими опытами проверенную смесь: мятлик, красная овсяница, лисохвост, тимофеевка, овсяница луговая, белый клевер.

Большая группа эстонских ученых берется за внедрение науки о культурных пастбищах в колхозное производство. С мая по ноябрь откармливают здесь скот в «зеленой столовой». Пастбища закладывают недалеко от скотных дворов, на берегах рек и ручьев. Воздух, солнце, богатые витаминами культурные травы—все вместе дает хорошие удои. И не только: улучшается порода скота. Экономисты добавят, что такая пастьба снижает себестоимость молока.

И ведь знают же руководители сельского хозяйства северо-западных областей о пользе и выгоде культурных пастбищ. Знают! Но медлят с решениями. Медлят и некоторые ученые, игнорируя опыт эстонских коллег. Нет ли в этом застоявшегося страха быть причисленным к поруганному клану «травопольщиков»? Но ведь ученые лучше, чем кто-либо другой, знают, как велика наша страна и что для каждой зоны хороши свои культуры и свой способ хозяйствования.

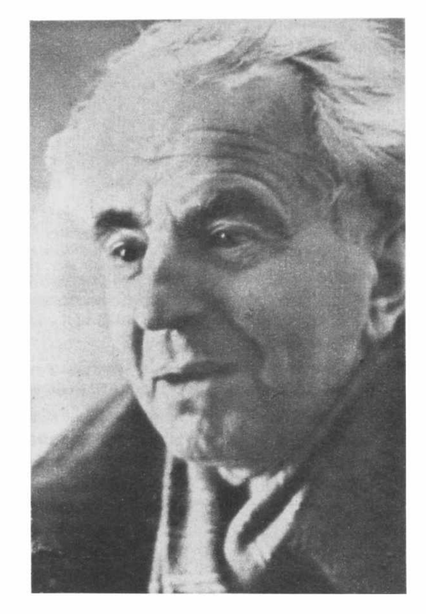
...Если бы молодой селекционер Ханс Кюютс работал на станции по долгу службы, он стал бы с пеной у рта спорить с агрономом совхоза имени Ленина, Тартуского района, Юло Ляянеметсом, защищая честь йыгеваского мундира. Ляянеметс говорил однажды на большом совещании:

— Йыгеваским селекционерам надо больше думать о ячмене. Ячмень как был, так и останется королем зерновых в наших краях. Мы несколько лет сеем у себя йыгеваские сорта «Мая» и «Йыгева». Они были хороши, пока агрофон наших полей был средним. Теперь культура земледелия у нас повыше, у ячменя наливается тяжелый колос, а стебель слаб, ячмень полегает. Будем отказываться от йыгеваского ячменя...

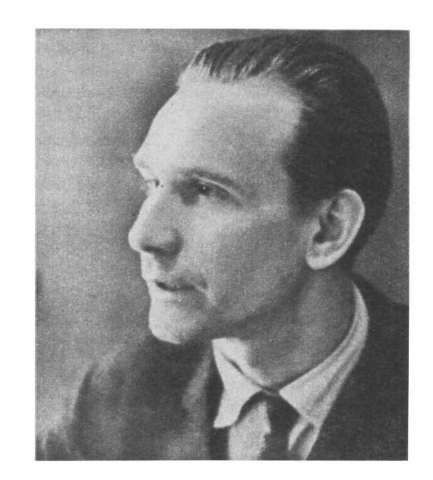
Ханс Кюютс, прежде чем стать селекционером, работал колхозным агрономом. Пальцы его еще помнят упругость готовой к севу борозды, в ушах еще стоит широкая песня ветра в спелых колосьях. Не о чести мундира, а о чести урожая думал Ханс, когда попросил ВИР прислать исходный селекционный материал для «лепки» новых сортов ячменя. У ВИРа огромная коллекция таких материалов. Вскоре Кюютс получил посылку. На своих делянках он попробовал четыреста номеров и установил: для эстонских полей лучше всего подходят сорта «Домен», «Паллас», «Ингрид». Он повез семена «Домена» к Ляянеметсу в совхоз. Вдвоем они заложили на совхозных полях сорок опытных делянок. В прошлом году «Домен» дал по 54,2 центнера зерна с каждого гектара. И ни один стебель не полег под тяжестью низко склонившихся колосьев.

...Долгие годы улучшают сорта овощей Рудольф Тамм и Валве Ягус. Выше других ценится на рынках эстонский картофель, выведенный Алисой Андерфельдт. Рожь, улучшенная Хербертом Тупитсом, дает самые высокие здесь урожаи. Наверное, об их труде можно рассказывать много. Но начальник управления земледелия и семеноводства эстонского Министерства сельского хозяйства, листая блокнот и сообщая проценты и цифры, подводит короткий итог:

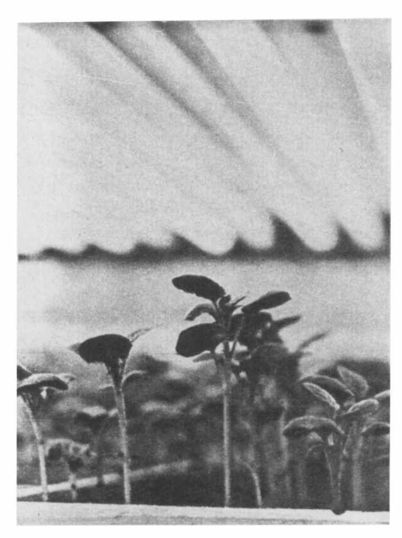
— Почти все из того, что растет на эстонских полях, вышло с делянок Йыгеваской станции.

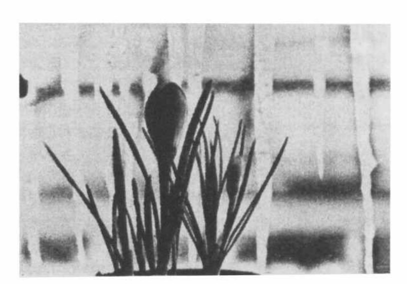
Александр Адоян.

Ханс Кюютс рассказывает о ячмене.

Так начинается жизнь.

Вестники весны.

ПОКОЛЕНИЕ СВОБОДНЫХ

Денеш БАРАЧ,
венгерский журналист

Двадцатилетние...

Они идут нам навстречу, и ветер треплет их волосы. Весна. Спешат девушки в ярких, легких пальто; глядя на них, улыбаются юноши.

Двадцатилетние — новое поколение. У них, как и у всей страны, дата рождения — 4 апреля 1945 года, день освобождения Венгрии. На их долю, говоря словами поэта Аттилы Йожефа, выпал рожденный свободой строй.

Я беседовал с юношей и девушкой. В них нет ничего особенного, просто им по двадцать лет, и они стоят на грани юности и зрелости, на пороге ответственности.

* * *

Светловолосый парень. Лицо, руки, взгляд у него живые, подвижные. Улыбка открытая, иногда почти детская. Но он решителен, его трудно привести в смущение. Видно, он умеет быть твердым и настойчивым, если хочет кого-то убедить в чем-то.

Зовут его Имре Бургер, он техник на Будапештском телефонном заводе. Перед ним пляшут стрелки приборов в непонятном для меня ритме. Он легко разбирается в самых сложных чертежах.

— Я контролирую технику связи, которая готовится для Советского Союза,— объясняет он.

Имре говорит уверенно, непринужденно. Я думаю, что два десятилетия назад так мог бы разговаривать только владелец завода.

Двадцать лет назад в маленькой деревушке Залакопани на западе Венгрии отступавшие гитлеровцы приказали жителям выйти из убежищ и готовились угнать их на Запад. Наставив на людей автоматы, фашисты торопили: «Шнель, шнель!» «Но эта женщина ждет ребенка!» — раздалось в толпе. «Не имеет значения,— прозвучал ответ,— пусть и она идет». В этот момент с трех сторон раздались выстрелы: советские войска окружили гитлеровцев. Гитлеровцы побросали оружие, подняли руки. Так еще до появления Имре на свет его спасли советские солдаты.

После школы Имре поступил в техникум связи в Будапеште. Потом он был солдатом. После армии пошел на завод. Вот и вся его биография.

Что может знать Имре о том, что происходило до его рождения? Парень прищуривает глаза. Он многое знает.

— Я знаю дом, очень маленький и жалкий, где отец жил со своими многочисленными братьями. Я учил историю. Когда в школе рассказывали о венгерской пролетарской революции 1919 года, я раздумывал, что надо было сделать тогда, чтобы избежать неудачи.

Мировоззрение... Интересно, какие ценности святы для двадцатилетнего человека?

— Я много читал,— говорит парень.— Уже в четвертом классе я зарывался в книги для ребят шестого класса. Помню, первое большое впечатление на меня произвела книга «Тимур и его команда». Я хотел быть таким, как Тимур. Хотел знать, что и почему происходит. У нас был марксистский кружок. Иногда мы спорили до рассвета. Потом я сам начал читать «Капитал». Сначала ничего не понял. Но потом одолел книгу.

Он опускает голову, ищет слова.

— Я люблю чувствовать рядом людей, жить с ними вместе.

Он еще не член партии. Был секретарем школьной организации Коммунистического союза молодежи. А в душе Имре давно коммунист. Некоторые упрекают нынешнюю молодежь в легкомыслии. Интересно, что думает Имре о своих ровесниках?

— О, я не согласен с обвинением в наш адрес! Мы не хуже наших предшественников. И мы образованнее. Мы много учимся. Тот, кто не делает этого, просто глупец. Конечно, мы любим потанцевать, поухаживать за девушками. Ну, а когда нужно взяться за работу, тогда на нас можно рассчитывать!

* * *

У девушки большие мечтательные глаза. Марика Виллани — студентка второго курса экономического института имени Карла Маркса. Изучает политэкономию и географию.

Родилась Марика в январе 1945 года, в самый разгар боев под Эстергомом. Вокруг города, лежащего на берегу Дуная, разгоралась битва. В подвале то и дело от близких разрывов снарядов мигало пламя керосиновой лампы.

— Мама рассказывала мне, что, когда у нее начались схватки, ей уступили в подвале кровать. Там, под землей, я и родилась. И прожила еще три недели с мамой в этом подвале.

Что запомнилось ей за ее двадцатилетнюю жизнь?

— О, я еще помню первый день в школе! Я плакала, потому что не могла написать букву «о». Потом в шестнадцать лет первый летний добровольный рабочий лагерь, а за ним другие. Приятная усталость, незабываемые закаты, треск лагерного костра, затухающие угли, звезды. В лагерь пришло извещение о том, что я принята в институт. Я буду учительницей. До сих пор все важные дела мне удавались.

Марика Виллани — ровесница освобождения.

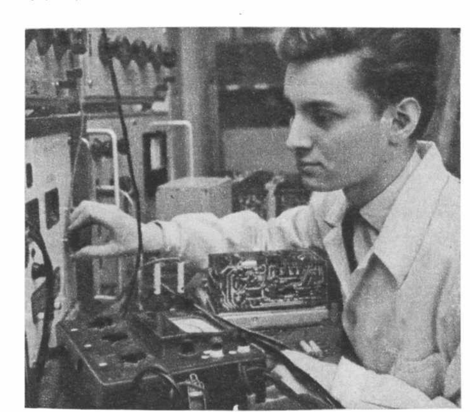
Да, этому поколению удавались важные дела, потому что люди этого поколения живут в свободной стране.

Марика продолжает:

— Я с детства хотела быть учительницей. Это цель моей жизни. Я приехала учиться из провинции и вовсе не хочу, чтобы меня обязательно оставили в Будапеште после окончания института. Но и в Эстергом я не хочу возвращаться: там меня слишком многие знают. Знаете, соседи могут обидеться, если я поставлю их детям плохую отметку. А я хочу быть справедливой: это — самое главное.

Двадцатилетние... О них много говорят. За них боятся, когда они кончают школу: как они войдут в жизнь? Двадцать лет назад мы начали создавать новый строй, который называется социализмом. Вместе с новым обществом росли люди. Сейчас двадцатилетние — сильные и здоровые. И строй этот, рожденный свободой, тоже сильный, здоровый.

Двадцатилетние вступают в пору зрелости.

Имре Бургер работает на Будапештском телефонном заводе.

7 ноября. Парад на Красной площади. Отсюда — прямо в бой.

1945

1965

ГОД 1941-й

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Пускай не покажется странным, что, думая о 20-летии Победы мы заглядываем сначала не в солнечный и радостный 1945-й а в полынно-горький, принесший нам неисчислимые страдания и утраты год 1941-й.

Июнь — декабрь сорок первого.

Сколько великих потрясений, человеческих драм вместил в себе этот совсем короткий отрезок времени! Советская Армия отходила на глазах у непонимающих, удивленных и обливающихся горючими слезами людей. «Что же это? Как же это?» — спрашивали они друг у друга и не находили ответа на эти мучительные, жгучие, испепеляющие вопросы. Сколько человеческих судеб было направлено сразу же не по тому руслу, по которому им суждено было идти в условиях мира, сколько жизней оборвалось либо в самом их начале, либо в полном расцвете, а скольких разбросало по белу свету! И до сей поры победившая двадцать лет назад Родина наша не смогла еще собрать всех сынов и дочерей под свое крыло: обманутые, запуганные, запутавшиеся, соблазненные «желтым дьяволом», многие из них и теперь еще мыкают горе-горькое по чужим странам.

И все-таки в нем, трагически-суровом 1941-м, надлежит искать истоки грядущей нашей победы. И не только потому, что это было первое и

Фото Дм. Бальтерманца.

самое тяжкое испытание, из коего мы в конце концов вышли не побежденными, а победителями; не только потому, что именно тогда совершился историко-психологический перелом, который по своему значению стоил более, чем десятки и даже сотни выигранных сражений. Речь идет о кульминационном моменте, до которого мир продолжал еще верить в несокрушимость гитлеровской боевой машины, а уже после декабря сорок первого года вера эта была решительным образом поколеблена на радость всему исстрадавшемуся человечеству и на погибель разбойного фашистского рейха. Сам по себе этот факт имел последствием то, что гитлеровцы смогли доползти лишь до московских предместий, а мы, исполненные исторической справедливости, вошли в Берлин и водрузили над рейхстагом свой алый победный стяг.

Но и это еще не все.

Недавно в Чехословакии автору этих строк довелось провести несколько часов среди старых коммунистов, возглавлявших в годы гитлеровской оккупации антифашистское подполье. Люди эти честно признались, что, как бы ни показалось такое обстоятельство парадоксальным, но они скорее обрадовались, нежели огорчились, услышав в июне сорок первого о нападении фашистской Германии на Советский Союз. Обрадовались не по извечной человеческой слабости, что, мол, не нам одним нести сей тяжкий крест, но и другим. Нет, просто люди эти поняли, что вот теперь-то Гитлер разобьет наконец свою безумную голову, ибо Советский Союз есть Советский Союз, и с ним шутки плохи. И удивительное дело: в тот кошмарный день, когда истекающий кровью советский пограничник готовил к броску последнюю свою гранату с тем, чтобы убить хотя бы еще одного захватчика, а в следующую минуту встретить свой смертный час, многие незнакомые ему люди на Западе впервые улыбнулись, солнце грядущей победы как бы на миг озарило их лица. Вот ведь еще что такое год тысяча девятьсот сорок первый!..

Пограничник тот погиб на своем страшном рубеже, но капли и его крови — на алом полотнище, взвившемся над поверженной фашистской столицей. И в этом смысле победителями оказались не только живые, но и мертвые. Не только те, что парадом прошлись по Красной площади и бросили штандарты сокрушенных гитлеровских полков к подножию мавзолея, но и те, что пали под Москвой в тот далекий ноябрь сорок первого года.

В героико-трагическом 1941-м нам виделся 1945-й.

Иначе мы б не победили.

Контратака. Фото Дм. Бальтерманца.

Как много их, друзей хороших, лежать осталось... Фото А. Морозова.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Л. КРИВОШЕИН,
В. ЧЕРВЯКОВ

Центральный государственный архив Советской Армии хранит уникальные документы — боевые донесения, полевые командирские книжки, в которых по минутам зафиксированы события 22 июня 1941 года. Скупым языком рассказывают они о безвестных героях, об их бессмертных подвигах, о величии души советского человека.

Первый удар фашистов приняли на себя пограничники. По телеграфным и телефонным проводам понеслись тревожные сигналы. Вот боевые донесения пограничных частей, трагичные в своей обнаженной правде:

«4 часа 14 минут. Из Кишинева. Начался обстрел из ручных пулеметов. С 24-ым пограничным отрядом связь прекратилась... 4 ч. 18 м... артиллерийский обстрел г. Кагула.

4 ч. 50 м. Из Львова. Немцы после краткой артиллерийской подготовки в районе Пархача перешли в наступление... Бомбят Владимир-Волынский и Любомль. Все отряды подняты по тревоге; приняли оборону, связались с частями Красной Армии.

6 ч. 10 м. Из Львова. 22-ая и 26-ая заставы 97-го пограничного отряда дерутся в окружении. Идет воздушный бой над Любомлем.

6 ч. 15 м. Из Ленинграда. В 3—45 двадцать два самолета на высоте 3 тысячи метров и выше скрылись в нашем тылу.

6 ч. 22 м. Из Минска. Германские части перешли в наступление. Штаб 10-й авиаэскадрильи обстрелян. Нужна авиация!

6 ч. 40 м. Из Белостока. Противник перешел границу на всех участках... Местечки и города бомбардируются... Пограничники ведут бои.

7 ч. 20 м. Из Львова. Перемышль горит. Мост через реку Сан взорван... Немецкие солдаты одеты в красноармейские шинели с пехотными петлицами... Полевые войска Красной Армии выходят в предполье. В районе Родзехово десант парашютистов.

7 ч. 40 м. Из Вильнюса. Ровно в 4 часа немцы открыли огонь по г. Таураге и заставам. Пограничники оказали упорное сопротивление. Застава 4 отбивала атаки врага около двух часов, три раза ходила в атаку, а в четвертый раз прорвала цепь и вышла из окружения.

7 ч. 50 м. Из Таллина. Немцы на рассвете начали наступление на Палангу. Город горит. Идет бой.

10 ч. 45 м. Из Белостока. Бои идут по всему фронту...»

Всю тяжесть первого удара гитлеровских орд приняли на себя советские пограничные войска. В неравных боях, вооруженные легким стрелковым оружием, они сражались до последнего патрона, сдерживая натиск врага. В Прибалтике, Бресте и Перемышле, на Пруте и Западном Буге, под Ломжей и Владимиром-Волынским — везде советские пограничники проявили мужество и отвагу. В первые же часы войны врагу во многих местах удалось нарушить связь между заставами, комендатурами, штабами пограничных отрядов. Не получая приказов и сообщений, большинство застав и пограничных нарядов еще не знало о масштабах внезапного нападения. Однако все они действовали по одному правилу — стоять насмерть, задержать врага до подхода подкреплений. Пограничники принимали бой с врагом

любой численности, умело действовали в одиночку и небольшими группами, проявляли инициативу, дерзость и отвагу.

Вот донесение Лиепайского пограничного отряда, который вместе с моряками Балтийского флота, подразделениями гарнизона и городскими рабочими 22 июня отбил попытки фашистских войск с ходу захватить город:

«В 17.00 комендатура вступила в бой с главными силами противника. Бой продолжался до 20.00. Попытки противника овладеть м. Руцава были отбиты с большими потерями для него.

В 20.00 майор Черников сделал маневр — снялся с занимаемого рубежа, отошел на опушку леса и начал обход противника с фланга; на месте оставил два замаскированных станковых пулемета под руководством начальника 25-й заставы лейтенанта Запорожца.

Когда колонна противника, до батальона пехоты, подошла в район расположения станковых пулеметов, лейтенант Запорожец в упор стал расстреливать врага. Батальон противника был разбит, остатки бежали обратно, оставив на месте убитыми до 300 человек солдат и офицеров, автомашины и мотоциклы. Бой за м. Руцава продолжался до 24 часов 22 июня, после чего группа отошла в район железнодорожной станции Папе.

При отходе из комендатуры осталось 7 раненых пограничников вместе с военврачом 3-го ранга т. Алесковским, которые остались в окружении у немцев. Врач т. Алесковский отбивался из пистолета, а когда остался последний патрон, он позвонил по телефону начальнику отряда и доложил: «Немцы врываются в штаб, остался один патрон, кончаю самоубийством».

Фашистское командование придавало особое значение западному направлению. Здесь гитлеровцы сосредоточили наиболее сильную группу армий «Центр». С ее отборными частями и встретился 17-й краснознаменный пограничный отряд. Он охранял 182 километра советской границы по Бугу. Штаб отряда был в Бресте.

Героическая эпопея защитников Брестской крепости воспета писателем С. С. Смирновым. Новые документы дополняют картину легендарной битвы. В оперативном донесении штаба 17-го пограничного отряда записано:

«22 июня 1941 г. в 5.00 погранотряд, оставив усиленное охранение штаба отряда в гор. Бресте, во главе с дежурным по отряду интендантом 3-го ранга Журавлевым, с небольшими силами штабных подразделений вышел на окраину города. Заняв оборону на северо-восточной окраине Бреста, погранотряд в составе роты связи, комендантского взвода, служб, присоединив к себе небольшие группы сотрудников НКВД и милиции города, под командованием начальника отряда майора Кузнецова в течение нескольких часов сдерживал наступление противника...

Отважно действовали в этом бою командир комендантского взвода лейтенант Дуньшаков, ручпулеметчик ефрейтор Чупахин, красноармеец Гущин. Когда противник перешел в атаку на взвод лейтенанта Дуньшакова, ефрейтор Чупахин огнем своего пулемета уничтожил до 60 фашистов. Будучи дважды ранен, Чупахин не оставил своего оружия, продолжал вести огонь до тех пор, пока не прибыл к нему на смену ручпулеметчик Гущин, который так же, как и Чупахин, истреблял пьяных фашистов...»

Документы сохранили имена героев — политрука 1-й заставы Шаброва, парторга Пашутина, начальника 2-й заставы лейтенанта Горбунова, старшего политрука Умнова, лейтенанта Баскакова и многих других.

В документах, к сожалению, нет записей о 9-й заставе Андрея Кижеватова, которая была расположена на острове в излучине рек Буга и Мухавца и приняла на себя первый удар фашистских войск. Последние ее бойцы погибли вместе с защитниками Брестской крепости в развалинах взорванных фортов.

Особенно тяжелые бои вел Владимир-Волынский погранотряд. Оперативный дежурный по Главному управлению пограничных войск записал тексты телеграмм, поступивших из Львова и Владимира-Волынского.

Эти записи перед нами:

«7.20 — немцы перешли границу в районе Устилуг.

8.10 — связь с первой и второй комендатурами потеряна. Начальником отряда майором Бычковским выслано пять разведгрупп, направленных в Устилуг, Лудзин, Сокаль. Немцы продолжают артиллерийский обстрел города. В 7.50 немцы достигли Пятыдни, что в 6 км западнее Владимира-Волынского.

13 час.— по неточным данным шестая застава уничтожена противником, возможно, захвачена в плен, связь с ней отсутствует...»

Больше никаких сведений об этой погранзаставе, которой командовал старший лейтенант Неезжалов, в документах нет. Что же произошло? Об этом рассказала впоследствии сестра жены начальника заставы Ступина. 22 июня она была на заставе, участвовала в бою, раненная, попала в плен. В августе 1941 года ей удалось бежать. С ее слов составлено донесение начальника Владимир-Волынского погранотряда, из которого мы узнаем о судьбе бойцов и командиров героической 6-й заставы.

В 4.00 Владимир-Волынский был подвергнут сильному артиллерийскому обстрелу. Через несколько минут 15 бомбардировщиков обрушили свой смертоносный груз на город. В то же время на участке 6-й пограничной заставы пехота противника, поддержанная танками, перешла Буг по железнодорожному мосту и силами батальона повела атаку на заставу. Личный состав заставы занял блокгаузы и принял бой.

В 6.00 застава была окружена плотным кольцом противника, немцы заняли даже двор заставы. Однако пограничники не думали прекращать бой. Будучи дважды ранен, старший лейтенант Неезжалов продолжал командовать своими бойцами. 23 июня он был убит.

Застава сражалась больше двух суток. В неравном бою погибло большинство бойцов и командиров. Старшина заставы — старший сержант Манников, получив 16 ран, продолжал вести огонь из станкового пулемета. 24 июня осталось только 5—6 защитников во главе с политруком Вощаевым. Держались целый день, а к концу Вощаев, видя, что бойцы истекают кровью и силы сопротивления исчерпаны, тяжело раненный, с возгласом «Коммунисты не сдаются!» застрелился. Среди захваченных в плен нескольких защитников заставы только Ступина была в сознании.

3-я застава Владимир-Волынского погранотряда, расположенная на берегу Буга, девять часов вела напряженный бой. Дрались до последнего. Застава была полностью разрушена артогнем. Когда стрельба прекратилась, враги сочли, что все кончено. К заставе подъехала штабная машина. Последний уцелевший пограничник — старшина заставы Пархоменко метнул гранату. Взрывом было убито 13 гитлеровцев во главе с полковником. Погиб и Пархоменко. Десять дней фашисты не разрешали хоронить пограничников.

12-я погранзастава. В 4 часа 12 минут начальник заставы лейтенант Лукьянов доносил в комендатуру:

«...немцы пытались снова переправиться через реку Западный Буг. Огнем пулеметов, стрелков и снайперов мы заставили немцев отойти от Буга. Немцы снова ведут артиллерийский огонь. Товарищ младший политрук! Снаряд попал в мою квартиру, там жена и только что родившийся ребенок...» На этом связь с заставой оборвалась.

Насмерть стояли пограничники в день начала Великой Отечественной войны.

24 июня 1941 года «Правда» писала: «Как львы дрались советские пограничники, принявшие на себя первый внезапный удар подлого врага... Они бились врукопашную, и только через их мертвые тела враг смог продвинуться на пядь вперед». Народ никогда не забудет своих героев.

НА ЗДОРОВЬЕ!

Наш конкурс «Навеки вместе!» пользуется большой популярностью не только среди советских читателей, но и среди чехословацких друзей. В условиях конкурса (см. «Огонек» № 6) не была указана еще одна премия, которая только что неожиданно поступила в Москву: ящик пива, подаренный чехословацкими пивоваренными заводами нашему конкурсу вместе с набором стаканов, из которых пьют лучшее в мире пиво.

Благодарим коллектив чехословацких пивоваренных заводов от имени «Огонька» и от имени пока неизвестного победителя. Кстати, он может быть спокоен. Возможные слухи, что пиво до присуждения премий испарится, необоснованны. Ящик находится под строгим наблюдением...

Раз уж мы говорим о пиве, вам, дорогие читатели, небезынтересно будет узнать, что его в Пльзене варят с начала XIII века. Хотя нам неизвестно, как было в прошлом, но сейчас ни один посетитель Чехословакии не откажется выпить хотя бы кружку пива в Пльзене. Некоторые даже говорят, что всемирно известная чехословацкая здравница Карловы Вары и Пльзень умышленно были построены недалеко друг от друга!

Чехословацкое пиво, хмель, солод вывозятся во многие страны мира. Их можно встретить в африканских пустынях и за Уралом. Это общеизвестные факты. Но менее известен другой факт: в последнее время растет число больниц, покупающих чехословацкое пиво. Некоторые сорта его полезны для больных в послеоперационный период и при лечении разных заболеваний.

Итак, за здоровье больных и здоровых!

Память сердца

Эта маленькая книжка издана в Воронеже всего лишь трехтысячным тиражом, и в силу этого обстоятельства есть все основания полагать, что появление ее останется незамеченным. Но было бы крайне огорчительно, если бы новую книгу Анатолия Жигулина постигла подобная судьба, потому что стихи, вошедшие в книгу, открывают нам поэта яркого дарования, большой и щедрой души, подлинной гражданской зрелости.

Анатолий Жигулин не случайно назвал свою книгу «Память». Большинство стихотворений обнажает перед читателем как бы два среза памяти: дальний и ближний.

Дальний — это стихи о прошлом родного края, о далеких предках поэта, беглых крепостных, бунтарях, борцах против злой неволи, готовых в трудный для Родины час грудью прикрыть ее от врагов. Это стихи о неотвратимом ходе истории, об истоках патриотизма, о величии и бедах Родины. И как продолжение этих стихов, отличающихся большой эмоциональной силой, точно найденным образным строем и тщательно отобранной лексикой, воспринимаются стихи об Отечественной войне.

Ближний срез памяти поэта воплощен в одном из разделов книги, куда вошли стихи о временах культа личности. Трудная и болезненная тема эта служила и, видимо, еще будет служить предметом спекуляций наших врагов.

Поэт, на своем личном опыте познавший беззакония той поры, ясно понимает это. Не обида, не растерянность, не желание бередить старые душевные раны, а осознание своего гражданского долга заставляет Анатолия Жигулина браться за перо:

Трудная тема —
Как в поле блиндаж.
Плохо,
Если врагу отдашь,
Если уступишь,
Отступишь в борьбе,
Враг будет оттуда
Стрелять по тебе.
Я трудную тему
Забыть не могу.
Я не оставлю
Окопы врагу.

И в своих стихах, сдержанных, лишенных всякой патетики, мужественных и оптимистичных (да, оптимистичных, несмотря на трагизм описываемого!), поэт ведет борьбу с теми, кто стремится нажить политический капитал на трудных страницах нашей истории. Стойкие, верные идеям Ленина и верящие в торжество ленинской правды, совершающие в тяжелейших условиях подвиг во имя Родины, не утратившие лучших человеческих качеств — таковы герои Анатолия Жигулина.

О, люди,
Люди с номерами.
Вы были — люди, не рабы.
Вы были выше и упрямей
Своей трагической судьбы.

В книге «Память» есть и стихи о родных местах, о поэзии, о любви, стихотворения для детей. Не все из них удачны, самобытны, в частности такие стихотворения, как «Потеряла в траве заколку...», «В поле», «Лисенок», «Светка».

Однако нарушить радость встречи с умными, чистыми, талантливыми стихами Анатолия Жигулина они, разумеется, не могут.

В одном из стихотворений книги автор пишет о поэзии:

Ей тесен мир условной
бахромы
И вздохов у замерзшего
оконца...
Поэзия — она живет, как
мы.
Она не может
Без любви и солнца!

В «Памяти» Анатолия Жигулина живут мужество и любовь, суровость и солнце. Живут трудно и радостно, как в подлинной жизни.

Юрий ИДАШКИН

ЛЕТО БЫЛО ТРУДНОЕ

Галя Семенова, вчерашняя девятиклассница, робко переступает порог отдела кадров. И вместе с ней читатель попадает на большой подшипниковый завод, в сложную атмосферу борьбы, развернувшейся вокруг автоматической поточной линии. В острых конфликтах, составляющих сюжетную основу повести Ирины Ирошниковой «Трудное лето», раскрываются очень разные человеческие характеры, очень разное отношение к жизни.

Вот перед нами Валерий Павлович Семенов — конструктор, предложивший заводу автоматизировать старые станки. Мировоззрение Семенова почти целиком определяется его собственной фразой: «Он не очень красив, наш брат человек, если вглядеться в него попристальнее...» Что ж, вглядимся попристальнее в человека, сказавшего эти слова. Он воспользовался чужой идеей и чужими чертежами. Не сумев все это самостоятельно разработать, Семенов отдает «сырой» проект заводу: пусть там доработают. А вокруг — не без его усилий — уже создается шумиха. У Семенова находятся сторонники: заместитель секретаря заводского парткома Кутепов, человек ограниченный, неспособный правильно разобраться в существе вопроса; недавняя станочница Шура Горюнова, которой слава вскружила голову. Помогло Семенову и то, что Рязанцев, главный инженер завода, занял половинчатую позицию. Словом, положение создалось тяжелое, и повинны в нем люди действительно «не очень красивые».

Но победа не на их стороне; это подсказывается самой логикой жизни, самой сущностью нашего общества. На протяжении всей повести мы видим упорную борьбу с карьеристами и демагогами, которую ведут начальник цеха Петров, секретарь партийного комитета завода Рыбаков, редактор многотиражки Туркин, горячая заводская молодежь и, наконец, весь рабочий коллектив. Один из самых волнующих и напряженных эпизодов повести — собрание коммунистов автоматно-токарного цеха. Здесь торжествует живая творческая мысль, здесь окончательно определяется дальнейшая судьба новой конструкции, попавшей теперь в надежные руки.

В книге Ирины Ирошниковой много хороших, ярких и незаурядных людей. Читатель, конечно, полюбит, может быть, неказистого на вид, но чудесного парня Алексея Пахомова и порадуется его семейному счастью, полюбит и Виктора Кончакова, который с детства «мечтал быть солдатом идеи» и готов целиком посвятить себя любимому делу.

Да, а как же Галя, с которой мы вместе пришли на подшипниковый? Ей пришлось нелегко: не сразу далась работа, трудно было осваивать станок; с отцом своим, конструктором Семеновым, она рассталась — ушла из дому в общежитие. Но теперь все хорошо: Галя освоилась, полюбила завод, нашла новых друзей. Трудное лето позади!

Н. ЦВЕТКОВА

Ирина Ирошникова. Трудное лето. Повесть. «Советский писатель». Москва. 1964.

О ВРЕМЕНИ, О КНИГАХ

Внимание тех, кому дороги судьбы нашей литературы, безусловно, привлечет новая работа критика В. Панкова «Время и книги», выпущенная издательством «Просвещение». Автор делится с читателем наблюдением над большим периодом развития советской литературы (1945—1963 годы).

В. Панков доказывает, что тема героизма, наиболее характерная для литературы 40-х годов, вовсе не была результатом насилия над «свободой творчества», как это стало модным утверждать на Западе. Нет, она явилась следствием осмысления советскими художниками того поистине массового народного героизма, который особенно проявился в годы войны. Кощунственным было бы отвернуться от огромного исторического опыта, накопленного народом-победителем, ради изображения отдельных мятущихся личностей, жалких, растерянных, ущербных.

Критик показывает, как в литературу уверенно входил человек героический, революционный преобразователь, не раз смотревший на войне в лицо смерти и не останавливавшийся ни перед какими трудностями в годы послевоенного строительства.

Ни один из периодов развития нашей литературы не стоит особняком. Каждый период, по верному наблюдению В. Панкова, накапливал в себе новые качества, необходимые для развития последующего периода. Но в любой период «писатели решали генеральную задачу, выдвинутую самой действительностью, — раскрывали существо советского образа жизни, определяющие принципы социалистического общества, революционно-творческий характер советского народа и советского человека». Это целиком относится и к литературе последнего времени. Рост общественного самосознания, воинствующий гуманизм советского человека, восстановление ленинских норм и принципов в нашей жизни — вот что стало предметом внимания литераторов. Большой успех, выпавший на долю произведений М. Шолохова, А. Твардовского, В. Луговского, Ч. Айтматова, Э. Казакевича и других, как раз и объясняется тем, что писатели ставили и решали самые острозлободневные проблемы, руководствуясь методом социалистического реализма.

Думается, что работа В. Панкова «Время и книги» поможет читателю разобраться во всех сложностях развития советской литературы за время, обозреваемое критиком. Автор увлекательно рассказывает о самых примечательных литературных явлениях, тонко анализирует художественную ткань произведения, верно акцентирует внимание читателя на проблемах, волнующих писателей.

Г. МАРИНИН

И. Прянишников. ПРИГОТОВЛЕНИЕ К НОЧНОЙ АТАКЕ. 1871. — Государственный исторический музей.

В ПРОВИНЦИИ. 1890-е годы. Эскиз. — Государственная Третьяковская галерея.

ДОЛГ ЖИВЫХ ПЕРЕД МЕРТВЫМИ

Под таким заголовком в 6-м номере журнала «Огонек» было опубликовано письмо ветеранов войны, призвавших достойно отметить память павших героев великой битвы за нашу Родину. Письмо это вызвало много откликов. Два из них мы публикуем.

ЧЕТЫРЕ ЧАСА ПОДВИГА

С. Д. Передерий

Это было 9 августа 1942 года, когда наши войска, оставляя Краснодар, отходили на левый берег Кубани, к Горячему Ключу, в предгорья. Рано утром жители северо-западной окраины Краснодара услышали гул автомобильного мотора. Армейский камуфлированный грузовик с прицепленной сзади противотанковой пушкой на полном ходу ворвался в Казарменный переулок и остановился под тополями. Шофер, рослый, широкоплечий солдат, выскочил из кабины и сразу бросился к пушке, отцепил ее, развернул. Потом открыл задний борт грузовика и стал, как поленья, носить снаряды.

— Дяденька, я вам помогу! — И через забор перемахнул паренек лет пятнадцати.

— Уходи сейчас же! — сердито отозвался солдат. — Немцы наступают!

Паренек не послушался. Вслед за ним откуда-то появились еще два таких же помощника. Ни слова не говоря, они стали помогать солдату.

— Спасибо, хлопцы! — сказал солдат, вытирая лицо пилоткой. — А теперь по домам! Сейчас здесь такое начнется...

Не успел он договорить, как что-то противно завыло, и поблизости раздался взрыв. Пареньки попадали в канаву. Солдат в два прыжка подскочил к пушке, припал к ней.

Так начался поединок одного советского солдата с колонной гитлеровской мотопехоты. Первыми же снарядами солдат остановил мотоциклистов, заставил их залечь. Под прикрытием минометного огня они изготовились к атаке. Но подняться им не удалось: солдат расстреливал гитлеровцев прямой наводкой, подавил вражеский минометный расчет. Фашисты, оставшиеся в живых, отступили.

Парнишкам, подававшим снаряды, казалось, что бой длится всего каких-нибудь полчаса. На самом деле прошло часа три.

— Прячьтесь! — вдруг закричал он. — Танки!

Из низинки, совсем близко, вынырнуло серое стальное рыло. Танк влез на пригорок, развернулся, и орудие его замерло, нацелившись в пушку. Но солдат выстрелил раньше. Танк отчаянно завертелся. Солдат послал второй снаряд — над танком вспыхнуло пламя, черный дым застлал поле.

Все это видели ребята, притаившиеся в капустных грядках. Видели они и развязку этого поединка.

Объехав подбитую машину, из черного дыма вырвался второй танк, он стрелял на ходу. Снарядом снесло правое колесо пушки, взрывной волной солдата отбросило в сторону.

— Тикайте, дяденька! — крикнул один из пареньков. — К нам!

Но солдат вскочил в кабину грузовика, моментально завел мотор, и мальчишки увидели, как грузовик помчался навстречу танку. Танковая башня еще раз сверкнула, раздался грохот. Грузовик врезался в плетень, задний борт его разлетелся в щепки. Солдат с трудом вылез из кабины, бросился к танку и — замертво рухнул на землю. Танк промчался мимо.

К месту поединка подбежали немцы. Они что-то возбужденно кричали, размахивали руками, разглядывали тело солдата, разбитый грузовик, исковерканную пушку. Парнишки осмелели и подошли поближе. Они увидели в груди солдата огромную рану. Вскоре подкатила легковая автомашина. Из нее вышел немецкий офицер. К нему бросилась из-за плетня какая-то женщина и стала умолять, чтобы солдата похоронили по русскому обычаю.

— Забирайт, — сказал офицер на ломаном русском языке. — Зольдат есть большой герой.

Под тополями выкопали могилу, женщины обмыли солдату раны. Над могильным холмиком долгое время висела дощечка с надписью: «Здесь лежит русский солдат из Ивановки».

После освобождения Краснодара прах героя перенесли на городское братское кладбище. Никто не знал, куда исчезла красноармейская книжка героя. Фамилия его была забыта.

...В прошлом году в горах Кавказа я познакомился с альпинистом из ГДР. Узнав, что я из Краснодара, он оживился и рассказал о том, как на окраине города русский артиллерист часа четыре сдерживал наступление мотопехоты и даже пытался на деревянном грузовике таранить тяжелый немецкий танк.

— Много я видел в жизни сильных и отважных людей, — сказал альпинист, — но и по сей день преклоняюсь перед мужеством того русского артиллериста.

Выслушав альпиниста, я дал себе слово, что узнаю фамилию героя. Мои поиски долго оставались безрезультатными. Наконец одна старушка сказала мне, что надо сходить к Николаю Ковалю.

— Он все знает. Это он помогал солдату.

Старушка не ошиблась. Николай Иванович Коваль был одним из трех пареньков, подносивших к пушке снаряды. Он и его мать Ирина Петровна рассказывали мне о всех подробностях того легендарного боя. Но ни они, ни их соседи не могли припомнить фамилию солдата. Помнили только, что был он родом из какой-то Ивановки. Кажется, письмо у него нашли в кармане. Это письмо было тогда же отправлено семье погибшего...

Я решил написать о подвиге солдата из Ивановки в местную газету. Моя заметка была напечатана, и вскоре в редакцию пришло письмо. «Рассказ о подвиге русского солдата потряс меня, — писала из станицы Ивановской Краснодарского края колхозница Мария Кузьминична Шингарей, — точно так же погиб и мой муж, Степан Дмитриевич Передерий».

Так стало известно имя героя.

Кубанский казак Степан Дмитриевич Передерий в годы коллективизации одним из первых в станице Ивановской овладел профессией тракториста. Перед войной он руководил тракторным отрядом, окончил курсы шоферов. На второй день войны он вместе с младшим братом Петром, не ожидая повестки, явился в военкомат. Петр был призван, Степану военком сказал: «Тыл — это тоже фронт». Повестка пришла только 12 октября, а через три дня Степан уже дрался с фашистами.

Степан Дмитриевич не был артиллеристом. Он служил шофером во втором дивизионе 1195-го артиллерийского полка резерва Главного командования. Один из его однополчан, тоже житель станицы Ивановской, А. Г. Шкурко, последний раз видел его 22 июля 1942 года под Ростовом. Артиллеристы пытались предотвратить прорыв немецких танков. Передерий на своем стареньком грузовике «ЗИС-5» вытягивал на ржаное поле сцеп двух противотанковых пушек... Может быть, огнем одной из этих пушек он и встретил врага на окраине Краснодара.

Сохранилось последнее письмо героя. «Маша, не волнуйся, — писал он за несколько часов до поединка. — Я жив и здоров, победа все равно будет за нами, поцелуй за меня ребятишек».

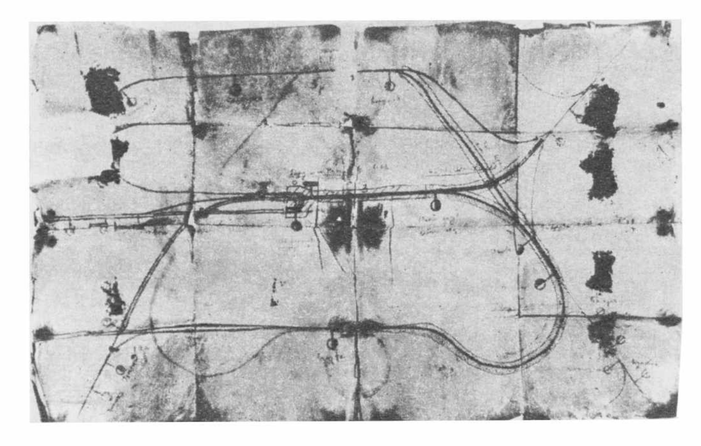
А станица Ивановская, где жила семья героя, была рядом. Степан Передерий мог бы заехать хоть на полчаса, взглянуть на жену, на детей. Но не заехал. Он мог бы переправиться через Кубань и отступить со своими на Горячий Ключ. Но не переправился, не отступил!

Подвиг кубанского казака Степана Дмитриевича Передерия не должен остаться неизвестным. Наш долг — увековечить имя героя. На месте поединка нужно бы поставить памятник, а в Краснодаре и в станице Ивановской следовало бы назвать именем героя улицы.

А. ТЕМРЕЗОВ, инженер

Краснодар.

Кто продолжит рассказ?

Письмо ветеранов войны в редакцию журнала «Огонек» заставило меня взяться за перо. Больше двадцати лет храню я одну реликвию — наспех составленную схему обороны железнодорожного узла легендарного города на Волге. Схему нашли в залитой кровью полевой сумке. Я не знаю ничего о ее владельце. Кто он был? Как погиб? Известно только его воинское звание — старший лейтенант.

...Железнодорожный узел оборонял первый батальон какого-то стрелкового полка. В центре насмерть стояла четвертая рота (ее командиру и принадлежала схема). Калька донесла до нас звания и фамилии командиров взводов. Вот они: лейтенант Шпанюк, старший лейтенант Стасюков, младший лейтенант Ямов, лейтенант Киселев. На потрепанном листе сохранились фамилии автоматчиков и саперов, истребителей танков и наблюдателей, героев, стоявших на самых опасных направлениях, которые противник пытался пробить в первую очередь, — на флангах и стыках. Их девять: Мелованов, Новиков, Петухов, Чусов, Стрельцов, Крюков, Сойкин, Шаяхметов, Шкапов.

Вот, пожалуй, и все, что может рассказать залитая кровью калька-схема одного из маленьких участков грандиозной битвы на Волге.

Дорогие читатели, если кто из вас хоть что-нибудь знает о людях, оборонявших железнодорожный узел Волгограда, расскажите о них.

Подполковник милиции Е. КРЕЧЕТ

И. Прянишников. ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ. 1882.
Государственная Третьяковская галерея.

В. НИКОЛАЕВ

Фото А. Бочинина.

Средняя специальная школа № 7... Таких школ уже много. И не только в Москве.

Во всех классах здесь проходят те же предметы, что и в других школах. Малыши в средней специальной, как и все их сверстники, не только учатся, но и самозабвенно играют в «салочки» и «прятки», а старшеклассники с не меньшим увлечением обсуждают героев поэм и романов. Правда, здесь во время игры малыши произносят по-английски такие магические заклинания, как «Раз, два, три, четыре, пять! Я иду искать!», а подростки на уроках спорят о литературе на английском языке.

Английский язык царит здесь на школьных праздниках и вечерах, на встречах с литераторами, художниками, музыкантами... А в библиотеке сотни книг на английском языке — от детских считалочек до Марка Твена.

Валентина Александровна Жильцова, директор седьмой специальной, особо подчеркивает закономерность и своевременность широкого распространения именно таких вот школ. Выходят из их стен юноши и девушки, хорошо владеющие иностранным языком, но вовсе не обязательно, что все они будут специалистами в области филологии. Так же, как и выпускники других школ, питомцы седьмой специальной разбредутся кто куда, в самые разные учебные заведения, на самые разные предприятия. Но где бы им ни пришлось учиться и работать, всюду со знанием языка им будет легче и интереснее.

Прекрасное дело — эти школы! Но есть у них и свои трудности, о которых нельзя не сказать даже в коротком тексте к фотоочерку. Нет хороших учебников и программ, не хватает квалифицированных учителей. Не налажен обмен опытом работы как внутри страны, так и с коллегами из других стран. Сотни, тысячи самых разных специалистов едут к нам в страну и от нас за опытом, за помощью и советом. Неужели Министерство просвещения не в силах организовать массовый обмен между преподавателями наших специальных школ и школ других стран?

Кстати, Валентина Александровна Жильцова убеждена, что наступит такое время, когда вообще не будет... специальных школ, этот эпитет просто отпадет за ненадобностью. Потому что во всех школах будут изучать языки так же тщательно и досконально, как ныне в специальных. Дело за тем, чтобы подкрепить ее оптимизм реальной помощью со стороны органов народного образования.

Немалое усердие требуется от малышей.

Труд — это тоже наука.

МЫ УЧИМ

Только с помощью зеркала можно освоить этот трудный звук.

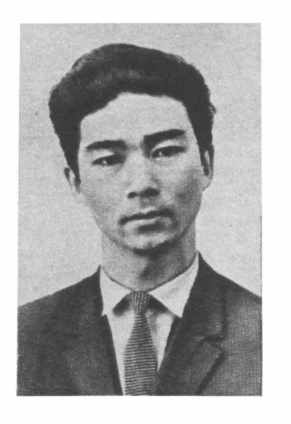
ЯЗЫК

А старшеклассникам помогают магнитофон и наушники.

Шекспира здесь ставят на родном языке драматурга.

Изгин

Вл. САНГИ

Повесть

Гравюры А. Брусиловского.

На севере Сахалина живет маленький народ — нивхи. Это рыбаки, охотники, отважные зверобои.

Из их среды вышел поэт и прозаик Владимир Санги. Хорошо помню, как он принес в Сахалинское издательство свои первые стихи. Прочитав их, я подумал: «Вот северянин, которого никому не придется «открывать». Через год вышли в свет его «Нивхские легенды» (1961), затем — сборник стихов «Соленые брызги» и книжка рассказов «Голубые горы» (1962).

В наши дни разучились удивляться подобным явлениям. И все-таки хочется удивиться: ведь еще совсем недавно нивхи кочевали по берегам своего острова, голодали, вымирали от болезней. Они не имели письменности, и самый необузданный фантазер из их среды не мог мечтать о том, что у них будет свой писатель. Теперь этот древний, добрый, терпеливый народ как бы обрел свой голос — заговорил стихами, прозой Владимира Санги. Первого нивхского писателя знают не только на Сахалине и Дальнем Востоке — стихи и рассказы Владимира Санги печатаются в центральных журналах и издательствах.

А. Ткаченко

Что-то родное находил Изгин в тупоносых, битых временем и невзгодами лодках. Они, опрокинутые, сиротливо лежат на берегу залива, как раз напротив его дома. Стоит только открыть певучую дверь, как вместе с резким светом в его старые, но еще острые глаза лезут лодки с выцветшими, потрепанными бортами. Со стороны лодки напоминают выброшенных на берег камбал, которые в неслышном хрипе раскрыли рты: «Воды».

Когда-то дом Изгина стоял в центре поселка. А поселок тянулся двумя рядами вдоль прибрежных дюн. Изгин радовался: его дом расположен удобно—вправо и влево до крайних домов расстояние одинаковое. Это — большое преимущество. Оно особенно давало о себе знать в зимние буранные вечера. Недельные бураны — самое скучное в жизни нивхов-непосед: ни на рыбалку выйти, ни на охоту. Чем же заняться мужчине? Вот и ходит Изгин в гости к соседям. Под нудное завывание бурана неторопливо пьет чай, расспрашивает о последних новостях, осторожно выведает у соседа его отношение к какому-нибудь событию. Вокруг много происходит событий. И не всегда знаешь, как отнестись к ним. Тут нужно не спеша и обстоятельно обдумать их, узнать мнение людей. Когда же это делать, как не в буранные вечера! Сегодня был у соседа справа, завтра — у соседа слева. А если буран затянется, посетит второй дом справа. Все рядом, удобно. Попробуй-ка в буран пройти по поселку! Прибьет к какому-нибудь сугробу, утонешь в нем. А то и заблудишься вовсе. Вот и ходят жители крайних домов друг к другу ежедневно, потому что сидеть дома несколько дней подряд без дела — это невыносимая тоска. Конечно, лучше бы не надоедать соседу частыми посещениями, но в буран и расстояние через дом почти непреодолимое. И не остается ничего, как каждый день добираться до соседнего крыльца, взбираться по скользким, заснеженным ступенькам, громко ругать погоду, звучно кашлять, сообщая о своем приходе, и гулко и усердно топать ногами, стряхивая с торбасов налипший комками снег. Нивх терпелив. Он не выкажет своего недовольства. Примет гостя по обычаю: подаст трубку и расшитый узором кисет, затопит печь. Угостит. Займет разговором. Если же беседа затянется допоздна, постелет оленью шкуру: зачем выходить в буран? Авось, к утру уймется.

А Изгину удобно: его дом посредине поселка.

А когда возвратишься с весенней охоты во льдах с удачей — с огромным сивучом, сало которого толщиной в пять пальцев!.. Какие бы муки Изгин претерпел, перетаскивая мясо и сало к себе, если бы его дом стоял вдали от берега! А он — его старый, добрый дом — стоит прямо над прибрежным обрывом. Удобно он стоит.

Правда, в последние годы Изгину не приходится таскать такую огромную добычу... Но выйти теплым днем на нагретую солнцем дюну, посидеть на ней, обсыпав крупным горячим песком голые, узловатые от ревматизма ноги... Удобно стоит дом.

Изгин — опытный охотник и рыбак. Некоторые поселковые насмешники говорят, что он отжил свое и теперь годен разве только в сторожа. Но Изгин упрямо стоит на своем: он был охотником, сейчас охотник и умрет охотником.

Сколько исходил Изгин за свою долгую жизнь! На восточном побережье Сахалина нет урочища, где бы в погоне за удачей не побывал Изгин. Нет здесь ни одного залива, ни одной речки, где бы не рыбачил Изгин. Пусть кто-нибудь из этих «остряков» попытается посоревноваться с ним в знании залива, его мысков, бухточек, рек. Они и названия-то не все знают. Ведь не случайно в прошлое лето приезжий из Москвы профессор, такой же старый, как Изгин, именно его взял себе в помощники, когда записывал названия всех, даже малюсеньких, уже забытых многими речушек, бугров, мысов, бывших стойбищ. Хитрый старик: сам не хуже нивха знает язык, а все равно просил помочь разобраться, из каких слов состоит то или иное название.

Профессор приезжал вместе с нивхским поэтом. Поэт — частый гость в Чайве. А профессор впервые здесь. Рассказывал: бывал у нивхов Амура. Приехал изучать нивхские названия — пишет книгу, что ли.

Пока Изгин работал с профессором, поэт занялся другими сказителями, благо их в поселке несколько.

Как-то в тихий, на редкость солнечный день старики — Изгин и профессор — сидели на пологой дюне.

Изгин по своему обыкновению всунул босые ноги в нагретый песок и, не торопясь, вспоминал забытые названия. Уставший профессор не спеша записывал их.

Изгин смотрел на чистую страницу толстой тетради. Карандаш профессора коснулся ее верха, оставил маленький след. Вот карандаш уверенней зашагал поперек листа. И за ним осталась цепочка следов. Но вот он помчался бойко, и цепочка за цепочкой, как волны на заливе, легли его следы.

В стороне послышался разговор. Кто-то говорил глухим голосом. Из-за бугра показалась густоволосая голова. Она и этот простуженный голос могли принадлежать Латуну, бригадиру молодых рыбаков. Показался черный пиджак, такого же цвета брюки, и Латун перевалил через бугор. Ишь, нарядился. Видно, сегодня рыбаки отдыхают. С ним молодой человек — сын сказительницы Тайгук.

Молодой человек сочиняет складные тылгуры — легенды. Это даже не тылгуры. Стихи называются. А он поэт.

На другой же день после приезда поэт навестил всех стариков. И Изгина тоже. Старик благодарил молодого человека—далекий гость принес ему свое почтение.

И сейчас подошел посмотреть, как идут дела у стариков.

...Сын Тайгук родился и жил в Чайве до возраста пускания корня. Односельчане уже ждали, что в поселке появится еще один очаг. Но юноша, подхваченный каким-то ветром, сорвался с родных мест и уехал в большое русское селение, что, как рассказывают бывалые люди, находится на расстоянии полжизни пути, если идти пешком. Говорят, там большие дома-скалы, такие большие, что можно вселить в один из них всех жителей поселка Чайво с его колхозом, рыбобазой, метеостанцией, магазином и почтой, и еще утверждают, тесно не будет. А домов столько, что если даже заходить не на чай, а просто так, справиться о здоровье жителей, понадобится много месяцев.

Сына Тайгук не было пять лет. Вернулся учителем и, как сейчас уже привыкли нивхи называть его, поэтом. Те, кто первым слушал его выступление (слово-то какое, тоже появилось

совсем недавно), утверждали: никогда их слуха подобное не касалось.

Вскоре и Изгин услышал его. Сам признанный сказитель, он поразился обилию ума, вложенного в те немногие слова, что составляют стихи. Поразился звучности этих слов, их стройности и зримости. Многие стихи поэта были одеты в мудрую печаль. Такое могли говорить лишь уста лучших шаманов, которых видел старик в годы своей юности.

Этого молодого человека с рюкзаком за плечами видели во всех нивхских селениях. Изгин встречал на своем веку не одного собирателя сказок. Но этот удивлял сказителей какой-то ненасытной жадностью до всего того, что является достоянием только их, сказителей.

Чего греха таить, Изгин поначалу делал вид, что знает не много сказаний: кому охота тратить время на пересказывание сказок и легенд, когда, допустим, пошла рыба? Да и язык устает.

Но вот однажды увидел Изгин: на берегу собралось несколько неводников с рыбаками, и среди них кто-то в белой рубахе. Вышел старик полюбопытствовать, что заинтересовало столь солидных людей. И услышал неповторимое: казалось, само море вдруг обрело язык и говорило с людьми — поэт читал стихи. А вокруг тишина, тишина. Даже слышно, как пена шуршит о борта лодок. А поэт возвышался на груде невода, широко расставив ноги. Левая рука его энергично согнута, а правая в такт стихам делала круговые движения, будто поэт вращал что-то тугое. Поэта подхватила большая внутренняя сила, и казалось, вот-вот он взлетит.

Поэт читал стихи о волне.

Изгин видел, как на бескрайнем океанском просторе что-то еле заметно сверкнуло. Плеск. Еще плеск. И зародилась маленькая волна. Играя с рыбьей стаей, она все росла и росла. И вот, выгнув спину, поскакала белым горностаем. Велик океан. Во все стороны одна даль, даль.

И помчалась волна... Куда? Зачем?

Кто тебя приветит
нежным словом?
Кто тебя
в просторных
далях
ждет?

Но ее никто и нигде не ждет.

Громадина волна, перед которой ничто не устоит, не знает, зачем она появилась на свет.

Ничему не рада,
ни на что не злишься.
У тебя, холодной,
никаких страстей.
Забавляясь силой,
вдаль стремишься,
В те края,
откуда
нет
вестей.

И вот она, громадная, и вот она, гривастая и в ярости бессильная, нависла над скалой. Мгновение — и обрушится всей своей мощью на камни, и... только вспыхнувшие в лучах солнца брызги напомнят: была она, громадная, могучая волна.

Поэт кончил читать. Все молчали, захваченные страстным чтением.

Изгину жаль волну, так зря растратившую свою огромную силу. Но вот какая-то смутная, не поддающаяся объяснению тревога заняла всего старика, вытеснила все его повседневные маленькие заботы. Эта тревога молнией вошла в голову, стала стучать в виски с настойчивостью дятла, добирающегося до личинки короеда. Только заметили односельчане: с тех пор уже не поэт искал встречи со сказителем, а старый человек шел к поэту и торопился выложить все, что слышал от разных сказителей за свою долгую жизнь. И рассказывал до тех пор, пока неутомимый молодой человек не сдавался: «Аткычх[1], передохнем».

...И вот стоит поэт перед стариком, высокий, обветренный, как и все нивхи, с живыми, на редкость большими глазами, окаймленными черными ресницами. Брови вразлет, как ястребиные крылья, тонкие, цвета клюквы губы. Худощавое лицо в постоянном движении: оно живо откликалось на окружающее.

— Работайте, работайте,— мягко сказал поэт. В его голосе пробивалось извинение: пришел и помешал людям.— Мы с Латуном подошли посмотреть, как вы работаете.

Изгин обрадовался молодым людям: им тоже интересно, что говорит старый человек.

— Присаживайтесь, нгафка[2],— обратился Изгин к поэту.— И ты присаживайся, бригадир,— обратился старик к Латуну.

— Раз уж сошлись вместе профессор, поэт и сказитель, надо говорить о том, что всем интересно,— сказал Изгин, лукаво прищурив и так узкие глаза.

«Сейчас что-нибудь расскажет»,— будто неожиданной приятной находке, обрадовался поэт.

— Вы, конечно, слышали, что среднее течение нашего залива у пролива называется Харнги-ру. Но не знаете, откуда взялось это название.— Старик обвел собеседников испытующим взглядом.

Когда Изгин сказал, что среднее течение залива Чайво у пролива носит название Харнги-ру, профессор удивленно глянул на собеседника. Смотрел с нескрываемым любопытством. Совсем как подросток, которого только что посвящаешь в тайны охоты. А потом на его блеклые от старости глаза опустилось сомнение.

Харнги-ру... Харнги-ру... Пожалуй, никто в поселке и не задумывается над тем, почему среднее течение у пролива называется Харнги-ру. Называется так — и все. И никому нет дела до происхождения этого названия.

Харнги-ру — Озеро гагары. На заливе и вдруг озеро! Разве может быть такое? А ведь случилось же такое.

...Очень давно юному Изгину дед (память о нем добрая) рассказал, откуда взялось это странное и загадочное название.

Длинный, сплошь покрытый кедровым стлаником и низкорослым ольшаником остров, что лежит посредине залива Чайво, некогда был намного шире, чем сейчас. А на том острове — озеро.

[1] Аткычх — уважительная форма обращения к старому человеку, буквально: дедушка.
[2] Нгафка — форма обращения, буквально: товарищ.

Как-то гагары пролетали над заливом и нашли этот остров с озером. Озеро удобное: залив под боком, за пищей далеко летать не надо.

И поселились гагары на этом озере. Свили гнезда. Кормят детенышей живой рыбой. Очень обильно кормят: рыба рядом, сама лезет в желудок.

Детеныши растут сытые, ленивые. Лежат себе в теплых гнездах и только раскрывают клюв, чтобы принять рыбу от родителей. Ни летать не хотят, ни ходить. Так отлежали ноги, что они и по сей день не разгибаются. Потому гагары и не умеют ходить по твердому. А ведь другая птица и летать умеет по воздуху и ходить может по земле.

Развелось гагар в озере больше, чем комаров в тайге. Вскоре они пожрали всю мелкую рыбу в заливе. Старые рыбы забеспокоились: их роду приходит конец. Обратились они со своим горем к хозяину моря Тол-ызнгу.

Приплыл Тол-ызнг к острову, говорит гагарам:

— Птицы вы, птицы! Вы наделены крыльями — расстоянья вам нипочем. Вы наделены умением плавать на воде и под водой — штормы вам не страшны. Пищу добыть вам ничего не стоит. Но вы больше калечите рыбу, чем едите. Поселитесь снова в отдаленных озерах. Тогда будете ценить пищу, не будете зря уничтожать рыбу.

А гагары тянут шею, чтобы через прибрежные бугры увидеть Тол-ызнга. И вытянулась шея у гагар длинная-длинная.

Тол-ызнг снова обращается к гагарам:

— Птицы вы, птицы!..

А гагары издеваются над ним:

— А-а-а-а-а!

Знают, что Тол-ызнг не достанет их. Хозяин моря, он только в море хозяин.

Разгневался Тол-ызнг. Поднял в море страшную бурю. Волны набросились на берег острова, ударили в склоны прибрежных холмов. И вскоре разрушили узкий перешеек, что отделял озеро от залива.

Еще дед Изгина видел маленькую бухточку, врезанную в остров,— все, что осталось от озера.

Теперь и бухты нет — прямой, круто обрывающийся к волнам берег.

Гагары разлетелись кто куда.

А море продолжает гневаться и по сей день — все рушит и рушит берега...

Старик перестал рассказывать. Но будто видел: над обрывом в молчаливом крике нависли крючковатые, как пальцы стариков, оголенные корни. Им не за что ухватиться. И валятся, валятся в море деревья и кусты.

Исчезло озеро Харнги-ру. Исчезло много прибрежных дюн. Все рушится. Все исчезает. Ничто не вечно. А имена исчезнувшего забываются...

Изгину взгрустнулось от этих невеселых мыслей.

Он шевельнул ногой. По склону дюны побежала струйка песка. Струйка. Еще струйка. И вот уже ручей низвергается вниз, к воде. Волны подхватывают песок, и течение выносит его в залив.

Пройдет немного лет, и не станет дюны, на которой сидит Изгин. Да и сам Изгин скоро умрет.

Ничто не вечно. Вечно только время.

Грустно и печально старику. Но тут глянул на собеседников — встрепенулся: профессор и поэт торопливо записывали в тетради его слова, слова старого охотника и сказителя. Цепочка за цепочкой, цепочка за цепочкой легли волны на чистые листы. Вечные волны — следы.

И старик подумал: вечна и жизнь. Она живет, передаваясь из поколения в поколение.

...Через полмесяца поэт уехал домой, в областной город. С наступлением дней перелета птиц в сторону полудня уехал и профессор.

И остался старый сказитель один. Наедине со своими мыслями и настроениями.

Прошлое лето было большой радостью в одинокой жизни Изгина. Он втайне лелеял надежду на его повторение. Но не приезжал ни профессор, ни поэт. Говорили, что поэт уехал в Москву. Надолго.

Теперь Изгин только и занимался делом, которое незаметно стало его повседневной радостью: чинил лодку и сети.

Хоть стар Изгин, но он остался охотником и рыбаком. За свою долгую жизнь он хорошо изучил нрав залива.

Кто лучше всех в селении определяет течение? А оно изменчивое. Некоторые бригадиры прямо на рулевых веслах делают маленькие царапины — отмечают дни большой и малой воды. А Изгина увези хоть куда, продержи его там сколько угодно времени, вернется к родному заливу, взглянет на его лицо и скажет: сегодня третий день большой одинарной воды, через неделю будет двойная вода.

А знать воду ой как надо! В большую воду за сутки один длинный прилив и такой же длинный отлив. А в двойные — косы не успевают обнажиться, как тут же вновь заливаются

приливной волной. На восточном побережье Сахалина рыбачат в двойную воду два раза, в большую — один. В толчок — в переходный период между двумя водами — первый отлив еле намечается. Но при расторопности можно сделать два замета. Иногда во время подходов сельди в толчок берут большие уловы. Но кое-кто по неопытности «зевает» этот миг.

Как-то вышел Изгин на берег, взглянул на залив и заметил: через полчаса вода слегка отхлынет. Но никто и не собирался на рыбалку. Изгин торопливо направился к Латуну — бригадиру молодежной бригады. Застал у него многих рыбаков. Дружный народ молодежная бригада. И работает расторопно, и по вечерам в клубе все вместе занимаются в кружках, и в спортивных соревнованиях участвуют. И сейчас собрались у бригадира и с самым беспечным видом о чем-то говорят. Латун гостеприимно поднялся навстречу старику и предложил стул. Старик прошел мимо высокого неудобного стула, сел у стены на пол, накрест подогнув под себя ноги, хитро прищурил щелки-глазки, сказал:

— Как я вижу, уже май месяц, а медведь все еще спит в берлоге. А осенью он удивится: «Что-то произошло в мире — лето на месяц стало короче».

Молодые рыбаки поняли намек.

— Что вы говорите, дедушка! Толчок будет завтра,— уверенно сказал Латун.

— У человека есть слабость: когда он разучится делать свое дело, начинает поучать других.— Это сказал Залгин, редкий среди нивхов грубиян, не признающий разницы ни в возрасте, ни в положении. Товарищи не любили его за это, но держали в бригаде: работал, как нартовая собака.

Вокруг раздалось: «Ш-ш-ш-ш». Это на Залгина. А Изгин надел потрепанную оленью шапку и гордо вышел.

Через час молодые рыбаки стояли на берегу. Был слабый отлив. Рыбки, резвясь, выпрыгивали из воды и, сверкнув жирными брюшками, возвращались в родную стихию. Рыбаки оживленно говорили о чем-то, резко жестикулировали. Все это Изгин видел из окна своего дома.

А поздно вечером, когда рыбаки вернулись с рыбалки, использовав только один отлив, мимо прошел старик Изгин. Он шагал с независимым видом: руки за спину, голова запрокинута, будто старая шапка вдруг настолько отяжелела, что оттягивала ее назад.

— Дедушка!— донесся до него виноватый голос Залгина.

Изгин даже не обернулся.

— Дедушка, а дедушка!— слышится глухой, хриплый голос.

Это обращается уже бригадир. Ну, что ж. Ему можно ответить. Молодые рыбаки окружили старика.

— Дедушка, бригада просит извинить Залгина.— Это просит бригадир. И от имени всей бригады.— К тому же, дедушка, я уже третий сезон бригадиром, а нет-нет да и ошибусь с этим проклятым течением. Научите меня совсем не ошибаться.

Изгин внимательно посмотрел на Латуна, потом перевел суровый взгляд на Залгина, стоявшего с потупленной головой. Видно, здорово ему досталось от друзей. Старик глубоко вздохнул. Примирение состоялось.

И теперь кто посмеет сказать, что Изгин никому не нужен! Человек, он всегда людям нужен. Пусть он будет инвалидом или глубоким старцем — он нужен людям. Как правило, подобные мысли приходили в голову, когда кто-нибудь, сам того не замечая, ущемлял самолюбие старика.

Напротив дома Изгина — тоня. Ее так и называют — Изгинская. Когда здесь мечут невод, старик выходит из своего жилища, становится около питчика, который с помощью деревянного кола регулирует замет и натяжение невода, и вслух дает оценку замету. И, заметив, как прибрежной струей выносит начало невода вперед, кричит:

— Смотрите, люди! Бригадир выставил пузо! Видно, слишком много рыбы вошло в невод. Видно, не под силу бригаде притонить его. И бригадир, жалеючи людей, загородил рыбе вход в невод!

Питчик пробежками пытается исправить оплошность бригадира, но замет, считай, пропал.

Изгина недолюбливали за его острый язык и старческую настырность. Но он относился к той категории людей, которые всегда бывают правы. И потому его еще уважали. Колхозное начальство считалось с его мнением, но мудро решило, что будет лучше, если держаться от него подальше: уж очень прямо говорит Изгин о работе и поведении членов правления и председателя колхоза. Рядовые же колхозники поддерживали его: пусть говорит.

Но с годами боевой дух старика истощался. А последнюю зиму он пережил с трудом. Почти не вставал с постели. Мучил старый, как он сам, недуг — ревматизм. А тут еще заболел воспалением легких и чуть не ушел в Млыхво — селение усопших. Поднялся только весной. Летом мало общался с соседями. Лишь изредка спрашивал: не слышно, приедет ли нынче поэт?

По селению уже не ходили его остроты. Не докучал бригадирам своими замечаниями...

— Угомонился,— говорили одни.

— Как бы он не того...— шептали другие.

Вот уже третий год колхоз застраивается новыми домами. Посеревшие от времени старые избы были возведены еще руками Изгина и его сверстников. Они отслужили свое, и колхоз построил новый поселок, чуть повыше прежнего. Старые же дома разобрали на нё — амбары для хранения юколы.

Нынче летом последние семьи въехали в новые дома. Изгин же ни в какую не соглашался покинуть свое старое жилье. Его дом теперь стоял оторванно от пахнущих смолой коттеджей. Колхоз слегка починил жилище старика.

Последнее лето Изгин отдался своим привычным желаниям. А эти желания, как больные птицы, не улетали далеко. В мае он ждал наступления июня — месяца хода горбуши. В июне с нетерпением ожидал хода кеты, который бывает в конце августа. Он заготовил много юколы и все роздал сородичам. Все удивлялись его беспечности: себе-то не оставил...

— Пожалуй, нынче он того...— полз шепот по поселку.

С особенным нетерпением старик ждал наступления зимы. Бывает такое. Справится человек со своими насущными делами и однажды ловит себя на мысли: дела поменьше и не очень важные закончены, а главное, большое еще далеко впереди. Сделать бы его сейчас, да нельзя — не время. Остается одно — мучить себя изнурительным ожиданием.

Изгин уже давно закончил приготовление к зиме. И теперь скучал от нечего делать и ругал время за его медлительность. Старик открывал дверь. Та выводила скрипучую песню, которая вползала в его душу и тяжелой печалью растекалась в ней. Открывалась дверь, и вместе со светом в глаза лезли старые, никому не нужные лодки. Их даже на дрова никто не порубит. Пропитанные насквозь солью, они способны только тлеть, испуская едучий дым.

А ведь когда-то и их водили пузатые и деловитые мотодоры. Наполненные живой сельдью, они важно подходили к приплоткам, где их радостно встречали сортировщицы и шумная ребятня. Когда-то и с ними заигрывали волны, плескались вокруг них и, играючи, прикасались к ним щечками.

А теперь они, никому не нужные, забытые, лежат на берегу. Лишь ветер навещает их, пролезает сквозь щели, равнодушно гудит в пробоинах и улетает по своим, только ему известным делам. Да дождь, видя их беспомощность, злорадно пляшет по открытым днищам. Старику жалко их, и его глаза покрываются голубовато-белесой пленкой грусти. Старик старается не глядеть на лодки, у порога звучно сморкается и мучительно думает, чем бы сегодня заняться.

Потоптавшись минуту в нерешительности, не спеша поворачивается и, сутуло пригнувшись, громоздко влезает в низкую дверь. Медленно проходит в наполненную сумраком комнату. Руки сами обхватывают тяжелые и прочные сиденья — чурки от лиственницы. Старик переставляет их от стены к нарам, потом от нар переносит в угол, где грудится всякий хлам: дырявый брезентовый дождевик, заплатанная ватная телогрейка, грязное белье. Валко ступает в сторону, примеривается, снова хватает чурку, несет в передний угол и ставит к свежевыскобленному пыршу — обеденному столу на коротких, с рукоятку ножа ножках.

С тех давних пор, как Изгин вошел в рыболовецкую артель и закрепился на месте, появилась у него эта странная для постороннего глаза привычка.

До времени пускания корня Изгин прожил, как и все нивхи в то время: год у него был строго разбит на сезоны. Когда солнце при своем заходе делает самый длинный в году шаг и свет умершего дня трепещет даже тогда, когда последний звук дня — дружный и певучий вой ездовых лаек — перекатывается из одного конца селения в другой перед тем, как они впадут в короткий, чуткий сон,—это сезон лова горбуши. Многотысячные стаи лосося идут из моря в реки на нерест. И человек выезжает на облюбованное еще предками урочище и заготовляет нежную юколу.

Когда деревья и травы остановят свой буйный рост и, отдав земле свое наследство, устало отдыхают, из моря прет старший брат лососей — кета. И человек срывается за косяком рыбы в новые места.

Но вот пришли холода. По утрам гулко гремит подмерзшая земля. Уверенно и обильно падает первый, уже настоящий зимний снег, которому суждено растаять весною последним. Бодрящий воздух, мягкое поскрипывание еще не схваченного морозом снега тревожат сердце. Человек чувствует, как он наливается новой силой. Притихает на какое-то мгновение, обескураженный ощущением этой силы. Потом вдруг заволнуется, заспешит. Человек всей семьей переезжает с оголенного побережья моря в тул-во — зимнее стойбище, где под защитой тайги не страшен никакой буран. И живет в тул-во, пока солнце не стронется с самого короткого дня. Мужчины заканчивают сезон охоты на соболя, и переезжают в кэтво — в летнее стойбище,— и открывают сезон охоты на морского зверя во льдах.

Каждый переезд — это новые места, новые дела, новые радости. И так из года в год в течение многих лет.

Окончание следует.

Число писем, присланных на конкурс «Огонька», посвященный советско-чехословацкой дружбе, перевалило уже за 1 500. В каждом, даже самом скромном, — интересная человеческая история. Авторы многих писем говорят, что они прежде никогда не брались за перо, но теперь сделали это, потому что хотели высказать свое отношение к теме конкурса — дружбе и братству наших народов.

Продолжаем публикацию конкурсных материалов.

НАШ КОНКУРС

ЕСТЬ КОЛХОЗ ПОД САРАТОВОМ...

Для меня девиз «Навеки вместе!» имеет особенно глубокий смысл. И вот почему.

Я чех по национальности, хотя родной язык мой — русский. Родители мои приехали в Советский Союз сорок с лишним лет назад молодыми людьми, вместе со своими родителями, организованным коллективом из Чехословакии. Приехали после обращения В. И Ленина, купив на свои сбережения машины, оборудование и прочее. Так в степи на берегу речки Большой Узень, в Ершовском районе, Саратовской области, возникла чехословацкая коммуна «Рефлектор».

Со временем коммуна стала колхозом того же названия; здесь плечом к плечу работали чехи, словаки, русские, украинцы, татары.

Тяжелым испытанием была Отечественная война: мужчины чехи и словаки вступили в сформированную в СССР чехословацкую бригаду генерала Свободы, а женщины и дети в тылу работали не покладая рук, отдавали деньги на строительство боевой техники. Наш отец Клоуда Алойс тоже был в армии и погиб в рядах чехословацкой бригады в боях под Харьковом, у села Соколово, 10 марта 1943 года. Тяжело потерять любимого отца, но такую войну нельзя было выиграть без жертв.

Нас с братом Владиславом воспитала мама Божена; брат закончил институт, а я — техникум. У нас свои семьи, и мы работаем уже больше десяти лет после окончания учебы: брат — на целине, а я — в Саратове.

«Рефлектор» — наша родина, и мы часто бываем там, где родились и где в последний раз трудился наш отец перед уходом в армию. Мы интересуемся делами в колхозе и радуемся его успехам. В этом году осенью в «Рефлекторе» будут отмечать 40-ю годовщину организации коммуны; обязательно побываю на торжестве.

Очень ярки воспоминания о детских и юношеских годах, проведенных в «Рефлекторе», о бригаде, где в войну работало два десятка таких же пацанов 11—14 лет, а бригадиром была наша мама. С вечера, несмотря на усталость, не хотелось спать, а на рассвете с большим трудом поднимались и в потемках, сонные, на ощупь запрягали своих лошадей, которых нам пригонял с пастбища старик инвалид Антон Спиридонович. Работали от темна и до темна на косилках, на погрузке сена, на вывозке зерна на элеватор — работали до изнеможения. Когда зимой в школе начинались занятия, то очень часто ездили в поля, где оставались копны необмолоченного хлеба, и обмолачивали его, ведь фронт требовал, и мы хлеб давали. Весной 1943 года умер наш дедушка — мамин отец. По дороге на кладбище, когда мы проходили около мастерских, где дедушка проработал много лет, его товарищи ударами по наковальне проводили его в последний путь. Потом мы узнали, что наш отец погиб на фронте. Он на санитарной машине вез группу раненых, налетел немецкий самолет и сбросил бомбу — никто в живых не остался.

Вспоминаю, как ребята старше нас добровольцами уходили в чехословацкую бригаду.

Килиан Ладислав — отличный охотник и самый удачливый суслятник, которому мы все, младшие, завидовали,— сейчас живет в Праге; виделся с ним в последний раз, когда он был на поправке в «Рефлекторе» после ранения.

Швадленка Милош — страстный любитель лошадей, которым отдавал больше времени, чем учебе, отчаянный сорвиголова, про которого говорили, что он погибнет из-за безрассудной храбрости. Он был несколько раз ранен и закончил войну в Чехословакии. Сейчас с семьей живет в Яромерже.

Представляю себе картину: когда-нибудь я попаду на родину моих родителей — Чехословакию — и навещу всех знакомых и родных, а их немало, только у отца там живут три родных брата. До сих пор мне не приходилось бывать в Чехословакии, если не считать поездку в 1933 году в возрасте трех лет с мамой. Думаю, моя мечта осуществится.

Несколько лет назад наша мама в числе других была награждена чехословацким правительством. В 1965 году Саратовский телецентр показал короткометражный фильм «Когда деревья стали большими» — о сегодняшнем дне колхоза «Рефлектор».

Наш город Саратов дружит с Братиславой, часто бывают делегации из Западно-Словацкой области, навещают целинный совхоз «Декабрист», который находится в трех километрах от «Рефлектора», но там не бывают: видимо, не все знают о его существовании.

Мне не приходилось писать таких статей, но я не мог не откликнуться на призыв «Огонька», так как уверен, что народы Чехословакии и Советского Союза будут навеки вместе!

Индрих КЛОУДА

Саратов.

Спасибо друзьям!

Дорогая редакция! Пишет вам рядовой рабочий, токарь по металлу Кузнецов Анатолий Васильевич.

Живу я в Казани, мне 45 лет, из них я работаю токарем двадцать девять лет, в том числе десять лет работал на станке Т. О. С., изготовленном в Чехословакии.

Мы, русские, называем этот станок сбруевкой. В 1950 году нам в цех привезли два станка Т. О. С. Они радовали глаз своей обтекаемой формой, и все было в них закончено, и, не скрою, у многих токарей была мечта поработать на этих станках, ибо мы своей интуицией чувствовали, что это верх конструкторской мысли в создании токарно-винтонарезных станков. И мечта сбылась: я начал работать на нем и проработал десять лет, выполняя самую точную работу. Что это такое, вы меня извините, поймут только люди моей профессии. Сейчас я уже не работаю на этом станке, но он в полном порядке и считается одним из лучших в цехе, на нем выполняют работу, где допуски исчисляются долями микронов. Сделанный друзьями станок продолжает служить друзьям!

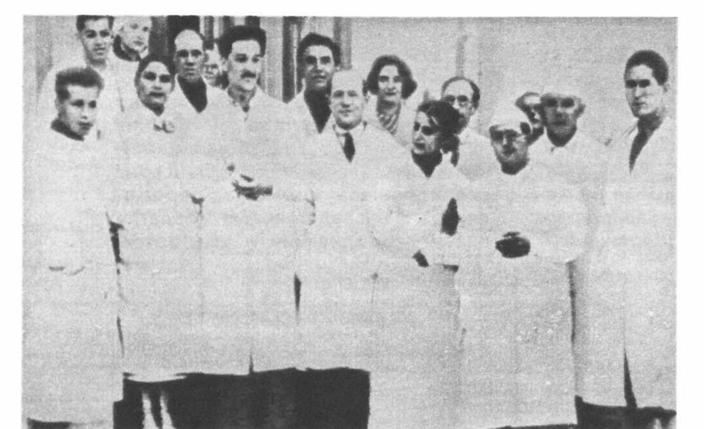
А поэтому, дорогой «Огонек», передай талантливому чехословацкому народу большое спасибо за станок, а еще за замечательных путешественников Зикмунда и Ганзелку. А также вместе со мной передает большой привет и самые лучшие пожелания моя жена. Она во время войны находилась в концертной бригаде 3-го Украинского фронта 46-й армии, с которой ей пришлось побывать в Братиславе и Праге. Она имеет медаль за участие в освобождении Чехословакии.

Еще раз спасибо за все. Мы, русские, любим МИР! И полны решимости отстаивать его. Нужно дружить и обмениваться всем, что есть лучшего у наших народов. НАВЕКИ ВМЕСТЕ!

А. В. КУЗНЕЦОВ,
А. Г. КУЗНЕЦОВА

Казань.

Встреча с Фучиком

В один из летних дней 1934 года в редакцию газеты «Комсомольская правда» пришел человек. Был он невысокого роста, со смуглым улыбчивым лицом.

— Я Фучик, Юлиус Фучик из «Руде право». Имею к вам просьбу, товарищи.

Фразу эту он произнес напевно, с каким-то неуловимым акцентом.

— Еду в Среднюю Азию. Буду писать для «Руде право». Хорошо бы, со мной поехал ваш фотокорреспондент.

И вот мы в пути.

В Самарканд приехали глубокой ночью, но ранним утром Фучик был уже на ногах и торопился в город. В этот день журналистские дороги привели нас в новенькую, только что отстроенную больницу на окраине города. Фучик ходил по палатам, подсаживался к постелям больных, тихо, душевно справлялся о здоровье, самочувствии, застенчиво улыбался. А закончив знакомство с больницей, он вышел и как-то по-домашнему уселся на больничном крылечке. К нему подсели молодые узбекские врачи, а он шутил с ними, стараясь правильно произнести их звучные, но трудные имена.

Пришла пора расстаться, и все в один голос захотели иметь фотографию на память. И это уже была моя забота. Здесь же, на крылечке, выстроилась группа врачей вместе с Фучиком, а когда я закончил съемку, ко мне подошел молодой узбекский врач и, очевидно, пожалев меня, сказал:

— А теперь становитесь на мое место, а мне дайте ваш аппарат, и я буду вас снимать, только фотографии пришлите обязательно.

Вернувшись в Москву, я выполнил просьбу и выслал фотографии. Было это больше тридцати лет назад. А совсем недавно я вспомнил и рассказал эту маленькую историю в Праге своим друзьям, чешским журналистам. Они показали мне фотографию более чем тридцатилетней давности. Получили ее в Чехословакии из Самарканда, а прислал ее тот самый узбекский врач, который снимал.

В центре группы, которая изображена на фотографии, Юлиус Фучик, а вокруг него друзья из Самарканда.

А. УЗЛЯН,
фотокорреспондент «Огонька»

Каменистые тропы генетики

В. ПОЛЫНИН

Фото В. ТЮККЕЛЯ.

Дарвин был молодым человеком, когда ему открылась истина, положенная в основу учения о происхождении видов,— закон естественного отбора. А потом все сорок четыре года, предоставленные ему судьбой для работы, Дарвин только и делал, что разрабатывал архитектурные детали здания, однажды разом увиденного во всем его объеме.

На постройке пирамиды дарвинизма ее создатель трудился, как раб. Но эта работа не изнурила его так, как попытки разобраться в старой загадке: почему дети в одно и то же время и похожи и непохожи на своих родителей?

К этому прибавились душевные муки, когда через восемь лет после публикации «Происхождения видов» некто Дженкинс, преподаватель инженерного дела, напечатал статью, в которой приводились расчеты, язвящие дарвинизм в его ахиллесову пяту — непонимание природы наследственности.

Господин Дарвин, рассуждал Дженкинс, приписывает естественному отбору действия, которых естественный отбор совершать не может. Если слушать Дарвина, вид изменяется, когда у его представителей накопится достаточно мелких изменений, которые передаются по наследству от родителей к детям. И только тогда, когда внутри вида наметится явное разделение на более приспособленных и менее приспособленных к жизни особей, отбору ничего не останется, как совершить свой жестокий, но правый суд.

На бумаге гладко, соглашался Дженкинс, но в жизни так дело пойти не может: мелкие изменения возникают не у всех представителей вида, а лишь у некоторых из них. Эти изменения не будут накапливаться, так как каждое скрещивание не может не привести к разбавлению отцовской наследственности материнской, и вновь возникшая крупица новоявленного признака с каждым поколением будет уменьшаться ровно вдвое. Когда уловимым станет число изменившихся особей, неуловимым сделается само изменение. Отбору станет нечего отбирать.

И Дарвин не нашел защиты от возражения Дженкинса. А между тем он не переживал бы кошмара, длившегося пятнадцать лет (Дженкинс сделал свое заявление в 1867 году, Дарвин умер в 1882), если бы ему попался на глаза бюллетень Общества натуралистов города Брюнна (ныне Брно), где на тридцати страницах был напечатан доклад некоего Грегора Менделя «Опыты над растительными гибридами».

Доклад был сделан 8 февраля 1865 года, то есть за два года до заявления Дженкинса, за семнадцать лет до смерти Дарвина. В течение часа Менделя слушали ученые-профессионалы, но не задали докладчику ни единого вопроса. Отпечатанный доклад был разослан ста двадцати научным учреждениям всего мира. Четыре экземпляра попали и в Россию. Но ни один из виднейших биологов мира не откликнулся на доклад ни единым словом.

Судьба доклада повторяла судьбу ученого. Когда Мендель, этот монах поневоле (сын бедного крестьянина не имел другого доступа к учению), попытался получить диплом преподавателя средней школы, экзаменаторы провалили его. Своими ответами ученик поставил профессоров в неудобное положение — признать невеждами либо себя, либо его. Доклад Менделя не был по достоинству оценен мировой наукой, потому что идеи Менделя намного обогнали ее уровень.

Что сделал Мендель? Он повторил опыты своих предшественников по скрещиванию различных рас гороха. Одна из них, например, имела желтые семена, другая — зеленые. Как и следовало ожидать, как это получалось и до Менделя, гибрид от такого скрещивания получился желтозерным. Ни одного зеленого зернышка. Когда же были посеяны желтые гибридные семена, получились растения не только с желтыми, но и с зелеными горошинками.

Эти явления подавления одним признаком другого в гибриде (желтозерностью зеленозерности) и выплывание подавленного признака в последующих поколениях до Менделя наблюдали многие, в том числе и Дарвин. Однако Мендель был первым, кто сообразил: если при скрещивании признак (например, зеленозерности) исчезает в гибриде, а затем в последующих поколениях вновь всплывает, выщепляется, значит, каждому видимому нами внешнему признаку должен соответствовать некий невидимый, но материально существующий наследственный задаток. Этот монах со складом ума материалиста не мог допустить, чтобы что-то могло вдруг превратиться в ничто, а затем из ничего могло бы вновь возникнуть что-то. Если зеленозерность выщепилась в потомках желтозерного гибрида, значит, в желтозерном гибриде просто скрывался наследственный задаток зеленозерности.

Но если наследственные задатки не исчезают при скрещивании, не смешиваются, как две разноцветные жидкости, а сохраняют свою индивидуальную чистоту, то никакого разбавления отцовской наследственности материнской и измельчение вновь возникшего изменения, как это думал Дженкинс, произойти не может. Вновь возникшее наследственное изменение, не разбавляясь, сможет распространиться по виду, пока его не заметит и не оценит отбор.

Своим открытием Мендель реабилитировал отбор как единственного специалиста по части очищения видов от признаков, мешающих приспособлению вида к условиям внешней среды.

Открытие Менделя настолько противоречило господствовавшим в те времена взглядам на наследственность, согласно которым признаки организма создавались только за счет внешней среды, это была настолько «безумная» теория, что ее никто и не принял всерьез. Переживший Дарвина на два года Мендель был единственным человеком, кто понимал истинное значение своей работы. Никем не признанный, он сказал одному из своих друзей: «Мое время придет!»

Оно, это время, пришло в 1900 году, когда общее развитие биологии подготовило почву для восприятия «безумных» идей, рвавших с привычными, очевидными представлениями. И сразу трое — голландец, немец и австриец — переоткрыли независимо друг от друга менделевские законы. И только тогда, одновременно с открытием этого нового материка биологии, они нашли на нем полузаброшенную могилу истинного Колумба. Имя Менделя было причислено к сонму гениев науки.

Когда закономерности Менделя были вторично открыты и менделизм получил широкую известность, для биологов, казалось бы, должна была наступить счастливая пора. Но случилось обратное. Именно с этого времени, с 1900 года, дарвинисты раскололись на два враждебных лагеря: менделистов и ламаркистов.

Почему же менделизм внес раскол среди дарвинистов, если Мендель продолжал опыты именно Дарвина, являлся приверженцем Дарвина и именно дарвинской теории отбора оказал великую услугу?

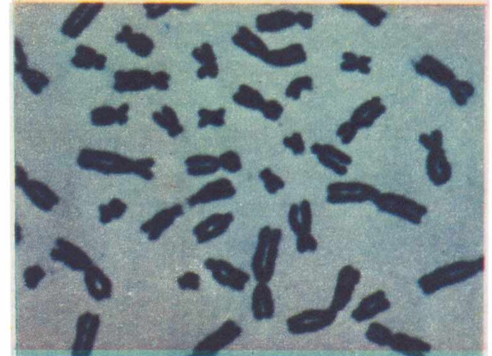
Дело в том, что Дарвин, не подозревавший, что наследственные задатки не могут растворяться, и поставленный перед очевидностью эволюции, вынужден был покориться закону, придуманному его предшественником в эволюционной теории Ламарком. Ламарк же полагал, что внешняя среда способна оказывать столь сильное давление на организм, что он при своем развитии не только может приспособиться к ней при своей жизни, но и сумеет эти приспособительные изменения передать по наследству. Вслед за Ламарком Дарвин вынужден был признать наследование приобретенных признаков, хотя делал это неохотно, то говоря «да», то говоря «нет», то не говоря ни «да», ни «нет». Менделизм же говорил: так как проявление признака зависит от срабатывания материальных носителей наследственности, задатков — частиц алмазной крепости, то изменение наследственного комплекса организма зависит лишь от случайной перекомбинации задатков, но не от действия внешней среды.

Характерно, что против менделизма выступили в основном представители прикладной биологии, и в частности агрономы и селекционеры. Селекционеры пребывали в полной уверенности, что успехами в своей работе они обязаны умелым воздействием с помощью внешней среды на исходный селекционный материал. Например, чтобы получить засухоустойчивый сорт пшеницы, они высевали исходный селекционный материал в засушливых условиях и через некоторое время действительно получали засухоустойчивый сорт. Из этой методики селекционеры делали вывод, что они «переделали» исходный материал, «направленно воспитывая» его «условиями засухи».

Но позволительно спросить у селекционеров: если им удалось «направленно перевоспитать» исходный материал, почему же из тысяч колосьев пшеницы перевоспитались единицы, а весь остальной материал оказался неисправимым? На самом деле селекционеры не переделали и тех отдельных выдержавших засуху колосьев. Просто на суровом засушливом фоне в борьбе за существование выжили колосья с наиболее благоприятно сложившейся для данных условий случайной комбинацией наследственных задатков. Недаром же сам Дарвин говорил, что каждый садовод знает, что он не создает того изменения, которое он отбирает. И такое объяснение не должно оскорблять селекционеров. Отобрать нужный колос среди тысяч непригодных — великое искусство. Но знатокам селекций словно стыдно было признать, что у них нет способов и умения воздействовать на наследственность своих воспитанников, кроме как перемешивать наследственные задатки путем гибридизации и уже потом

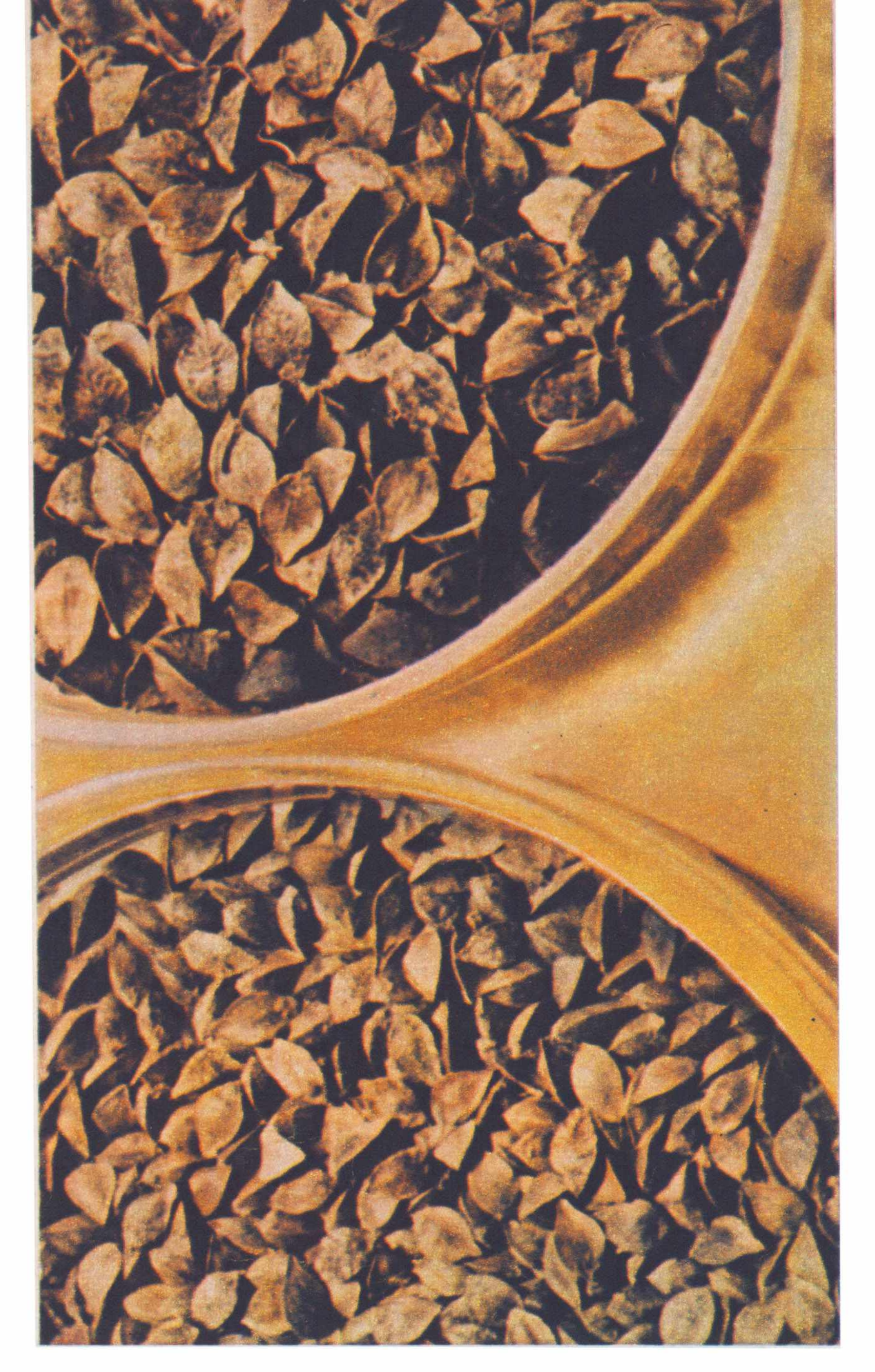
Николай Петрович Дубинин, член-корреспондент Академии наук СССР,— один из виднейших советских генетиков.

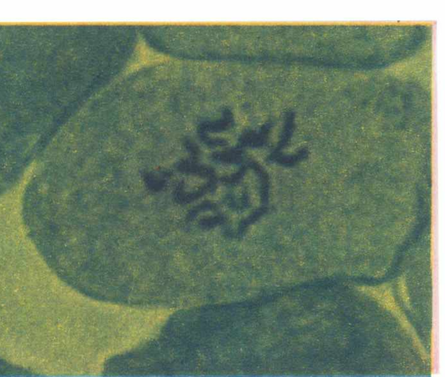
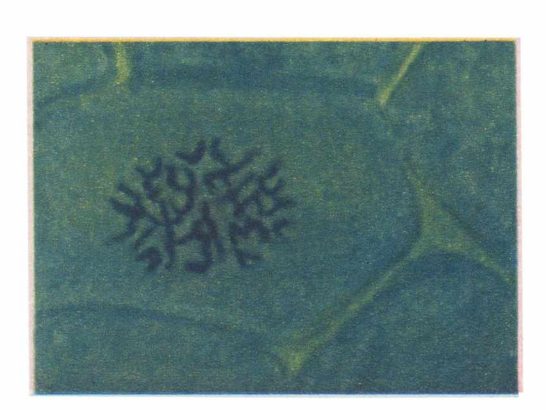

Модель молекулы наследственного вещества — ДНК.

Генетик В. С. Можаева облучила пшеницу радиоактивным кобальтом. Эти растения (голубой мутант) отличаются высокой урожайностью и неполегаемостью.

●

Генетик В. В. Сахаров, воздействуя химическим соединением колхицином на обычную гречиху, удвоил число ее хромосом. И вот результат: зерна полиплоидной гречихи в полтора раза крупнее обычных.

●

Этот крупный колос получен под действием гамма-лучей.

●

46 хромосом человека.

●

Набор хромосом обычной и полиплоидной гречихи.

●

Различные наследственные изменения плодовой мушки-дрозофилы.

В лаборатории радиационной генетики.

Селекция хлореллы, одноклеточной водоросли.

подбирать то, что подарит капризный случай.

Любопытно, что общественность, не научная, а, как говорится, широкая, стихийно становилась на позиции ламаркизма и антименделизма, веря в возможность направленного воспитания и, следовательно, в наследование воспитанных, приобретенных признаков. Эта стихийная вера объясняется тем, что все мы бываем и воспитанниками и воспитателями и знаем, к каким полезным результатам приводит воспитательский труд. Мы делим детей на легковоспитуемых и трудновоспитуемых, но редко кто из нас, воспитателей, согласится признать свою полную беспомощность в «переделке» своего ребенка. При этом мы забываем часто, что никакие уроки не могут изменить физиологическую природу нашего ребенка.

Опровергнуть ламаркистские представления о наследовании приобретенных признаков было несложно экспериментальным путем. Первым это сделал немецкий зоолог Август Вейсман. Лишив в 22 поколениях 1592 мышей хвостов, он доказал, что приобретенные механические повреждения по наследству не передаются.

Менделисты могли торжествовать победу, но вот беда: у многих из них, пытавшихся повторить опыты Менделя на других культурах, отдельные признаки как бы спаивались друг с другом, и вопреки законам Менделя случайного перераспределения задатков, расщепления не происходило. Ламаркистам все это было на руку: они объясняли разнобой в расщеплении гибридов влиянием внешней среды. Тут же они вытащили признание самого Менделя, не получившего горохового расщепления при опытах с другим растением и объявившего, что открытые им законы не универсальны. Законы Менделя, как не подтвердившиеся на других объектах исследования, обозвали «гороховыми».

Теперь предстояло реабилитировать Менделя. И это сделал американский зоолог Морган.

Морган был уже сложившимся ученым, когда все еще не признавал менделизма и продолжал верить в наследование приобретенных признаков. Ведь это была точка зрения самого Дарвина, и трудно было согласиться, что какой-то неизвестный монах-любитель лучше разобрался в этом вопросе. Морган был зоологом, и он решил перепроверить менделевские опыты на зоологическом объекте — на плодовой мушке дрозофиле. Как Мендель на горохе, так Морган на дрозофиле достиг удивительных результатов.

Дрозофила величиной с мелкого муравья. Живет она в пробирках. Корм ее стоит гроши. Чтобы она смирно лежала под микроскопом, достаточно ее бросить на секунды в морилку с эфиром. Она красива, как бабочка, которую хочется поймать. Когда наркоз проходит (а усыплять дрозофилу можно сколько угодно), она отряхивается, повертится немного, как волчок, и снова начинает летать и размножаться. Но как она размножается! 25 поколений в год! Один генетик за два года может пропустить через свои руки такое количество поколений дрозофилы, сколько поколений людей сменилось со времен императорского Рима.

Благодаря быстрой смене поколений у дрозофилы и ее скромным притязаниям на жилую площадь Морган смог ускорить проверку менделевских опытов и расширить объем исследований в сотни раз. Кроме того, в отличие от Менделя, Морган следил за изменением наследственности не только по внешним признакам организма, но и по наследственным изменениям в хромосомах.

Теперь каждый школьник должен знать, что хромосомы — это маленькие тельца, входящие в клеточное ядро. Их назвали хромосомами за способность легко окрашиваться. Еще до Моргана было известно, что менделевское случайное расщепление признаков совпадает со случайным расхождением хромосом из материнской зародышевой клетки в две половые дочерние. Генетики не сомневались, что именно хромосомы являются носителями наследственности. Но оставалось непонятным, как это так получается: носители наследственных задатков — хромосомы расходятся по закону случайности, что же касается расхождения задатков и, стало быть, признаков, то они случайно расходятся не всегда. Какие-то силы сцепляют некоторые задатки друг с другом.

И вот на опыте с дрозофилой Морган постиг эту мистику. Оказалось, что наследственные задатки, которые имел в виду Мендель и которые позже были названы генами, не тождественны целиком всей хромосоме. Они, гены, являются только составными частичками хромосом и расположены в них, как бусинки на ниточке. И если конкурирующие гены, отвечающие за один общий признак, например, цвет зерна, сидят в разных хромосомах, то при расхождении хромосом разойдутся и гены и расщепится гибридный признак. Если же конкурирующие гены сидят на одной ниточке, расщепление гибридного признака при простом расхождении хромосом произойти не может. Хромосомы перед расхождением имеют обычай, переплетаясь друг с другом, обмениваться отдельными участками, как переформируемые поезда вагонами. Если при таком обмене участками гены, сцепленные в одной хромосоме, окажутся при разрыве хромосомы расцепленными, кстати, это термин не только железнодорожный, но и генетический, то будет иметь место и свободное, случайное расщепление признаков.

Так из противника менделизма Морган под влиянием неопровержимых фактов был вынужден сделаться одним из виднейших его основоположников. Морган подтвердил менделевский принцип случайности наследственных перекомбинаций и беспомощность внешней среды как-то на эти перекомбинации повлиять.

После работ Моргана дрозофила стала частым объектом генетических исследований. Ламаркисты пытались представить эти исследования как не имеющее практического приложения, как муховодство. Но жизнь показала, что разведение мух имеет такое же значение для выведения новых пород скота, как предварительное строительство игрушечных гидроузлов в проектных лабораториях.

В частности, хромосомная теория наследственности, во многом обязанная «муховодству», впервые объяснила, почему в природе так хитро устроено, что мальчиков и девочек как у людей, так и у животных родится всегда примерно равное количество.

У каждого вида и животных и растений имеется определенное количество хромосом. У животных так же, как и у человека, были найдены особые хромосомы, отвечающие за принадлежность организма к тому или иному полу. Половых хромосом две: одна мужская, другая — женская. Если в оплодотворенной клетке очутятся две женские хромосомы — родится девочка. Если в клетку попадет одна женская, а другая мужская хромосома — родится мальчик.

Таким образом, у женщин мужских хромосом нет. И своему потомку они могут передать только одну из двух женских хромосом. Мужчина же, имеющий в каждой клетке по одной мужской и по одной женской хромосоме, то есть располагающий одинаковым запасом как женских, так и мужских хромосом, решает проблему соотношения полов в потомстве. Половину своих потомков он наделит женской хромосомой, и она при слиянии с женской хромосомой женщины даст девочку. Другую половину своего потомства мужчины наделяют мужской хромосомой, и она в соединении опять-таки с женской хромосомой женщин дает существо мужского пола.

Морганисты пошли дальше. Они нашли способ вмешательства в соотношение полов у полезных насекомых.

Наш соотечественник Б. Л. Астауров разработал безупречные генетические методы, которыми можно было получать самцов или самок по заранее разработанному плану. Ученик Б. Л. Астаурова В. А. Струнников, используя морганистский закон сцепления генов, сцепил в половой хромосоме с признаком пола признак окраски яйца, из которого выводится гусеница шелкопряда. Шелководы давно знали, что самцы дают шелка на 25 процентов больше, чем самки. Они были бы рады разводить одних самцов, но им казалось это таким же невыполнимым желанием, как нам, например, родить по заказу сына или дочь. Но коль скоро появилась возможность сцепить пол с окраской яйца, то появилась возможность по цвету яйца определить: кто разовьется из него — самец или самка. Грена (яйца) шелкопряда — товар не дефицитный, и можно грену нежелательного «женского» цвета выбрасывать, а мужского оставлять.

В практике с этой операцией справляется фотоэлемент.

Некоторые генетики, и очень авторитетные, уверены, что со временем найдется способ сортировать половые клетки и у высокоорганизованных животных. А если принять во внимание, что в скотоводстве получило широкое развитие искусственное осеменение, то мечта скотоводов вмешаться в регулирование полов не кажется теперь несбыточной.

Итак, успехи менделевско-моргановской генетики отвоевывали у ламаркистов одну позицию за другой. Но тут менделизм начал вступать в противоречие с непогрешимой истиной дарвинизма — эволюцией.

Если гены неизменны, значит, они были созданы раз и навсегда и уж не господом ли богом? — само собой напрашивалось страшное для материалистов обвинение. Значит, как только комбинации генов будут исчерпаны, эволюции должен прийти конец. Но эволюции не может прийти конец, как миру, у которого нет ни начала, ни конца.

И опять кажущееся противоречие между дарвинизмом и менделизмом сняли генетики, которых считали злейшими врагами эволюционной теории. В число таких «врагов» еще в конце прошлого века попал русский ботаник Сергей Иванович Коржинский. Коржинский первым выдвинул идею, что изменение наследственности наступает не только в результате перекомбинации наследственных задатков, но и в результате скачкообразного превращения одних задатков в другие. Эти изменения задатков были названы мутациями (от латинского «мутаре» — изменять).

Мутации в природе, стихийные, случайные, спонтанные, как говорят генетики, знал и Дарвин. Но какова их сила? Отчего они происходят? На что они способны?

Выдающийся русский биолог Н. К. Кольцов еще до революции предположил, что мутации являются результатом не только температурных и других внешних влияний, но предсказал, что должны найтись искусственные способы «обстрела» генов. В 1917 году в институте Кольцова впервые был применен с этой целью рентгеновский аппарат. В 1925 году советские генетики Г. А. Надсон и Г. А. Филиппов, облучая дрожжевые грибы рентгеном, получили наконец первые искусственные мутации. В 1927 году ученик Моргана Меллер, облучая рентгеном дрозофилу, установил, что увеличение времени и дозы облучения пропорционально учащает мутации генов. В том же году радиогенетикой (так назвали эту отрасль науки о наследственности) занялся советский генетик Н. П. Дубинин. Развивая идеи своего учителя А. С. Серебровского, он обнаружил, что ген, подобно атому, делится на еще меньшие частицы — центры.

Мутации, изменяемость самого гена, который, как атом, оказался составленным из более мелких наследственных частиц, открыли для эволюции тот простор возможностей, который не может иметь конца.

В те же годы, когда зарождается радиационная генетика, В. В. Сахаров, развивая идеи Н. К. Кольцова, ищет химические источники получения искусственных генных мутаций и открывает, что химические соединения в отличие от физических средств могут бить по генам прицельным огнем. Проходит немного времени, и другой генетик кольцовской школы, И. А. Раппопорт, открывает один за другим целый ряд таких химических мутагенов, которые вызывают мощные мутации.

Еще при рождении радиационной генетики русские ученые Л. Н. Делоне и А. А. Сапегин первыми пытались использовать радиомутации для практических селекционных целей. В 1964 году первые советские радиомутанты фасоли и сои прошли конкурсные сортоиспытания и районированы в Грузии.

Физические и химические средства, вызывающие мутации, выручили фармацевтическую промышленность. Если бы не они, некоторых антибиотиков мы вообще бы не имели, а такие популярные, как пенициллин, обходились бы в сотни раз дороже.

Так практические достижения генетиков опровергли пророчества противников менделизма, будто законы, открытые Менделем сто лет назад, не найдут себе ни научного, ни практического оправдания.

Генетики считают, что главные трудности в их работе все еще впереди и рано говорить о том, что каменистые тропы генетики кончились и пошла для нее широкая столбовая дорога. Однако пора ламаркистских заблуждений прошла. О том, как важно это для дела, говорил еще Дарвин: «Люди достаточно мудры, чтобы всегда следовать за учеными, когда те согласны между собой по какому-нибудь вопросу...»

Генрих ГУРКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

ТУМАНЫ НА

ЧТО НОВОГО ВО ДВОРЦЕ ШАУМБУРГ? ⁘ ВАКЦИНА НЕНАВИСТИ. ⁘ ПУГЛИВЫЕ СОТРУДНИКИ «ИНСТИТУТА СОВЕТОЛОГИИ».

Голос был вкрадчивый, завораживающий:

— А теперь, дорогие дамы, поговорим о грязном белье...

Наш «опель», отчаянно сигналя, метнулся вперед, в обход тяжелого крытого грузовика, в каких перевозят мебель, и я разобрал лишь обрывки слов баритона, проникновенно нашептывавшего из автомобильного приемника.

— ...чтобы оно стало чистым, нужно только одно — «Хенко». «Хенко» отмывает любое белье. Итак, «Хенко»! — торжествующе заключил баритон, и, подтверждая его слова, радостно взвыли саксофоны.

Автострады, рекламные заклинания, водители, как всегда, недовольные друг другом и постукивающие указательным пальцем по лбу («приветствие немецких автомобилистов» — так это иронически здесь называют), ароматные толстые сосиски «боквурст» в харчевнях возле дороги, высокие синие щиты «Дюссельдорф — 110 км, Кельн — 72 км, Бонн — 55 км», стремительная гонка из города в город, бешеный калейдоскоп улиц и людей, дискуссии, на которых одни и те же мальчики задают одни и те же вопросы: о 13 августа 1961 года, о «стене» в Берлине и так далее,— вопросы, ответы на которые всем давно известны.

В прошлый раз я был в ФРГ полтора года назад. Тогда только что проводили в отставку Аденауэра, и ни один номер газеты не появлялся без карикатур на «старика». В моду входили анекдоты об Эрхарде, а в молодежных кафе танцевали твист. Теперь анекдоты о «толстяке с сигарой» — признак крайней банальности, а твист танцуют только самые убежденные консерваторы — он уступил место «шейку» (в переводе это означает примерно «трясучка»).

В конце шестьдесят третьего кое-кто из западногерманских газетных комментаторов высокопарно вопрошал: «Стоим ли мы на пороге новой эры?» Сейчас писать подобные вещи небезопасно: засмеют. Новая эра не состоялась, это очевидно для каждого. Злые языки утверждают, что во дворце Шаумбург, резиденции федерального канцлера, изменилось лишь одно: с приходом страстного курильщика Эрхарда сняли таблички «Не курить!», висевшие во времена Аденауэра. Для более серьезных и более важных перемен, как видно, не настала пора.

В Бонне у меня произошла забавная история. Я хотел подойти к резиденции канцлера, чтобы сделать несколько снимков. Молодой парень, солдат бундесвера, вежливо, но категорически отказался меня пропустить. Делать нечего. Поснимав издали, телевиком, я шел по Кобленцер-штрассе, вдоль высокой металлической ограды.

Навстречу, занимая весь тротуар, двигалась семья — пожилая мама, еще более пожилой папа и две хорошенькие дочки. Мама остановила меня:

— Извините, как пройти к бундестагу?

— Свернете за угол налево — и увидите его.

— Еще раз извините, а что это за здание?

— Дворец Шаумбург, резиденция федерального канцлера.

— А то?

— Вилла Хаммершмидт, резиденция федерального президента.

Поблагодарив, дама сказала:

— Мы из Мюнхена и плохо ориентируемся здесь. А вы, вероятно, из Бонна?

— Нет,— ответил я,— из Москвы.

Они расхохотались. И ушли, так, вероятно, и посчитав мои слова шуткой.

Это, конечно, совсем не обязательно—знать, где находится парламент или какое-нибудь другое из государственных учреждений. Беда в том, что далеко-далеко не все западные немцы представляют себе, что́ в этих учреждениях происходит, и уж совсем немногие могут на это происходящее влиять.

«Мы плюралистское государство»,— такие слова нередко можно услышать в ФРГ. Поясню их: плюралистское — значит допускающее различные точки зрения, различные взгляды (от слова plural — множественное число). Плюрализм = демократия — это уравнение имеет широкое хождение в ФРГ.

Милитаристская литература на книжных полках подростков? Помилуйте, но это же плюрализм! Молодой человек может, если он хочет, читать Бёлля или даже Сартра. Речи Зеебома? Ну, это же его личное мнение. А у нас, знаете ли, плюрализм. Вы говорите, что он министр и, стало быть, лицо официальное? Вы правы, но выступает-то он не как министр, а как председатель землячества судетских немцев. Плюрализм!

Удобное словечко! Что угодно можно за него упрятать. И прячут. Прячут вылазки эсэсовских молодчиков, буйствующих на своих ежегодных съездах. Прячут засилье вчерашних гитлеровцев в государственном аппарате, в армии, в органах юстиции. Прячут школьные учебники, словно вышедшие из-под пера соратников Геббельса.

Кстати, об учебниках. Как-то вечером, в Дюссельдорфе, нашу делегацию Комитета молодежных организаций СССР пригласили побывать в доме одного из руководителей «Немецких молодых демократов» земли Северный Рейн—Вестфалия. Нам сказали, что среди гостей будет преподаватель обществоведения — нового предмета, введенного в школах ФРГ в 1963 году.

— А нельзя ли попросить его прихватить с собой несколько школьных учебников? — спросили мы.

— Aber natürlich! Ну, разумеется!

Квартира была уютная, стол щедрый, диалог жесткий.

Из книжек, которые принес герр штудиенрат Гюнтер Шварц («Извините, я не выбирал специально, взял только те книжки, с которыми работаю»), мне в руки попала одна. Ее полное название: «Экономическая и политическая география для школ высшей ступени. Картина современного человечества и его хозяйства. Под редакцией профессора д-ра Эмиля Хинрихса. Издательство «Мориц Дистервег». Одобрена во всех федеративных землях».

Начал листать. На странице 104-й встречаю слова: «неспособность русского народа к собственному государственному образованию...» Ничего себе формулировочка! Так и пахнуло лексиконом «Фелькишер беобахтер»! Переворачиваю страницу. «Как варяжское и татарское государства, так и большевистское государство было навязано русским в известном смысле извне, нерусскими силами. Уже революция 1905 года была делом кавказцев, евреев, поляков и литовцев. Первый гарнитур Октябрьской революции 1917 года состоял из немцев, румын, поляков и кавказцев...»

Я цитирую **дословно!** На таком примерно уровне написан весь раздел о Советском Союзе. «Одобрено во всех федеративных землях...»

— Вас удовлетворяет такое изложение темы, г-н Шварц? Вы его считаете научным и дающим верное представление о Советском Союзе, о русском народе?

— Я как чиновник не имею права освещать предмет иначе, чем это сделано в книге. Как частное лицо я не согласен со многим. Но я не могу выражать это свое несогласие на уроках.

Вот он, очаровательный плюрализм!

— Стало быть, как педагог вы обязаны подвергать сомнению способность русского народа к «собственному государственному образованию» да еще приводить аргументы, от которых за версту несет дремучим невежеством и еще кое-чем похуже? И вы не имеете права протестовать?

Г-н Шварц машет рукой:

— Кто обратит внимание на наши протесты!

Мы не побывали на школьных занятиях — не получилось. В прошлый раз, в шестьдесят третьем, я присутствовал на уроке истории в гамбургской гимназии «Ганзашуле». Бойкий, суетливый д-р Гейнц Мюллер, преподаватель истории, натаскивал учеников тринадцатого, выпускного, класса. На столах лежал учебник «От Маркса к советской идеологии». Грубая подтасовка цитат, злобный антикоммунистический комментарий — плод трудов небезызвестного антисоветчика Иринга Фетчера.

Учитывая наше присутствие, д-р Мюллер не очень усердствовал. Он даже проскрипел несколько приветственных слов. Но когда дело дошло до темы урока, герр доктор понес. Схема его изложения — почти не упрощая — была такова: марксисты выступают за бесклассовое коммунистическое общество, это значит, что они за подавление и уничтожение (физическое, разумеется) представителей всех других классов и всех других взглядов. Пришлось взять слово и поправить господина доктора. Но ведь мы были на одном уроке, а сколько таких уроков он провел?

Какие знания о Советском Союзе, о современной истории получает средний западногерманский школьник, тот Петер Мюллер или Хельмут Шмидт, который родился через несколько лет после войны? В коридорах школы он видит карту—Германия в границах 1937 года. Ему втолковывают: «Нынешние границы несправедливы». Он верит. Что он знает о прошлом? Он не пережил войны, не пережил жестокого похмелья в мае сорок пятого, а имя Гитлера связывает в основном со строительством автобанов. Радио и телевидение, школьные учебники и иллюстрированные журналы, воспитатели в домах молодежи и политические офицеры бундесвера внушают ему: «Советский Союз — враг! Коммунизм—враг!» Так, может, не во всем был неправ фюрер? И если бы не глупые и чванливые гаулейтеры, портившие дело, наверное, храбрые немецкие солдаты и талантливые генералы не допустили бы поражения? Но сейчас гаулейтеров нет, а генералы остались. И если будет бомба, если будет антиракетный щит, может быть, стоит снова попробовать?

Вакцина ненависти прививается каждому западногерманскому школьнику, каждому молодому немцу. И занимаются этим опасным делом всевозможные пропагандистские заведения — от бульварных газет типа шпрингеровской «Бильд-цайтунг» и кончая институтами, носящими солидные и громкие наименования. Есть один такой институт в Кельне, называется он «институт по изучению марксизма-ленинизма», или, иначе, «институт советологии». Мы предложили провести публичную дискуссию с сотрудниками этого института — нам сказали «нет».

РЕЙНЕ

❄ ЗАДВОРКИ ЮРГЕНА НЕВЕН-ДЮМОНА

Мы спросили, а нельзя ли хотя бы ознакомиться с его работой. Заботливый и энергичный Фриц Герике, представитель «Немецких молодых демократов», по приглашению которых мы были в ФРГ, позвонил господам из института.

— Они ответили, что это невозможно. Требуется специальное разрешение министерства внутренних дел. Я звонил туда. Там не разрешили. Очень сожалею.

— Что поделаешь, плюрализм! — сказали мы.— А ведь занятно, не правда ли? Институт изучает марксизм-ленинизм, как следует из названия, а его сотрудники так боятся встретиться с живыми марксистами...

— У меня нет комментариев,— сказал Фриц Герике.

А мы их и не требовали. Все было ясно.

...В кабинете главного редактора газеты «Кельнер штадт-анцайгер» по стенам развешены абстрактные композиции.

— Цитадель противников реализма? — в шутку спросили мы.

— Нет, мы за сосуществование реализма и абстракционизма,— ответил главный редактор д-р Иохим Бессер, пыхнув трубкой.

— Только в искусстве? Или и в политике?

— Только в искусстве,— поднял палец д-р Бессер.— В политике мы за реализм. Прошу! — И он пригласил нас за большой редакторский стол.

Мой сосед, высокий, худощавый, с аккуратно подстриженными усиками, протянул визитную карточку. Читаю: «Альфред Невен-Дюмон». Знакомая фамилия! Западногерманское телевидение вот уже несколько недель анонсировало серию передач о Советском Союзе, подготовленных репортером Юргеном Невен-Дюмоном. Он был известен западногерманским телезрителям несколькими громкими передачами, в том числе о западных землях Польши. За эту передачу ему намяли бока бывшие эсэсовцы из силезского реваншистского землячества, а правая пресса опубликовала резкие комментарии. Передачи Невен-Дюмона должны были начаться сегодня. Но, не дождаясь их, он уже опубликовал в «Нейе иллюстрирте» репортажи, в которых усердно клеветал на нашу страну.

Сосед оказался кузеном Юргена Невен-Дюмона. И издателем газеты «Кельнер штадт-анцайгер».

— Юрген имеет репутацию человека смелого и объективного,— сказал он.— Посмотрим, что у него получилось на этот раз.

Мои товарищи по делегации пошли в театр — надо же уважать составленную «молодыми демократами» программу! — а я остался в редакции, чтобы вместе с д-ром Бессером посмотреть первую передачу цикла «Картинки из Советского Союза».

...Сначала Юргена Невен-Дюмона долго расхваливал диктор. Потом он долго расхваливал себя сам. Он говорил о тысячах километров, которые проехал по Советскому Союзу, о тысячах метров отснятой пленки, которую «удалось вывезти», о бдительных стражах, которые ходили за ним по пятам и не давали снимать, и так далее. Драматические интонации, как у того баритона, расхваливавшего стиральный порошок «Хенко», тщательно отрепетированные паузы, выразительный актерский жест — да, он умеет подать себя, этот Юрген Невен-Дюмон.

Первая передача называлась «Фасады». Показывал Невен-Дюмон в основном задворки. Показывал старух возле церкви. Показывал старые дома. И — парад на Красной площади. Смотрите, мол, вот они, советские контрасты! Потом на экране появилась Царь-пушка. «Советские люди воспринимают ее как символ того, что и прежде отсталая Россия обладала высокой военной мощью» — таков комментарий автора. Обругав новостройки Волгограда, Невен-Дюмон заглянул в музей, где долго демонстрировал автомат одного из советских героев битвы: «Из этого автомата убито триста немецких солдат». Дескать, смотрите, немецкие юноши, быть может, вашего отца сразила пуля из этого автомата. А зачем и почему пришли эти триста солдат на берега Волги, об этом, разумеется, можно и умолчать...

Рядом со мной сидели, ругая передачу, д-р Бессер и двое его сотрудников. Ругали в основном за журналистские просчеты, за примитивность ходов и решений. Но и за тенденцию, за подстрекательство и ложь.

Потом позвонил издатель. Д-р Бессер поговорил с ним. Вернувшись, сказал:

— Завтра даем разгромную рецензию. Издатель возмущен передачей. Говорит, что это — самое большое дерьмо, которое Юрген когда-либо делал. Он, видимо, не хочет, чтобы его снова били.

Да, можно не сомневаться, что эсэсовцы на этот раз остались довольны. И даже аплодировали.

...Мы уезжали из Кельна пасмурным, дождливым утром. Туманы висели над Рейном. На рекламной тумбе бросился в глаза большой плакат: женское лицо, на нем выражение ужаса. Рядом подпись: «Несчастье подстерегает повсюду. Застрахуйте на всякий случай свою жизнь». Долго не выходило из памяти это лицо. А думалось почему-то о другом. О том несчастье, против которого бессильны страховые компании. О страшном несчастье, которое могут обрушить на Федеративную Республику Германии поощряемые здесь ненависть, злоба, безрассудство.

Фламинго и сталь. В городском парке Дортмунда.

«Несчастье подстерегает повсюду...»

У парадного подъезда дворца Шаумбург.

Абакан — Тайшет, трасса мужества... Шесть лет назад пришли в тайгу молодые строители, парни и девушки с путевками комсомола. И прежде чем по стальной магистрали покатились товарные и пассажирские поезда, по диким, нехоженым местам прошли поезда строительно-монтажные. За плечами тысяч молодых энтузиастов — рубщиков леса, экскаваторщиков, бульдозеристов, плотников, бетонщиков, инженеров и монтажников — не только годы, полные романтики, но и годы нелегкого труда, 647 километров мужества, 40 миллионов кубометров взорванной, сдвинутой, отгруженной земли, девять туннелей, пробитых в седых скалах, 258 мостов, переброшенных через суровые реки, 40 белоснежных станций и разъездов в тайге. Три из них названы в честь трех первых изыскателей легендарной дороги, погибших на трассе,— Кошурниково, Журавлево, Стофато. Дорогой отцов прошли дети.

Мы публикуем очерк о Володе, сыне Константина Стофато.

Разъезд Стофато

В. РАСПУТИН,
корреспондент газеты
«Красноярский комсомолец»

Володя Стофато плохо помнит отца. В сорок втором, когда погиб отец, сыну исполнилось четыре года.

В дом приходили товарищи отца и молчали. Молчали, уходя на поиски, и молчали, возвращаясь обратно ни с чем. И никто ничего не мог сказать. Шла война. В те годы молчание вмещало в себя все слова, всю человеческую жизнь.

Они уехали в Липецк. Уехали от ожидания возвращения, ставшего нереальным, но по-прежнему казавшегося близким. Шестилетний Володя стоял на коленях на скамье и смотрел в окно. Поезд все стучал и стучал. Только потом Володя понял, что и поезда идут по следам человека.

Позже Володя часто думал о поездах. Наверное, это из-за отца, который так и не дошел до поезда. После войны, в сорок шестом, в газетах было напечатано постановление Совета Министров СССР об обеспечении семей инженеров-изыскателей Кошурникова, Журавлева и Стофато, погибших при исполнении служебных обязанностей.

Сын воспитывался без отца. Это если говорить о формальной стороне. Но отец всю жизнь значил для него так много, что правильней будет сказать: он воспитывал сына больше всех. Погибнув, он помогал Володе делать то, что ему необходимо было делать, предостерегал его от того, от чего необходимо было предостеречь. Отец был с ним постоянно. И юноша часто ловил себя на такой мысли: ты не просто Володя Стофато — ты сын Константина Стофато, погибшего в сорок втором в Саянах.

Когда Володя ушел в армию, матери прислали из Новосибирска копию дневника Кошурникова, изданного в Томске с таким примечанием: «Выпускается для изыскателей железных дорог как образец ведения подобных документов». Издали этот дневник как образец ведения подобных документов, а не как образец человеческого поведения в подобных обстоятельствах.

О трассе Володя узнал перед самым уходом в армию. Два города, разделенные Саянами,— Тайшет и Абакан — двинулись навстречу друг другу, словно забыв о сотнях километров скал, поднимающихся в самое небо. С двух сторон загорелись костры, неизменные спутники первопроходцев, и с двух сторон зазвучали взрывы, словно запоздавший салют над могилами тех, первых, которые не дошли.

А Володя уехал на Балтику. И вместе с моряками он пел про волны, которые тут же, за бортом, бились о корабль и раскачивали низкий морской горизонт. А горизонт уходил, наверное, до самой трассы и упирался в горы, где ребята пробивали туннели.

Он уже знал: то, ради чего погиб отец, теперь продолжают ребята, съехавшиеся со всех концов страны на трассу Абакан — Тайшет. Конечно, они построят дорогу и без Володи: пробьют туннели, наведут на берега мосты, уложат рельсы. Конечно, ребята на трассе могли бы обойтись и без Володи, но Володя не мог обойтись без них. И он не мог обойтись без отца, который остался там.

...Утром отец выходит к трассе и пропускает мимо себя каждого, кто идет на работу, всматривается в их лица, настойчиво кого-то ищет и беззвучно повторяет: «Не он, не он, не он». Так казалось Володе. А потом отец уходит, чтобы на следующее утро снова прийти и начать перекличку. И ребята один за другим называют ему свои имена — тысячи имен. А отец все шепчет: «Не он, не он». Потом останавливает самого последнего и с надеждой спрашивает: «Там никто не остался?» «Нет»,— отвечает последний. Отец молча кивает головой и уходит куда-то в горы, взбирается на самую высокую скалу и всматривается в дали, в дороги вокруг гор. Он ждет... Сына...

А ребята, которые строят разъезд Стофато, быть может, и не знают, что есть на свете он, Владимир Стофато, сын своего отца. Неужели ребята и правда ничего об этом не знают? Володя написал им: «Я служу вдали от Абакана, на седой Балтике, но душой всегда с вами — строителями железной дороги, трассу которой исследовал мой отец. Думаю, что с флота скоро приеду к вам. Хотя у нас с женой специальности отнюдь не строительные — я фрезеровщик, а она сверловщица, мы сумеем принести пользу».

Ему ответили сразу. Ответили ответственный секретарь строительной многотиражки Николай Трояков, начальник штаба ударной комсомольской стройки Михаил Сивенко, а из Новосибирска — секретарь комитета комсомола «Сибгипротранса» Леонид Седлецкий. «Это здорово, Володя, что ты есть,— читал он.— И, конечно, очень здорово, что ты собираешься к нам. Знай, что у тебя здесь тысячи друзей, которые ждут тебя и будут рады назвать тебя строителем трассы».

...Тысячи километров от моря до гор. Сотни километров по горам. И вдруг болезнь, операция. Никаких километров, никаких гор. Белые халаты, голос врача: «Дорогу построят, голубчик, и без вас, не волнуйтесь. Вам теперь спокойная жизнь нужна, если вам нужна жизнь. Вы откуда? Из Липецка? В Липецке тоже жить можно».

Он ничего не мог поделать. Поезд остановился в Липецке, в родном городе, где Володя учился и рос. Он вышел из вагона и увидел, что навстречу ему бегут свои. Поезд постоял-постоял и ушел. Он обернулся, но поезда уже не было. Поезд ушел на восток.

Через несколько дней Володя уже был в кругу ребят, на тракторном. Это были хорошие ребята. Но у них, и у него в том числе, никак не получались эти трудные 103 процента, которые они записали в обязательстве. Они пыхтели все вместе, но к концу месяца, казалось, свертывалась какая-то резьба, и «процентная гайка» выше уже не закручивалась.

Володю назначили бригадиром станочников. После окончания смены они оставались в цехе, сидели все вместе и говорили, что, кажется, дело пошло лучше, хотя еще до 103 процентов не дотянули.

В это время пришла Светка Безрукавникова, девчонка, которая только недавно встала к станку.

— А почему к нам? — спросил кто-то из ребят.

— А почему не к нам? — спросил их Володя.

— Володя, а наши сто три процента? Так мы их до самой смерти не вытащим. Ее тянуть надо, она же будет ерунду давать.

— Ее учить надо,— согласился Володя,— и она будет давать не меньше, чем мы. Голосуем...

И Светке: «А теперь садись с нами. Помогать тебе буду я сам».

...А поезда все шли и шли на восток. Володя часто приходил на вокзал и смотрел, как, извиваясь, один за другим они исчезали за поворотом. Потом поезда возвращались, и ему казалось, что они возвращались за ним.

Бригада уже давала свои 103 процента. Володин портрет поместили на заводскую доску почета. И Светка Безрукавникова работала основательно. В общем, все было в порядке и жаловаться не на что. Володю качали. А он взял отпуск и уехал в Саяны.

В ту пору молодой Стофато был совсем недалек от того возраста, в котором погиб отец. Казалось, время за двадцать лет сделало какую-то немыслимую мертвую петлю и вопреки всем законам вернулось на свое место, а человек вовсе не изменился. Вот он идет по Саянам...

Нет, это другой человек. И идти ему теперь легче. Для этого за двадцать лет были сделаны сотни открытий и проведены сотни дорог, и люди, падая и снова поднимаясь, делали еще несколько шагов, чтобы на его, Володину, долю досталось меньше тягот. После них на обочинах дорог остались километровые отметки, застолбленные участки трудных завоеваний и шагов.

Володе жали руки, трясли его за плечи и один за другим повторяли: «Это все мы наворочали. Смотри. Не верится, правда? Нам тоже не верится. Но это все мы...»

Так было в Курагине, в Кошурникове, в Октябрьском — всюду, где они были. И они вели его, сына Константина Стофато, в туннели, где сверху капала вода.

Он смотрел, как они работают, и все, что делалось в Липецке или в каком-то другом городе, приобретало для него постороннее значение, постепенно затушевывалось и стиралось, словно весь мир собрался здесь в один огромный кулак, в котором эти горы — костяшки пальцев. Казалось, он видел трассу в многократном увеличении — до того важным и значительным было все, что тут происходило.

Потом они поехали к могиле Кошурникова. Их было девять человек. Когда машина застряла между деревьями, они оставили ее и пошли пешком. Ребята стояли вокруг могилы Кошурникова и молчали. Даже Казыр внизу ненадолго притих. Потом к ним подошли два геолога и тоже встали рядом.

На могиле, как букеты цветов, лежали стреляные гильзы. Для сотен и сотен людей могила эта стала местом паломничества. Каждый год они прилетают в тофаларский поселок Верхняя Гутара, чтобы повторить путь, проделанный Кошурниковым, Журавлевым и Стофато. Это стало экзаменом на мужество, делом чести туристов со всех концов страны. Они идут с мыслью: «А мы смогли бы, а мы сделали бы то, что сделали они?»

На следующий день Володя вместе с ребятами поехал на разъезд, носящий имя отца. Взяли с собой строительную перемычку, а Аня Рысакова, одна из строительниц трассы, достала где-то семена цветов.

Вот он, разъезд. В том месте дорога круто огибает гору. Высокая насыпь поднимает ее, как штангу, и уносит на восток. Внизу речка Джебь с шумом разбивается о камни, и брызги, как осколки, поднимаются в воздух. Под высокой елью, рядом с речкой, ребята врыли перемычку в землю и зацементировали. Геннадий Сабанов навесил сверху металлическую дощечку с короткой надписью: «Изыскатель Константин Стофато». Аня Рысакова опустила в землю семена цветов. Вот тогда Володя и сказал себе: «Откладывать больше нельзя»...

— Мы уезжаем на трассу,— объявил Володя чуть ли не с порога, как только вернулся в Липецк.

— И я? — спросила Нина.

— И ты.

— И Ленка?

— И Ленка и Костя.

— Володя,— сказала Нина,— но ведь Ленке всего четыре месяца.

— Да-да,— ответил он.

— И тебе нельзя никуда уезжать.

— Нина,— сказал он.— Я был на нашем разъезде. Мы там поставили обелиск. Он стоит возле деревянного мостика через Джебь. А поселок на разъезде еще не построили.

— А институт? — спросила она.

— Я там поступлю в железнодорожный.

— Но ведь ты на четвертом курсе.

— А мне всего двадцать четыре года.

— А мой техникум? — снова спросила она.

— Техникум? — Он задумался.— Я не знаю, как быть с техникумом, но потом будет поздно. Я там был, они там каждый день работают и работают. А потом пойдут поезда. Говорят, у станций Журавлево, Кошурниково и Стофато все машинисты будут давать гудки. Они там строят, а я здесь, далеко от них.

В октябре они уехали. Володя уехал от института, Нина — от техникума, бабушка — от библиотеки, в которой работала, а все вместе — от родного тракторного завода.

Константин Стофато в сорок втором погиб в Саянах комсомольцем. Владимир Стофато в шестьдесят втором приехал в Саяны кандидатом в члены партии.

Как пропуск Володя привез с собой трудовую книжку отца с последней записью: «Погиб при исполнении служебных обязанностей». А в трудовой книжке Володи Стофато записали: «Принят в 241-й строительно-монтажный поезд плотником». Так у него появилась первая строительная специальность. Потом две трудовые книжки — отца и сына—можно будет подшить вместе: отец вел изыскания, а сын по чертежам отца проводил дорогу и строил вдоль нее новые поселки. Придет время, он кончит железнодорожный институт, в котором сейчас учится, и поведет по дороге поезда, чтобы ни одна глава в их общей трудовой книге не осталась недописанной.

Володя Стофато.
Фото Е. Лупашкова.

Место действия в этой книге останется постоянным: Саяны, трасса Абакан — Тайшет. Но будет в ней еще и особое место действия, которое, очевидно, не войдет в скупые отметки отдела кадров. Это разъезд и поселок Стофато, который строит Володя Стофато...

Поселок встанет на месте болота. Это небольшая ровная площадка среди гор — как ладонь, опущенная к реке, чтобы зачерпнуть воды. Бульдозеристы уже возвели здесь дамбу, призванную защитить поселок от дикой и своенравной Джеби. Володя приезжал к бульдозеристам, смотрел, как они работают, и говорил: «Ребята, а березки оставьте, березки нам пригодятся». Бульдозеристы его понимали и обводили тяжелые машины мимо маленьких березок.

...Сейчас в Саянах весна, голубая весна, каких, пожалуй, больше нигде не бывает,— восьмая весна строителей и первая весна построенной дороги. 24 января на трассе был забит последний, серебряный костыль. А 29 января из Абакана в Тайшет ушел первый поезд, почетными пассажирами которого были лучшие строители.

То, что трасса закончена, не совсем точно. Но ее строители на недавнем совещании в Абакане дали слово сдать ее в постоянную эксплуатацию на электрической тяге к 48-й годовщине Октября.

Был на этом совещании и Володя Стофато. А незадолго перед этим мы с ним встретились на разъезде.

...Разъезд Стофато. Стучат топоры. Здесь уже поднимается новый поселок. Недалеко от мостика через речку высится строгий, красивый обелиск, поставленный осенью строителями центрального участка: «Изыскателю Константину Стофато». Я иду навстречу Володе. «Дождался?» — спрашиваю я. «Дождался».

Два с половиной года Володя Стофато ждал этих дней. Впрочем, ждал — это не совсем точно. Первый участок, на котором он работает строймастером, все это время строил постоянный поселок в Кошурниково. И все-таки... ждал. Ради того, чтобы здесь, на разъезде, названном именем отца, построить поселок, он ехал за тысячи километров, приобрел новую специальность, поступил в другой институт. Это был его долг, долг, перед которым он не мог отступить.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Цена строки

Спал в снегу я,
В палатке тесной,
На ветру пронзительном дрог.
Мне всю жизнь сопутствуют
честно
Звезды дальних моих дорог.

Дым костра
И дымок махорки.
Теплый пар от оленьих шкур.
Да, случалось, мерзлую корку
На двоих делил мой каюр.

Да, нам часто жилось несладко,
Стужа жгла нас
И шторм мотал.
Только мы не бывали падки
Ни на моду,
Ни на скандал.

Знаем мы эти штучки-дрючки,
Различаем тщеславья зуд!..
Нынче мальчики-недоучки
Старомодными нас зовут.

Что ж, по-своему правы вроде!
Как и прежде, так и сейчас
К этой самой, простите, моде
Отношенье свое у нас.

Не искали мы славы бойкой,
Не считали в залах хлопки —
На зимовках,
В цехах,
На стройках
Мы узнали цену строки.

Грубовата и угловата,
Недописанная порой,
Все ж набита она не ватой,
Не фальшивою мишурой.

Ненавистны ей ахи-охи,
Нарочитая поза... Но
Все богатство нашей эпохи
Ей, бессребренице, дано.

Не кичась
Консонансом хлестким
Или рифмою корневой,
Вновь она
В телогрейке жесткой
Отправляется в поиск свой.

Вновь приходит она в палатки,
Коротает ночь у костров.
Ей и ныне
Подчас несладко
От назойливых комаров.

Заполярных гудков раскаты,
Ангары смирённой волна —
Вот единственная оплата,
Настоящая
Ей
Цена.

Новосибирск.

НА ДАЛЕКИХ ПОЛУСТАНКАХ

Эта маленькая станция лежит на 5620-м километре от Москвы. Пассажиры лишь мельком видят из окон четыре заснеженных домика, и опять сопки, опять тайга.

А вот наш поезд стоит тут сутки. Внешне он не отличается от поездов дальнего следования, только на окнах таблички с надписями: «терапевт», «зубной врач», «парикмахерская», «сапожник», «закройщик», «аптека», «магазин». И еще объявления, что в клубе сегодня просмотр новых кинокартин, а в техкабинете лекция.

Для того, чтобы облегчить быт рабочих на станциях, где живут всего лишь несколько человек, созданы такие культурно-бытовые поезда.

За сутки, пока стоит поезд, можно успеть показаться врачу и поставить пломбу на больной зуб, купить все, что требуется по хозяйству, отдать в починку обувь, посмотреть новый кинофильм и даже скроить из купленного в магазине материала платье или костюм.

Тут же, в поезде, работает стол заказов. Можно выписать холодильник, стиральную машину, мотоцикл, и в следующий приезд их тебе доставят на дом.

— Это очень удобно,— говорит шофер мотовоза Тарас Алексеевич Шевченко.— Дал я заявку и даже не ожидал, что привезут так быстро. Холодильник хороший, «Бирюса», с автоматическим переключателем. И стиральная машина!

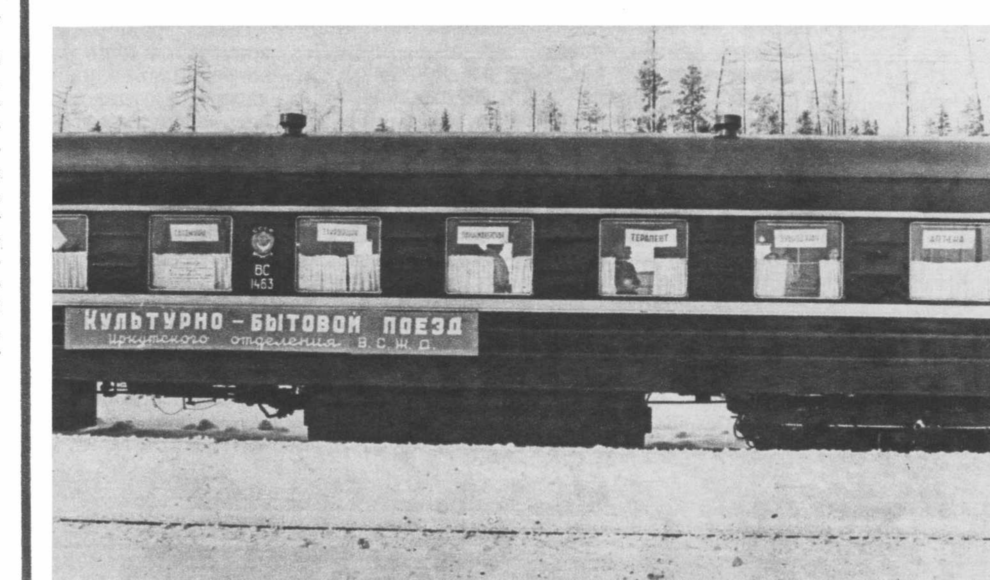
В Иркутском отделении Восточно-Сибирской железной дороги создано несколько таких поездов.

Целый день около поезда, на какой бы станции он ни остановился, оживленно. Много работы у продавцов, не сидит без дела и старый опытный парикмахер Александр Николаевич Лавров. Но особенно достается стоматологу Марии Павловне Малиновской. Она осматривает и детей и взрослых, ставит пломбы, дает советы. Врач-терапевт Ольга Васильевна Перова между приемом больных успевает зайти в квартиры и осмотреть малышей.

Вечером наступает затишье. Работают только вагон-клуб и техкабинет.

В. БЕЛЕЦКАЯ

Фото Г. Копосова.

ЗОРГЕ

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПОВЕСТЬ

Сергей ГОЛЯКОВ,
Владимир ПОНИЗОВСКИЙ

Рисунок Г. Калиновского.

25

«Моя любимая Катюша! Наконец-то представилась возможность дать о себе знать. У меня все хорошо, дело движется. Посылаю свою фотокарточку. Полагаю, что мой лучший снимок. Хочется надеяться, что она тебе понравится. Я выгляжу на ней, кажется, не слишком старым и усталым, скорее задумчивым...»

Он вспоминал тот первый, после Шанхая, московский вечер, и как она водила пальцем по его морщинам. «Ты просто очень устал...» Если б она знала, как устает он сейчас!..

«...Очень тяжело, что я давно не знаю, как ты живешь. Пытаюсь послать тебе некоторые вещи...»

Он вспомнил, как насторожилась она **тогда**, как потом радовалась его сувениру — смешным фигуркам. Теперь по праву мужа он может делать ей подарки.

«...Серьезно, я купил тебе, по-моему, очень красивые вещи. Буду счастлив, если ты их получишь, потому что другой радости я, к сожалению, не могу тебе доставить, в лучшем случае — заботы и раздумья... Не печалься, когда-нибудь я вернусь, и мы нагоним все, что упустили. Это будет так хорошо, что трудно себе представить. Будь здорова, любимая!..»

Приступы ностальгии схватывали, как озноб лихорадки. Этой болезнью страдают все, кто долго находится вдали от родины. Но каково было болеть, когда ни с кем нельзя было поделиться: он не имел права открыть душу даже друзьям. Он знал: им не легче. Он, как руководитель, сам должен ободрять их.

26

Группа «Рамзая» развертывала работу. Каждый ее член имел строго определенную сферу деятельности.

Бранко Вукелич стал «своим человеком» во многих посольствах. Он не только выполнял обязанности корреспондента белградской «Политики» и парижского «Ви», но и помогал руководителю отделения французского телеграфного агентства Гавас, что тоже открывало ему двери в кабинеты крупных политических деятелей.

При первой же встрече с Бранко в Токио Рихард сказал ему:

— Твоя долговременная программа — выяснять, как будут складываться отношения Японии с Соединенными Штатами и Англией. Старик предупреждал: Япония может попытаться напасть на Советский Союз при поддержке этих стран.

Благодаря своим связям в посольствах Бранко узнавал точки зрения американского, французского и британского послов на многие важные вопросы международной политики.

С Ходзуми Одзаки Рихард старался встречаться как можно реже, чтобы — не дай бог! — не навести на него контрразведчиков полковника Номуры. Пресс-конференция. Ложа театра. Тент на пляже. Дипломатический прием. Короткие минуты уединения. Обмен сконцентрированными, емкими фразами. И снова пауза в несколько недель. От встречи к встрече Рихард проникался все большим уважением к своему добровольному помощнику и верному другу.

Ходзуми стал членом особой исследовательской группы при газете «Асахи». Эта группа занималась изучением дальневосточных проблем и имела доступ ко многим официальным источникам. Одзаки лучше, чем кто-либо другой, понимал: японская политика по отношению к Китаю имеет чрезвычайно важное значение не только для Советской России, но и для обстановки на всем Дальнем Востоке, и поэтому знакомил Рихарда со всеми тонкостями японо-китайских отношений, дополняя те сведения, которые Зорге мог получить в германском посольстве и из других источников.

— Я был бы счастлив открыто назвать вас лучшим другом,— признался как-то Рихард.— Может быть, наступит такое время.

Ходзуми в ответ только приложил обе руки к сердцу.

В середине декабря в токийской газете «Джапаниз адвертайзер» появилось объявление о том, что некий любитель-коллекционер желает купить гравюры «укиёэ». Вскоре в редакцию пришел молодой художник: «Такие гравюры могу предложить я». А еще через день художник и коллекционер встретились в кабинете заведующего рекламным отделом газеты. Коллекционер весь погрузился в созерцание гравюр, искусно выполненных в традиционном японском стиле. Потом, оторвавшись от листов, пристально посмотрел на художника:

— Вы не будете возражать, если я заплачу вам не иенами, а долларами?

— Как будет угодно господину.

Коллекционер достал деньги.

— У меня есть сдача,— сказал художник и тоже вынул из кармана долларовую бумажку. Бросил взгляд на номер банкноты. Он был ровно на единицу больше, чем на банкноте коллекционера. Из кабинета коллекционер — это был Бранко Вукелич — и молодой художник вышли вместе. Так появился в группе «Рамзая» четвертый разведчик — живой, энергичный и талантливый Иотоку Мияги.

Какие сведения, важные для поисков ответа на вопросы, поставленные Стариком, мог дать Рихарду юный живописец? Зорге подобрал ему роль:

— Вы должны специализироваться исключительно на портретах военных. Самое главное, чтобы особенно хорошо удавались ордена, ленты, аксельбанты.

И Мияги завоевал признание мастера по части орденов и аксельбантов. А какой генерал, день за днем позируя у холста, не развяжет в непривычной обстановке мастерской язык, не сболтнет лишнего? Пусть самую малость. Но — слово от одного, фраза — от другого... Сегодня — генерал гвардейской императорской дивизии, завтра — адмирал военно-морского флота, послезавтра — офицер генштаба или жандармского управления... Художник Мияги с каждым днем все лучше разбирался в делах японской армии, все больше узнавал о ее планах, обзаводился многими знакомствами.

Ручейки информации с разных сторон стекались к Зорге. Факты, факты, факты... Их нужно было собрать, систематизировать, оценить. Москве нужен аргументированный анализ, точный ответ на задачу со многими неизвестными. Передавать донесения в Центр было обязанностью пятого члена группы «Рамзай», радиста Бернхарда.

Припав к наушникам, он слушал далекий, слабый, прерываемый сигнал, казавшийся чудесной музыкой. Это был ответ. Новые задания. И короткие, в два слова, но такие ободряющие, приветы Старика: «Молодцы, ребята», «Вами довольны».

Но Рихард доволен не был. Сделано очень мало. И как часто важные сведения устаревали, потому что не удавалось своевременно их передать! Тут уж виноват был Бернхард. Преданный и смелый парень, он оказался неопытным радистом. Собранный им передатчик был очень громоздок и слишком маломощен, часто выходил из строя.

Но как бы там ни было, они работали. Они все ближе проникали к главным истокам важной информации.

Так два непрерывных года. И вот наконец вызов в Москву.

27

Снова — Никитский бульвар, тихий переулок, ступени, ведущие вниз. Снова, как когда-то невероятно давно, приближаются

См. «Огонек» №№ 9—13.

из глубины коридора ее шаги, шлепают по полу тапочки без задников. И снова радостью перехватывает дыхание.

— Рихард!

Чтобы больше быть с ним, Катя взяла на заводе отпуск. С умыслом или без умысла она старалась обворожить его Москвой, радостью, любовью.

Есть ли большее счастье, чем жить вот так, ежеминутно чувствуя на себе взгляд этих сияющих глаз?..

Катя описывала ему достопримечательности Москвы с таким волнением, словно это она строила станции метро, одевала булыжные мостовые в асфальт, строила во всю длину Охотного ряда гостиницу «Москва» и Дом Совнаркома, облицовывала гранитом Кропоткинскую и Крымскую набережные, переименовывала Триумфальную площадь в площадь имени великого поэта революции... С какой горделивой радостью показывала она Рихарду первые троллейбусы, сменившие трамваи! И Рихард радовался вместе с ней этим переменам.

Но иногда глаза Кати становились грустными, вопрошающими. И он, внимательнее глядя на ее помолодевшее от любви лицо, видел все же на нем, у губ и у глаз, бороздки морщинок. Их не было прежде. Нет, ему не казалось, что Катя постарела: любящим так никогда не кажется. Они просто улавливают на родных лицах тени тревог и забот. Однажды Катя не выдержала, спросила:

— Как дальше?

— Отчитался. Работу признали успешной. Наверное, останусь в Москве...— Последние слова он выговорил не так решительно. Подошел, обнял Катю за плечи: — Как бы там ни было дальше, а завтра мы умчим с тобой отдыхать на юг!

Катя радостно ахнула: ничего же не собрано, не приготовлено! Суматохой заглушила тоску о «дальше». По всей комнате стояли, разинув пустые пасти, чемоданы.

А наутро Рихарда снова вызвали в Управление.

— Семен Петрович вас уже спрашивал,— с оттенком укоризны сказала Наташа и кивнула на плотно прикрытую дверь начальника.

Рихард еще в первый день, как только приехал, узнал, что у него теперь новый начальник — комкор Семен Петрович Урицкий. А Павел Иванович, суровый и дорогой Старик, с весны находится совсем недалеко от Рихарда — он назначен заместителем Василия Константиновича Блюхера, командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии.

С Урицким Зорге до этого не был знаком. Поэтому приглядывался к нему с интересом. Семен Петрович ниже ростом, чем Старик, тоже крепок, коренаст. Не сед, а темноволос и смугл. Громкоголос и подвижен. Лицо более суровое. Но, как и у Старика,— серьезный, пытливый взгляд. Цепкая и смелая мысль. Как и у Старика — на петлицах три ромба. Хорошо разбирается во всех тонкостях этой особой отрасли военного искусства — разведки.

Сейчас в кабинете начальника были еще два человека: Василий и Оскар.

Урицкий бросил нетерпеливый взгляд на часы, но ничего Рихарду не сказал. Молча показал на свободный стул.

Говорил Оскар:

— Как нам стало известно из Берлина, Гаус посетил Осиму и в неофициальном порядке поставил перед ним вопрос о заключении военного союза между Германией и Японией.

— Этот шаг мы предвидели. Но почему такое предложение было сделано не послу, а военному атташе? — задумчиво сказал Урицкий.— Гаус — ближайший помощник министра иностранных дел рейха... Впрочем, понятно. Военный атташе Японии Осима — ярый сторонник фашизма и очень влиятельное лицо среди токийского «молодого офицерства». Видимо, гитлеровцы хотят непосредственно через него обратиться к японским фашистам.

— Вполне вероятно,— кивнул Оскар.— Германия торопится. Она ищет сближения с Японией потому, что «островная империя» — более важный союзник для Гитлера, чем даже Италия: она может связать противника рейха военными действиями на Востоке.

— А что думает по этому поводу Япония? — повернулся Урицкий к Зорге.

— Для Японии блок с фашистской Германией тоже первостепенно важен,— ответил Рихард.— И ей без сильного союзника на Западе нечего думать об осуществлении своих захватнических планов. Особенно стремятся к союзу с Гитлером «молодые офицеры». Но все же, насколько я информирован, инициатива исходит от Гитлера.

— Да, это так,— подтвердил Оскар.— Враг номер один — фашистская Германия. Хотя многие до сих пор еще не представляют, какой это страшный враг...

— А какая главная опасность грозит нам с Востока? — Комкор снова обратился к Рихарду.

— Как я уже сообщал, будущий год ожидается в генеральских кругах Токио как год «особого символа». В 1936 году заканчивается выполнение плана реорганизации и перевооружения японской армии, и она должна, по мнению «молодых офицеров», начать большую войну.

Урицкий от переносицы к вискам потер веки, поднял на Рихарда внимательные, строгие глаза:

— Смысл всей вашей работы в Токио — отвести возможность войны между Японией и СССР. Главный объект — германское посольство.

Зорге молчал. Пауза затягивалась. Теперь на него внимательно и строго смотрели все трое.

Урицкий снова провел пальцами по векам:

— Я понимаю. Спецкомандировка затянулась. Хорошо... Кто-нибудь сможет заменить вас в Токио и возглавить операцию «Рамзай»?

Зорге задумался. Потом твердо сказал:

— Нет. Потому что самое важное — связи в германском посольстве. Особенно с военным атташе Оттом.— И, горько усмехнувшись, процитировал: — «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой!..» Когда, товарищ комкор?

— Мы не имеем права терять ни дня.

Встал и направился к двери до этого все время молчавший Василий:

— Сейчас я представлю тебе нового твоего радиста. Золотые руки. Впрочем, ты отлично знаешь его по Шанхаю.

Он открыл дверь, позвал. В комнату вошел широкоплечий человек. Это был Макс Готфрид Клаузен.

Да, Рихард впервые встретился с ним еще в начале 1930 года в маленькой гостинице в квартале Гонкю, на окраине Шанхая. «Коммивояжер» Макс Клаузен был испытанным коммунистом, превосходным механиком и радистом. Он сам мог быстро собрать портативные и мощные рации. Все два года, которые Рихард работал с Максом в Китае, связь с Центром была бесперебойной.

За окнами, выходившими вровень с тротуаром в переулок, уже шуршало утро. Шаги первых прохожих и изломанные тени, в такт им проползающие по стене. Мерные вздохи метлы — дворничиха Паша уже заступила на свой пост. За домами торжествующе прогудел первый троллейбус.

— Ты не спишь?

— Не сплю...

На столе и на стульях разинули пасти чемоданы.

— Я не мог иначе...

— Не надо... Я понимаю.

Потом, молчаливо укладывая чемоданы и боясь моргнуть, чтобы не заплакать, Катя сказала:

— Я догадываюсь, какая у тебя работа там. Почему только ты?
— Нет, не я один...
— Ты не понял. Я тоже хочу с тобой.
— Это невозможно.
— Почему?
— По очень, очень многим причинам... И еще потому, что там мне нужна железная выдержка. Я должен подчинять все одной цели, выполнению одного дела.
— Хорошо, Ика...—Она помолчала.— Ты прав. Тебе пришлось бы заботиться не только обо мне. О двоих...
Он сначала не понял, потом схватил ее за плечи, притянул к себе:
— Да?
Она почувствовала торжество и радость в его голосе. Улыбнулась:
— Кажется, да.
Она никогда не видела его таким счастливым, как сейчас.
— Великолепно! Ты не можешь себе представить, как это великолепно! Что бы ни было, что бы ни случилось, но маленький, мой, наш, будет жить на земле!
Он говорил, обрывал фразу на полуслове. Он радовался и горевал, что осталось всего несколько часов. И что он не будет здесь, когда их ребенок появится на свет. Что он ничем не сможет помочь. Что он будет тревожиться и ничего не знать долгими месяцами.
— Я хочу, чтобы у нас была дочка. Девочка — это к миру. Мы назовем ее, как тебя. Обязательно...
Он так разволновался, что теперь уже Катя успокаивала его. Да, все будет хорошо. Он может быть спокоен.
У дома уже сигналила «эмка».

28

В политических кругах Токио атмосфера накалялась. Зорге отсутствовал всего несколько недель, но за это время в японской столице произошли большие изменения.
Рихарду все яснее становилось, какие силы пытались влиять на внешнюю политику Японии. Различные партии капиталистических концернов и земельных магнатов и фашистские организации группировались в два лагеря, между которыми развертывалась ожесточенная борьба. Одна группировка — это «блок сановников», или «умеренных», возглавляемая главным советником императора князем Сайондзи. Она выступала против немедленного нападения на Советский Союз. Конечно, не потому, что боролась за мир — просто «умеренные» считали, что Япония еще не подготовлена к большой войне и нужно подождать, пока начнется нападение на СССР с Запада. Во главе другой группировки стоял генерал Садао Араки, бывший военный министр, лидер военно-фашистского движения в Японии, идеолог «молодого офицерства». Он злобно ненавидел Россию. У Араки были на то и личные причины: еще в 1916 году он был арестован в Иркутске как шпион. Теперь генерал открыто поддерживал белогвардейцев, разжигал антисоветские страсти. А главное — он требовал немедленно начать «континентальную войну», бросить японскую армию на Монгольскую Народную Республику и советское Приморье. Араки в противовес «умеренным» доказывал, что каждый упущенный день ухудшает шансы на победу. Конечно же, генерал Араки — рьяный сторонник сближения с гитлеровской Германией.
Итак, какая группировка возьмет верх?..
— Ты сам понимаешь, дорогой, что я лично делаю ставку на Араки,— доверительно сказал Рихарду Отт.— Чем скорее произойдет японский «поджог рейхстага», тем лучше!
Он засмеялся.
— Ты, Эйген, большой шутник,— заметил Рихард. А сам подумал: «Приход к власти Араки — начало войны...»
Макс Клаузен, сменивший Бернхарда, выходил в эфир и передавал в Центр сообщения Зорге о надвигавшейся опасности.

29

26 февраля на рассвете Рихарда поднял с постели телефонный звонок.
— Поздравляю, Рихард! Свершилось!
Зорге бросился в посольство.
Да, оправдались худшие опасения: «молодые офицеры» совершили в Токио военно-фашистский переворот. Новости поступали одна за другой, одна тревожнее другой: отряды заговорщиков захватили резиденцию премьер-министра, здание полицейского управления, телеграфно-телефонный узел. Убиты многие деятели «блока сановников» — генерал Ватанабэ, лорд-хранитель печати адмирал Сайто, министр финансов Такахаси. Премьер-министр адмирал Окада спасся от заговорщиков, спрятавшись в гробу с телом своего убитого шурина.
Германское посольство гудело, как провода под высоким напряжением. На всех лицах — несдерживаемые торжествующие улыбки. Связь с Берлином круглосуточная. Гитлер горячо одобряет переворот.
«Свершилось непоправимое!— Рихард понимал, какое значение имеет переворот в Токио для Москвы. И в то же время мысли перескакивали на другое.— Неужели все повторится и в этой солнечной и изящной стране: разгул банд со свастикой на ременных бляхах, уничтожение памятников тысячелетней культуры, проволоки концлагерей?..» Как ни тяжело ему было здесь работать, но он полюбил эту страну, ее приветливый и философски-созерцательный народ. Хоть и приходится ему быть под чужой маской, но он друг этого народа. Он хочет отвести от него кровь и огонь войны. Война столь же опасна для Японии, как и для его Родины...
Мятеж, казалось, разрастался. Но время шло, и радость на лицах немецких дипломатов начала сменяться выражением тревоги.
— Да, заговорщиков более полутора тысяч, они захватили все центральные районы Токио,— делился Отт с Рихардом.— Но почему их не поддержала гвардейская императорская дивизия, морская пехота, жандармские части? Почему Араки открыто не возглавил «молодых офицеров»? Араки — хитрая лиса. Тут что-то не так...
Мимолетная встреча с Ходзуми Одзаки. Японский журналист, как всегда, спокоен. Коротко высказывает свое мнение:
— Заговор должен провалиться. Крупнейшие воротилы финансов и промышленности считают, что время для установления фашистской диктатуры и начала «большой войны» еще не пришло. Они на стороне «блока сановников». Кроме того, уже ясно, что заговорщиков не поддерживают офицеры военно-морского флота. Морское командование против «континентального плана» Араки. Оно за «оборону на севере и продвижение вперед на юге». То есть они за войну на Тихом океане. «Молодых офицеров» не поддержали и гарнизоны в других городах...
Рихард и Ходзуми прогуливаются по аллее парка, останавливаются у расцветших деревьев розовой мимозы. Со стороны может показаться, что они непринужденно болтают о цветах и поэтах.
— Но даже если заговор и провалится, все равно усилится влияние военных на внешнюю политику страны,— заканчивает Одзаки.— Какой бы ожесточенной ни была драка между группировками, они расходятся лишь в методах подготовки к войне и в сроках ее развязывания...— И не выдерживает:— Боже мой, куда они толкают мою родину!
В голосе Ходзуми глубокая горечь. Рихард понимает: Одзаки и он движимы одним чувством. Они должны предотвратить войну между их странами!..
Одзаки оказался прав. Через четыре дня мятеж «молодых офицеров» был подавлен. Впрочем, не подавлен, а умиротворен. В призыве к заговорщикам правительство просило «неразумных детей» с миром вернуться в казармы, оговаривая, что оно даже оправдывает мотивы, побудившие их восстать. «Отдайтесь на милость императора — и вам ничего не будет,— говорилось в официальном обращении.— Мы поражены вашим мужеством и лояльностью. Вы можете подчиниться, не опасаясь, что вас будут презирать...»
Мятежники отступили. Их главари сделали себе харакири. Генерал Араки, тайный вдохновитель заговора, подал в отставку. За ним последовало и пятьсот других офицеров.
Но Одзаки оказался прав и во втором своем предположении. Заговорщики, потерпев поражение, добились все же успеха: вновь сформированное правительство во главе с бывшим послом в СССР, а затем министром иностранных дел Коки Хирота стало опираться на поддержку фашистского офицерства. Наиболее влиятельные «умеренные» политики были устранены из правительства.
И на первом же заседании нового кабинета Хирота заявил, что он намерен начать переговоры с гитлеровской Германией.
Началась подготовка к заключению «антикоминтерновского пакта».

30

Наташа доложила:
— Товарищ комкор, Иван Иванович в приемной.
Урицкий, не отрываясь от бумаг, кивнул.
Иван Иванович, по должности помощник начальника управления, а по существу завхоз, застыл в дверях.
Комкор поднял голову:
— Дом военведа на Софийской набережной знаешь?
— Как не знать! Номер тридцать четыре.
— Свободные комнаты есть?
— Только-только освободились...— начал Иван Иванович.
— Выбери большую, самую светлую. Чтобы и для малыша подходила. Подбери мебель. Словом, надо устроить праздник.
Завхоз кивнул:
— Понятно... А на кого прикажете оформлять?
Семен Петрович помедлил. Потом сказал:
— На имя Максимовой Екатерины Александровны. Ее адрес: Нижне-Кисловский переулок, дом 8/2, квартира 12.
В доме на Софийской, большом, толстостенном, с широкими венецианскими окнами и широчайшими коридорами, Иван Иванович, согласно приказу, отобрал самую хорошую на его взгляд комнату — четвертый этаж, два окна смотрят на Москву-реку, на Кремль, прямо на Спасскую башню. Завез новую, еще пахнущую клеем мебель. И с хрустким ордером торжественно отправился в Нижне-Кисловский. В своей хлопотной работе он особенно любил эти торжественные и такие редкие моменты вручения ордеров.
Но на этот раз его ждало разочарование: дверь комнаты Максимовой оказалась на запоре. Каково же было удивление Ивана Ивановича, когда дверь не открылась перед ним ни назавтра, ни послезавтра, ни через неделю, две... Приказ есть приказ, и завхоз по дороге на работу и возвращаясь домой, днем и вечером наведывался в Нижне-Кисловский. Однако владелица ордера не спешила объявиться. Ничего не могли сказать и соседи.
— Представляешь?— поделился Иван Иванович с Наташей.— Кто она такая? Вроде и не наша?
— Наша,— ответила секретарь и, сама разволновавшись, препроводила его в кабинет комкора.
— На работе не поинтересовался?— прервал сетования Ивана Ивановича Урицкий.
На заводе секрет таинственного исчезновения Екатерины Александровны тотчас открылся. Оказалось, что она уже почти месяц не выходит из цеха. На «Точизмерителе» выполняется ответственный заказ, весь коллектив встал на вахту. А тут, как на грех, заболели двое бригадиров — сменщиков Максимовой. Чтобы не сорвать задание, Ка-

И. Прянишников. ЖЕСТОКИЕ РОМАНСЫ. 1881.

Государственная Третьяковская галерея.

12

И. Прянишников. В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА. 1890.

Государственная Третьяковская галерея.

тя работала все это время за них, руководила по очереди тремя бригадами. Отдыхала тут же, в конторке, на железной солдатской койке.

Прямо в цехе Иван Иванович и передал Кате ордер и ключ от ее новой солнечной квартиры.

Вахта закончилась 13 марта. Катя переехала на Софийскую набережную. Взяла с собой из Нижне-Кисловского только самое необходимое. Но книги перевезла все до одной — его книги и свои: Маркс, Энгельс, Ленин, Маяковский, Блок, Гейне... На русском и немецком. На полке выстроились в ряд глиняные фигурки.

А у окон, там, куда падали в полдень и не угасали до вечера солнечные квадраты, оставила свободное место...

С очередной оказией передала Рихарду письма. Рассказала об их новом чудесном жилище. В каждой строке радость и надежда. «Жду. Целую. Твоя Катя».

Через месяц пришел ответ, датированный 9 апреля 1936 года.

«Милая моя Катюша!

Наконец я получил о тебе радостную весть, мне передали твои письма. Мне также сказали, что ты живешь хорошо и что получила лучшую квартиру. Я очень счастлив всем этим и невероятно радуюсь вестям от тебя.

Единственное, почему я грустен, это то, что ты одна все должна делать, а я при этом не могу тебе чем-либо помочь, не могу доказать свои чувства любви к тебе. Это грустно и, может быть, жестоко, как вообще наша разлука... Но я знаю, что существуешь ты, что есть человек, которого я очень люблю и о ком я здесь, вдали, могу думать, когда мои дела идут хорошо или плохо. И скоро будет кто-то еще, который будет принадлежать нам обоим.

Помнишь ли ты еще наш уговор насчет имени?..

Я, естественно, очень озабочен тем, как все это ты выдержишь, и будет ли все хорошо. Позаботься, пожалуйста, о том, чтобы я сразу, без задержки получил известие.

Сегодня я займусь вещами и посылочкой для ребенка, правда, когда это до тебя дойдет — совершенно неопределенно. Будешь ли ты дома у своих родителей? Пожалуйста, передай им привет от меня. Пусть они не сердятся за то, что я тебя оставил одну. Потом я постараюсь все это исправить моей большой любовью и нежностью к тебе.

У меня дела идут хорошо, и я надеюсь, что тебе сказали, что мною довольны.

Будь здорова, крепко жму твою руку и сердечно целую

твой Ика».

И вдруг с Катей случилось несчастье...

31

«Моя дорогая Катюша!

Получил из дома короткое сообщение, и теперь знаю, что все произошло совсем по-другому, чем я предполагал.

Пожалуйста, извини меня, но на основании двух предыдущих известий от тебя мне казалось, что все благополучно. И надо добавить, что я этого очень хотел. Надеюсь, я тебе этим не причинил горя?

Скоро я должен получить от тебя письмо, рассчитываю через 3—4 недели. Тогда я буду в курсе дела и буду вообще знать, как у тебя дела и чем ты занимаешься. Твои письма меня радуют, ведь как тяжело жить здесь без тебя, да еще почти в течение года не иметь от тебя весточки, это тем более тяжело...

Рассуждая строго объективно, здесь тяжело, очень тяжело, но все же лучше, чем можно было ожидать.

Будь здорова, дорогая.

Большой привет друзьям — твой Ика».

«Август 1936 г.

Милая К.

На днях получил твое письмо... Благодарю за строчки, принесшие мне столько радости. Надеюсь, что ты хорошо провела отпуск. Как хотел бы я знать, куда ты поехала, как провела время, как отдохнула?.. Надеюсь, что часы и маленькие книги, которые я послал, доставят тебе удовольствие?

Что делаю я? Описать трудно. Надо много работать, и я очень утомляюсь. Особенно при теперешней жаркой погоде и после всех событий, имевших здесь место. Ты понимаешь, что все это не так просто. Однако дела мои понемногу двигаются.

Жара здесь невыносимая, собственно, не так жарко, как душно из-за влажного воздуха. Как будто ты сидишь в теплице и обливаешься потом с утра до ночи.

Я живу в небольшом домике, построенном по здешнему типу — совсем легком, состоящем главным образом из раздвигаемых окон. На полу плетеные коврики. Дом совсем новый и даже «современнее», чем старые дома, и довольно уютен. Одна пожилая женщина готовит мне по утрам все нужное, варит обед, если я обедаю дома.

У меня, конечно, снова накопилась куча книг, и ты с удовольствием, вероятно, порылась бы в них. Надеюсь, что наступит время, когда это будет возможно.

Иногда я очень беспокоюсь о тебе. Не потому, что с тобой может что-либо случиться, а потому что ты одна и так далеко. Я постоянно спрашиваю себя, должна ли ты это делать. Не была бы ты счастливее без меня? Не забывай, что я не стал бы тебя упрекать. Вот уже год, как мы не виделись, в последний раз я уезжал от тебя ранним утром. И если все будет хорошо, то остался еще год. Все это наводит на размышления, и поэтому пишу тебе об этом, хотя лично я все больше и больше привязываюсь к тебе и более чем когда-либо хочу вернуться домой, к тебе.

Но не это руководит нашей жизнью, и личные желания отходят на задний план. Я сейчас на месте и знаю, что так должно продолжаться еще некоторое время. Я не представляю, кто бы мог у меня принять дела здесь по продолжению важной работы.

Ну, милая, будь здорова!

Скоро ты снова получишь от меня письмо, думаю, недель через шесть. Пиши и ты мне чаще и подробней.

Твой Ика».

Продолжение следует.

Главная могучая нота

В Москве, в Государственной Третьяковской галерее, висит картина Прянишникова «В мастерской художника».

...Дешевый номер меблированных комнат, пустой, холодный. Сквозь маленькое оконце слабо проникает свет. Его мертвенные сероватые лучи контрастируют с яркими тканями на импровизированном постаменте. В комнате холодно, а дров осталось мало. Художник лишь на минуту оторвался от работы, натурщица воспользовалась случаем — закуталась в истертый платок и отогревается у железной печурки.

Произведение это до некоторой степени автобиографично. Прянишников сам скитался по таким же квартирам. Даже тогда, когда стал известным художником, постоянно жил в нужде. Может быть, поэтому живописцу на картине он придал сходство с собою и на его палитру положил свои любимые краски.

Нужду Илларион Михайлович знал с ранних лет, был в услужении у богатого чаеторговца. И учиться живописи стал поздно — лишь в 16 лет поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества.

Пытливому, одаренному юноше очень помог Егор Яковлевич Васильев — преподаватель училища, человек добрый и отзывчивый. Он приютил у себя Прянишникова и добился для него бесплатного обучения.

У Васильева молодой художник познакомился с Перовым, подружился с ним. Они голодали, носили одну шубу на двоих, бродили по Москве с альбомами в руках; вместе прошли почти весь трудный жизненный путь, типичный для многих художников того времени. Боролись за одни идеалы — отображать жизнь такой, как она есть, исповедовали одну веру — бескорыстное служение народу, ибо взгляды обоих художников формировались под влиянием идей Чернышевского и Добролюбова. Одними из первых подписались они под Уставом Товарищества передвижных выставок и до конца дней своих не изменили его принципам — сделать искусство могущественным средством народного воспитания и просвещения, доступным для самого широкого круга зрителей. За свою принципиальность и прямоту оба пользовались большим уважением в среде художников — участников Товарищества.

Илларион Михайлович был близок с Репиным, Суриковым, В. Маковским. Его высоко ценил В. В. Стасов, который посвятил картинам Прянишникова много статей, подчеркивая глубокий драматизм его произведений, в частности картины «Шутники». «В трагическом щемящем выражении лежит главная могучая нота Прянишникова»,— писал он.

Прянишников был хорошо знаком со Львом Николаевичем Толстым и, вероятно, под влиянием его произведений писал картину о войне 1812 года и серию на тему Севастопольской обороны, посвященную мужеству простых людей, рядовых участников обороны. Первым из русских художников он показал в живописи массовый героизм народа в Отечественной войне 1812 года.

На вкладке помещен один из листов севастопольской серии — «Приготовление к ночной атаке», контраст света и тени передает драматизм изображаемого момента.

Прянишников пробовал себя в самых различных жанрах: писал пейзажи, жанровые сценки, исторические картины. Его живопись была очень популярной, в ней всегда удачно соединялась глубокая человечность с большой социальной заостренностью.

Одна из ведущих тем Прянишникова — жизнь маленьких людей. На картине «Охота пуще неволи» (1882 год) перед нами старый, усталый человек, который самозабвенно отдался любимому занятию и забыл обо всех своих горестях. Он написан художником с большой симпатией. На втором плане видна фабричка с дымящейся трубой, чахлые деревья за забором. Прянишников в своих жанровых картинах придавал большое значение пейзажу, включая его в свое «повествование».

С большим юмором сделана картина «Жестокие романсы» (1881 год). Самодовольный, нахальный чиновник — родной брат федотовского «Свежего кавалера» — объясняется в любви жеманной девице... Полотно имело большой успех. Поэт Минаев посвятил ему эпиграмму:

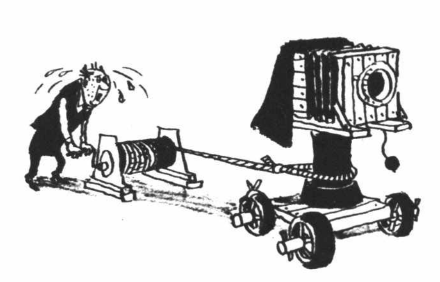
Перед швеей нахален,
Пред старшим сам не свой,
Коломенский Молчалин
Написан как живой.

...Жизнь, полная лишений, подточила здоровье Прянишникова. Он заболел чахоткой, поехал лечиться в Крым... «Тоскую, скучаю» — лейтмотив всех его писем оттуда. И картины, которые он пишет в это время, проникнуты тоской и одиночеством.

Одна из его последних работ — эскиз «В провинции» — так и осталась недописанной: левый нижний угол едва тронут краской. Грусть навевает этот пейзаж с одиноким извозчиком. Холодная, морозная ночь заставляет тревожиться за тех, у кого нет приюта и крова над головой.

12 марта 1894 года Илларион Михайлович умер. Но не только картины большой красоты оставил после себя замечательный русский художник Прянишников. Он воспитал талантливых живописцев Бакшеева, Архипова, Бялыницкого-Бируля, и они передали знамя русского реализма молодому советскому искусству.

Т. ТРОИЦКАЯ

СПОКОЙНО!

И. ВЕРШИНИНА, И. ТУНКЕЛЬ

СНИМАЮ!

Хотя в 1964 году исполнилось 125 лет со дня изобретения фотографии, юбилей тут ни при чем. Иначе мы говорили бы о замечательных мастерах фотожурналистики; о фотодокументах войны и мира — летописи нашей эпохи; о фотовыставках, популярность которых не уступает выставкам изоискусства. И это понятно: эстетический уровень фотографии сейчас очень высок.

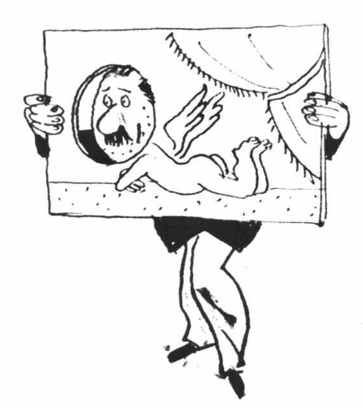
Но тема нашей статьи—та фотография, что находится на вашей улице, та самая, куда время от времени вы идете, чтобы себя запечатлеть.

Чаще всего это бывает в какие-то знаменательные моменты—совершеннолетие, свадьба, юбилей. И, конечно, хочется людям, чтобы карточку эту и самим приятно было посмотреть и спустя годы внукам не зазорно показать.

Спокойно! Снимаю!

Люди застыли, прижав друг к другу головы, и хотя, главное, в эту минуту ими владеет инстинкт самосохранения, что естественно в таком положении, фотограф просит их (не нарушая композиции!!) быть непринужденными. И снова хватается за свой могучий фотоагрегат, стыдливо замаскированный до половины добротной черной попоной.

Спокойно! Снимаю! Наконец счастливое семейство покидает

станок, с удовольствием разминая застывшие конечности. Пожилой фотограф быстро меняет декорацию: левой рукой рывком двигает дубовую тумбу, правой отшвыривает табурет и кресло. И место перед аппаратом занимает молодая пара. Муж садится на шелковый пуф, словно приступая к репетиции «Милого друга», новобрачная опускается в глубокое плюшевое кресло, которое явно много лет прослужило реквизитом в «Пиковой даме» в сцене — спальня графини. Композиция снимка строится столь же «естественно и логично», как и предыдущего. «Где же все это происходит?» — изумится читатель. Место действия? Любая фотография, которую вы посетите.

«Спокойно! Снимаю!» — скажут вам. А почему спокойно? Может быть, у меня такой характер, что для меня покой не характерен, может, у меня подвижное лицо, частая и быстрая смена выражений, и самое главное — ухватить и запечатлеть вот эту порывистость, без которой нет моего портрета. Есть мое платье, моя прическа, нос, рот — и нет меня. Но черты чертами, а техника техникой. И если черты еще неизвестно какие, то аппарат уже точно известно какой — дедовский, ровесник стефенсоновскому паровозу. На нем более уместно было бы изучать историю фототехники.

— Спасибо нашим дедушкам, аккуратно пользовались фотоаппаратом, словно чувствовали, что оставляют в наследство внукам и правнукам, — рассказывает нам Александр Константинович Андреев.— Дед мой снимал этим аппаратом, отец, теперь я и дочь.

— А что, позже не выпускали павильонные фотоаппараты?

— Как же, есть! Харьковские. По тому же образцу, только много хуже. С ними работать беда: тяжелые, камеру не сдвинешь, а у нас физической нагрузки и без того хватает.

Словно иллюстрируя свои слова, Андреев все время быстро скользит по павильону, что-нибудь передвигая. Тумбы, кресла, кажется, сами отталкиваются от его рук. Вслед за ними медленно движется осветительная аппаратура. Специальной нет. В ходу (в буквальном смысле слова) соллюкс и театральные прожекторы — все они имеют вес, и немалый. А ведь каждое лицо нужно по-особому осветить, стало быть, каждый раз двигать светила.

Наконец свет установлен. Следующий этап — постичь характер человека, тщательно изучить черты лица, решить, как лучше снимать: анфас или профиль. Когда ракурс найден, нередко возникает осложнение: девушка хочет сниматься иначе, чтобы виднее была прическа. Фотограф любезно произносит небольшую лекцию об искусстве портрета, что важнее не прическа, а выражение глаз, улыбка, манера держать голову, осанка и т. п. Наконец можно приступать к съемкам. Но девушка напряжена. «Знаете, очень неловко себя чувствуешь, когда тебя снимают»,— оправдывается она. Фотографу надо и это преодолеть

Почти та же сцена происходит при съемке второго портрета, третьего... Как вы думаете, сколько времени она длится? Двадцать — тридцать минут? А должна — не больше четырех. Больше времени фотограф на снимок не может потратить. План! Строгий план!

ЧИСТЫЙ РЕЙД

Еще не открылась навигация ни на одном из притоков Волги, еще скованы ледяным панцирем Северный и Западный порты столицы, а в Южном зимы словно и не было. Рейд чист. Когда под вечер зажигаются сторожевые огни бакенов, река выглядит совсем по-летнему.

Мы на причалах передового порта страны. Инициатива «южан» — работать без зимней спячки, во все времена года трудиться в полную меру сил — подхвачена портовиками Горького, Астрахани, Ростова, Новосибирска.

Никогда не пустуют здесь склады, не простаивают механизмы, днем и ночью движутся составы по многочисленным железнодорожным подъездным путям. И в межнавигационный период порт живет кипучей, полнокровной жизнью.

На теплоходе «Тайфун» совершаем поездку по рейду. Судно ведет капитан Юрий Семенович Карабанов. Это опытный речник, избороздивший воды многих рек.

Идем вдоль причалов, оснащенных мощными портальными кранами. Их стрелы взметнулись над большегрузными теплоходами «Ряжск» и «Рыбинск». Но что это: краны не загружают суда, которым вот-вот выходить в первый рейс, а выгружают из их трюмов сахар!

Ясность вносит Юрий Семенович. Не отрываясь от штурвала, он рассказывает:

— Ни одно зимующее в порту судно зря не простаивает у причалов. Ведь это же прекрасные склады! За чем же им пустовать? Но сейчас настало время освободить судовые трюмы от хранящегося в них сахара и загрузить их грузами, которые с открытием навигации пойдут на Волгу, Каму, Дон.

— Значит, зимой — склады, летом — тоннаж?

— Совершенно верно,— продолжает капитан.— С переходом на круглогодичную работу, когда наш порт превратился в гигантское товарохранилище, нам не хватает береговых складов, хотя их у нас немало. Вон какие стоят многоэтажные красавцы! И все до отказа заполнены грузами. За зиму порт переработал без малого 250 тысяч тонн грузов. Да столько, бывало, за всю навигацию не вытянешь!

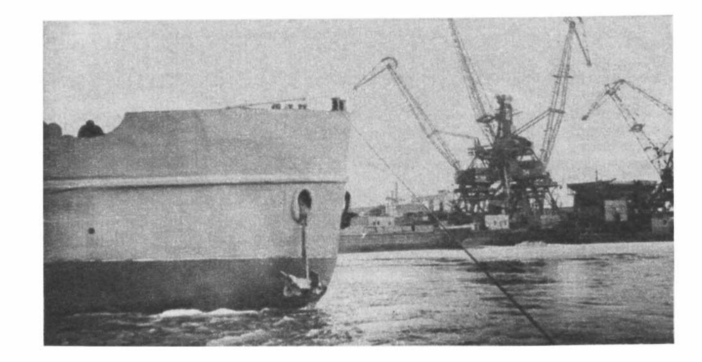
К нам приближается белоснежный пассажирский теплоход № 194, курсирующий на внутригородской линии Нагатино — Кожухово. На его палубах полно рабочего люда. Поравнявшись с нами, кто-то кричит:

— С открытием навигации!

На берегу, прощаясь с командой «Тайфуна», мы узнали, что коллектив Южного порта столицы в честь Первомая принял обязательство —сверх годового плана переработать 100 тысяч тонн грузов.

В. БОРОНИН

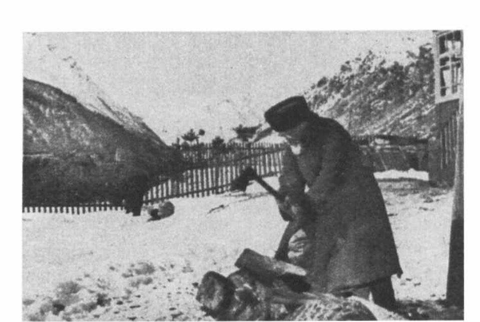
Москва.

На снимке: у причалов Южного порта столицы.

Фото автора.

МОЛОДЕЖЬ ТОРОПИТ...

В поселке Тегенекли у подножия Эльбруса живет балкарец Чокка Залиханов. На днях ему исполнилось 110 лет. Два года назад он вместе со спортсменами-альпинистами совершил восхождение на вершину Эльбруса. Шел без остановок, молодежь торопил.

Дома у него целое хозяйство — две коровы, овцы. Он сам сено косит, за скотиной ходит, заготавливает дрова. Жена моложе его на 40 лет. Трое сыновей. Старшему 47, младший — студент университета.

— Не привык сидеть сложа руки,— говорит старый горец.— Я всю жизнь в горах. В окрестностях Эльбруса, вероятно, нет такого перевала или ущелья, где бы я не побывал. Юношей пас овец князей Урузбиевых — они до революции здесь землей владели. Проводником в горах был, охотился. Стрелял туров, медведей, кабанов. На барса ходил. За свою жизнь 20 барсов убил.

Лет 30 назад вместе с четырьмя односельчанами я построил хижину в седловине между вершинами Эльбруса. Бревна на себе таскали по крутизне, через ледник, никакого альпинистского снаряжения у нас, конечно, не было.

— Судя по вашему виду, вы и сейчас чувствуете себя неплохо?

— Да, — отвечает Чокка Залиханов.— Нынче снова собираюсь на Эльбрус подняться. Это будет мой двести девятый или двести десятый подъем, точно не помню.

А. ГОЛИКОВ

1 500 снимков в месяц, 60, а лучше 100 снимков в день (Андреев сам их проявляет). И оплата сдельная: гонишь поток — зарабатываешь деньги, увлекаешься художествами — пеняй на себя. А ведь это художественный портрет, а не карточка для удостоверения, где самое главное — оперативность.

В Московском театре Ленинского комсомола в фойе висят портреты актеров. Большинство из них — работы Андреева, вроде как персональная выставка. А снимал их автор в общем потоке, здесь же, в ателье, получая 11 копеек за каждый портрет.

— Количество — вот единственный критерий нашей работы,— продолжает Андреев. — Количество с нас спрашивают, количество требуют, качества не спрашивает никто. И если некоторые из нас еще стараются держаться какого-то художественного уровня, то по привычке, по традиции.

Да, традиции, конечно, у советской фотографии превосходные. Наши современники помнят замечательные портреты Ленина работы П. Оцупа, целую галерею актеров, созданную Свищевым-Паоло, писательскую серию Наппельбаума: Горький, Есенин, Луначарский, Барбюс... Что ни портрет, то образ, новое решение, поиск. А какие замечательные портреты наших современников мы встречаем сейчас в газетах и журналах, на выставках «Семилетка в действии» и других! Сколько премий за портреты на международных фотовыставках получили наши мастера! Увы, среди них редко вы найдете тех, кто занимается бытовой, павильонной съемкой.

Что же, это искусство так безнадежно упало?

— Искусство?! А мы и забыли, что это — искусство,— грустно констатируют фотомастера.— Об искусстве, об эстетике с нами никто не говорит, да, признаться, и некому. Даже посоветоваться не с кем. Во всех организациях, которые занимаются фотографией, точнее, руководят, нет ни одного искусствоведа, художника, даже инженера со специальным образованием. Фотография причислена к бытовым услугам наряду с прачечными, парикмахерскими, починкой обуви, мелким и крупным ремонтом одежды...

Когда мы позвонили в Управление бытового и коммунального обслуживания при Мосгорисполкоме и спросили, кто занимается фотографией, нас не сразу поняли. Наконец заведующий производственным отделом разъяснил: «У меня в отделе двенадцать человек, а отраслей — семьдесят, в том числе и фотография». Мы решили больше не спрашивать.

В Главном управлении бытового обслуживания населения при Совете Министров РСФСР фотографией ведает отдел непромышленных предприятий. В нем тоже человек двенадцать. Пока сидели там, мы узнали о выполнении плана похоронного обслуживания, о валянии валенок, о ремонте телевизоров и квартир; даже охотничьи ружья и те нашли приют, ну, а уж о фотографии и говорить нечего. Ее приютили тоже и даже заботятся, как могут.

В апреле 1964 года управление проводило республиканский семинар фотографов, приглашали и гостей из других республик. Были там доклады искусствоведов, фотомастеров. Все, что говорилось в выступлениях, было нам уже знакомо по разговорам с фотографами.

В управлении нам еще рассказали, что и фотопленку-то дают им уцененную и бумагу всего один сорт из 15—20.

...И вот произведения этого фотоискусства украшают квартиры.

Тут и стандартные фотопортреты и старомодная безвкусица — виньетка. На картоне веером разбросано 20—30—40 дынь, в каждой — лицо. Над всей этой россыпью надпись — название школы, техникума, института.

Но есть новый вид фотографии. Например, «под Палех»—портрет, сделанный вроде крышки палехской шкатулки (знают ли об этом наименовании мастера Палеха?), или изображение лица на фарфоровой тарелке, а того хуже — на пластмассовой. Если еще о первых двух можно спорить, приговаривая: «Дело вкуса», — то последнее просто отвратительно.

Мы за поиски, но не лучше ли их вести в другом направлении: не думать о том, как подсахарить плохую фотографию, а о том, как сделать ее лучше.

Вот создали Центральную лабораторию, которая обрабатывает пленку большинства фотографий,— хорошо. Правда, непонятно, почему нельзя было это единственное в Москве, новое, специально построенное помещение оснастить более совершенно.

Удивляет, что до сих пор не создана подлинно детская фотостудия со специальной мебелью, картинками, игрушками. Ведь здесь интерьер имеет особенное значение. Дети почувствуют себя хозяевами, быстро освоятся, а фотограф — ходи и снимай.

Почему возможны ателье-люкс с более высокой оплатой работы и соответственно более высоким уровнем производства и нельзя создать фотолюксы? Почему во многих ателье есть художники-модельеры, а художник-фотограф не может осуществлять художественное руководство фотоателье, определять его стиль, работать с молодежью?

Ведь проблема воспитания новых кадров фотографов стоит очень остро!

В 1918 году А. В. Луначарским был учрежден Высший институт фотографии и фототехники. Сейчас подготовкой кадров занимается Учебный комбинат УБКО наряду с обучением портных, парикмахеров. А ведь у фотографии своя специфика. Крупные мастера: кинооператоры, ведущие наши фотожурналисты, художники, искусствоведы — должны быть привлечены к преподаванию.

Пора фотографии перестать быть бытовой услугой, пора стать искусством, обрести свою воспитательную роль.

Рисунки Ю. Черепанова.

ПОЮТ ЗЕМЛЯКИ КОСМОНАВТА

Что это за паренек разбудил своей тальянкой вечернюю тишину? Это Павлик, сын Ивана Пармёновича Беляева.

Заиграет, бывало, тальянка Павлика, а ей откликаются и в Лукерьине, и в Талице, и в Подболотье. В Бабушкине беляевскую мелодию подхватывал гармонист Иван Васильевич Пожилов. Теперь Павел Беляев стал космонавтом. А Иван Пожилов так и ездит со своей тальянкой от села к селу, от города к городу. Недавно его тальянка звучала со сцены Ленинградского академического театра оперы и балета, где проходил заключительный концерт зонального показа Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности. В цветастых сарафанах, с еловыми веточками из Рослятинского леса, вышли на сцену счетовод Погореловского сельпо Мария Маркова, работники Бабушкинского Дома культуры Зоя Поляшева, Елизавета Махина и под звон колокольцев и серебряных голосов тальянки запели:

Вологодских всюду знают,
Вологжане любят труд,
Их не только по наречью —
И по делу узнают.

И слова оказались пророческими. Прошло немного дней, и весь мир заговорил о бывшем рослятинском гармонисте, летчике-космонавте Павле Ивановиче Беляеве. А его земляки Иван Пожилов, Мария Маркова, Зоя Поляшева и Елизавета Махина были награждены дипломами лауреатов Всероссийского смотра сельской художественной самодеятельности и завоевали право выступать в Москве на заключительном Всероссийском смотре. Несколько дней они провели в столице, выступали на предприятиях, в учреждениях, в Кремлевском Дворце съездов. Звонко, весело заливалась сереброголосая рослятинская тальянка, стройно и напевно звучали голоса земляков Беляева-космонавта.

Ярославским и смоленским
Не к лицу нам уступать...
Вот и космос по-соседски
Начинаем обживать.
На земле Гагарин славен,
И Быковский, и Титов.
Да и наш Беляев Павел —
Молодец из молодцов!
Веселимся и гуляем —
Лучше праздника и нет.
Аж до звезд поднял Беляев
Областной авторитет.

В. ВОРОНИН

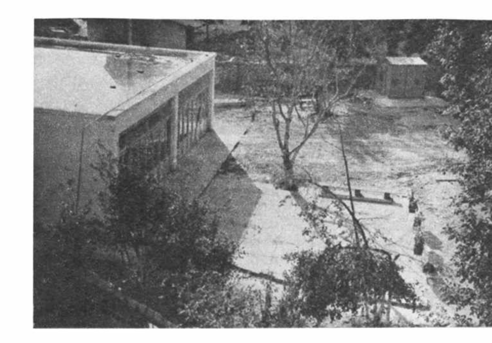
Вологда.

На снимке: земляки Павла Беляева — участники художественной самодеятельности Бабушкинского Дома культуры Вологодской области Мария Маркова, Елизавета Махина, Иван Пожилов, Зоя Поляшева.

Фото автора.

АРЫКИ НА КРЫШАХ

Если заглянуть внутрь дома, изображенного на снимке, то сначала ничего особенного не увидишь. Обычная школа. Класс как класс. Идет урок. Дети слушают объяснения учителя. Но, присмотревшись, вы заметите, что в разных местах с потолка свисает паутина проводов. На колченогих этажерках рядом с партами стоят какие-то приборы. Может быть, идет урок физики? Нет, школьники не обращают внимания на приборы даже в те минуты, когда к ним подходят взрослые люди, присутствующие в классе. И хотя это не учителя, они здесь совсем не посторонние. Это экспериментаторы. Дети привыкли к ним, привыкли к тому, что в классе идет эксперимент. Испытывается школьный павильон для южных районов страны.

Многие педагоги, работающие в среднеазиатских республиках, давно приметили одно явление, которое приходится на апрель, май, сентябрь, нередко октябрь. В эти месяцы на последних уроках внимание школьников, особенно младших, заметно притупляется. Почему? Виновата жара. Именно из-за нее микроклимат в здании, в каждом классе, ухудшается с каждым часом. Как же смягчить зной и его влияние на учащихся?

Сотрудник Ташкентского научно-исследовательского института экспериментального проектирования кандидат технических наук С. Саркисов предлагает такой выход. Школа должна быть без окон. Две ее стены — совершенно глухие. Зато две другие — стеклянные двери. В жаркую пору они раздвигаются настежь. Крыша павильона залита водой, которая подается сюда из арыка. Благодаря испарению температура внутри здания несколько ниже, чем обычно.

Перемену дети проводят на воздухе, в тени деревьев, окружающих павильон.

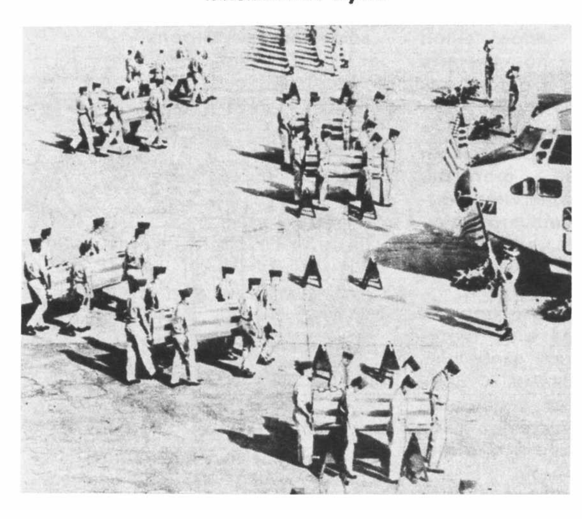
В. КРУПИН
Фото автора.

Война против женщин и детей.

Последние данные: за время этой войны 437 интервентов окончили в Южном Вьетнаме свой жизненный путь.

Позор Америки

Нескончаема цепь преступлений, совершаемых Соединенными Штатами во Вьетнаме.

Американские бомбы рвутся на мирной земле Демократической Республики Вьетнам. Американские солдаты стреляют в патриотов Южного Вьетнама. Американские советники руководят карательными экспедициями против непокорных южновьетнамских деревень, во время которых не щадят ни женщин, ни детей.

Ко всем этим грязным, кровавым деяниям американского империализма прибавилось новое: Соединенные Штаты стали применять в Южном Вьетнаме отравляющие вещества.

Трудно найти слова, определить степень варварства, до которого дошла американская военщина. Трудно измерить глубину падения американских политических деятелей, которые ныне пытаются оправдать чудовищные преступления, творимые Соединенными Штатами на территории чужой страны.

На пресс-конференции в Вашингтоне государственный секретарь США Дин Раск без тени смущения на лице «объяснял», что применение газов — это-де полицейская акция «для поддержания законности и порядка». Не покраснев, он заявил, что применение газов позволяет «избежать гибели и ранения ни в чем не повинных людей». До каких геркулесовых столбов лицемерия нужно дойти, чтобы выдавать жестокость за добродетель, варварство за гуманность, преступления за заботу о людях!

Но газы — не единственное ужасное средство, которое применяют США в Южном Вьетнаме. Специальными отравляющими веществами американцы уничтожают посевы, обрекая людей на голод; они используют снаряд, называемый «ленивым псом», который не разбирает жертв, разбрасывая при взрыве десять тысяч стальных стрел; они поливают людей, дома и поля напалмом, сжигающим все живое. Английский журналист из газеты «Сан» пишет: «Я видел... жертву напалма, правда, только один раз. Я человек не слабонервный, но сомневаюсь, чтобы я смог заставить себя посмотреть на вторую жертву этого оружия».

Можно было бы бесконечно перечислять протесты против бесчеловечного оружия американцев — протесты, которые прокатились буквально по всему миру. На всех континентах раздаются голоса, осуждающие действия американцев. Но главное, против чего протестуют народы земного шара,— это сама война, которую Соединенные Штаты ведут в Южном Вьетнаме во имя своих корыстных интересов.

Нет оправдания этой войне против народа, который хочет мира и независимости. Даже прошлые колониальные войны не могут сравниться с войной в Южном Вьетнаме, потому что американский империализм действует гораздо более нагло, жестоко и бессердечно.

Дикость и злоба американской военщины становятся все больше, так как она не видит победоносного выхода из войны. Да и не может быть для империалистов США победы в этой авантюре. Время колониальных триумфов прошло навсегда.

Варварство современных колонизаторов натыкается на твердую решимость народа Южного Вьетнама завоевать свободу для своей страны. Его патриотическая война продолжается, и она закончится победой.

А. СЕРБИН

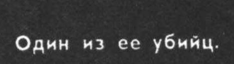
КРОВАВЫЕ ДЕЛА РАСИСТОВ

25 марта 1965 года американка Виола Грегг Луизо, участница марша борцов за расовое равенство в штате Алабама, мать пятерых детей, была убита выстрелом из винтовки в то время, когда она возвращалась на машине из Монтгомери. Ее убийцы — четверо куклуксклановцев, четверо из того огромного числа расистов, которые белым террором пытаются раздавить движение против расовой дискриминации. Расправа с Виолой Луизо — третье преступление, совершенное ими за последние дни в Алабаме. Убийцы были арестованы. Но уже через два дня их выпустили на свободу под залог, так же как и преступников, совершивших два первых убийства. Адвокат-куклуксклановец, взявший на себя черное дело спасения убийц Виолы Луизо, объявил: «Четыре парня будут оправданы».

Взгляни на эти фотографии, читатель, свидетельствующие о разгуле расизма в «свободной» Америке, где преступление считается доблестью.

Виола Луизо — жертва Ку-клукс-клана.

Один из ее убийц.

Дети узнали о смерти матери.

В этой машине ехала Виола Луизо. Здесь ее настигла пуля куклуксклановцев.

Фото ЮПИ.

ЧЕМПИОНАТ УРОКОВ

М. АЛЕКСАНДРОВ

Кажется мне, что в боксе в большей, чем где бы то ни было, степени виден спортсмен и его характер. Девять минут встречи на ринге — много ли это? Но каждая минута наполнена до края драматизмом борьбы, тонким психологическим расчетом, мгновенной находчивостью. Захватывающее зрелище остается в памяти на годы, если, выходя на ринг, боксеры не думают только о том, как бы победить любой ценой, если они заранее готовят себя к решению сложнейшей и увлекательной, не боюсь сказать, творческой задачи.

Мне случалось некогда близко наблюдать, как тщательно продумывал, как искал, беспокойно и настойчиво, пути к победе в матчах с Альгирдасом Шоцикасом знаменитый тяжеловес Николай Королев. Что здесь только не учитывалось: и необычная правосторонняя стойка стремительного и мощного соперника и особенности характера, волевого и упрямого!.. Все это заставляло Королева часами бродить по уснувшим московским улицам, все думать и думать, как здесь оказаться еще более волевым и упрямым, чтобы самому диктовать ход встречи.

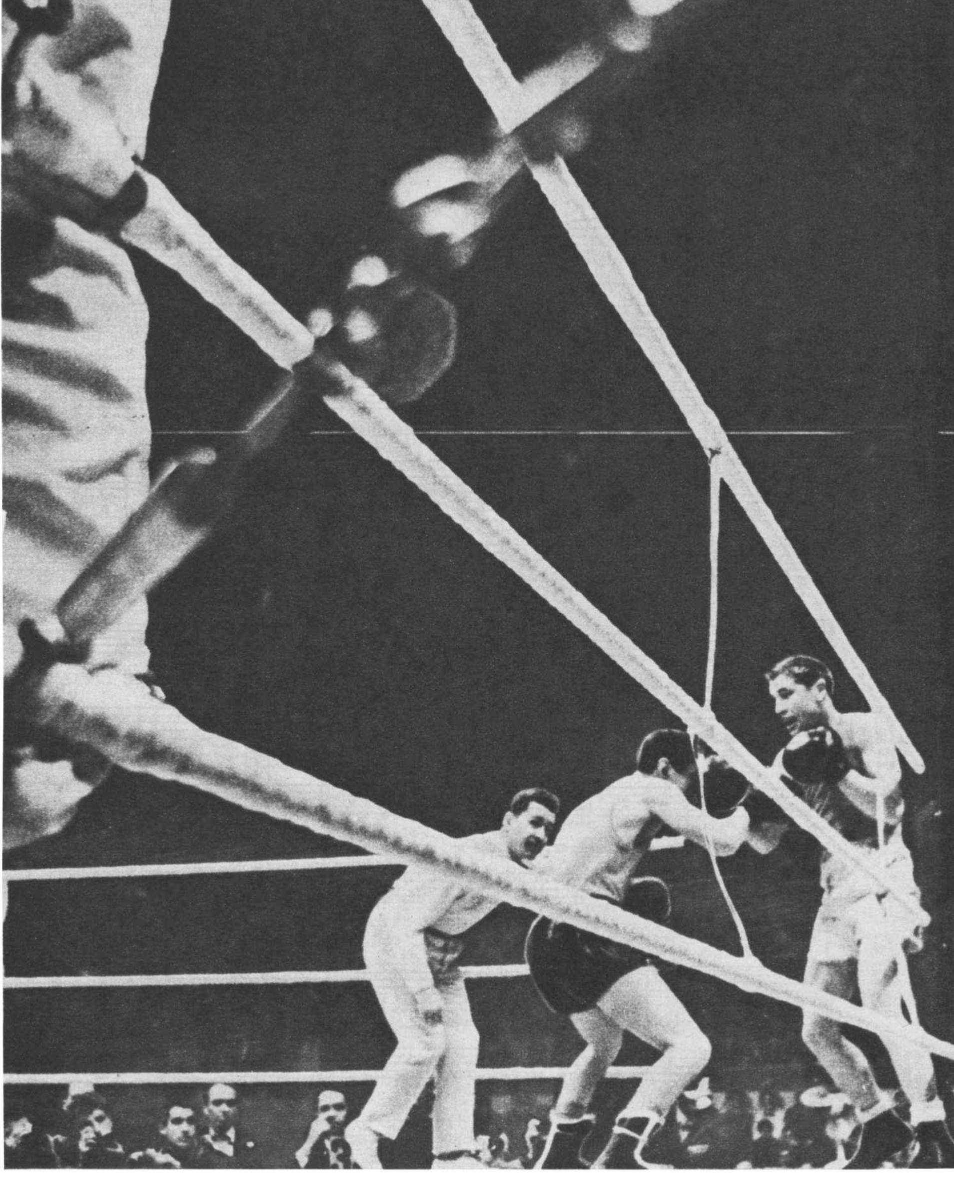
Не сомневаюсь, знаю, что в полной мере все это переживал и передумывал более молодой Альгирдас. Оттого и остались в летописях большого бокса ярчайшими эпизодами матчи этих боксеров, равно как и встречи многих иных глубоко индивидуальных по манере, по исканиям мастеров кожаной перчатки.

Странно, но на последнем чемпионате страны лишь в очень редких случаях мы видели умный и творческий бокс. Странно потому, что крупные наши успехи на международном ринге обещали, казалось, многое. Победители и призеры Олимпийских игр в Токио оспаривали теперь почетное звание сильнейшего в своей родной стране. Конечно, задача эта трудная, быть может, в иных весовых категориях не менее трудная, чем на олимпийском мировом ринге. И если так, значит, надо было не менее тщательно и продуманно готовиться к матчам во Дворце спорта в Москве. Но сейчас, когда все уже миновало, утихли горячие страсти трибун, отчетливо видится, что, за малым исключением, лучшие наши мастера не оставили ярких впечатлений своим участием в чемпионате.

В первом же бою оказался в нокауте чемпион Европы Виктор Быстров. Говорят, что бешеная сгонка веса, когда за короткий срок было сброшено ветераном десять килограммов,—причина истощения организма, и как следствие — поражение. Проиграл первый же бой многоопытный и осторожный Борис Лагутин. Проиграл боксеру, весьма мало технически оснащенному, по правде сказать, крепкому рубаке и ничего более. Явно в плохой спортивной форме оказались В. Баранников и В. Емельянов. О последнем совершенно справедливо было сказано в газетах, что тепличная атмосфера, в которой почему-то готовится и воспитывается этот тяжеловес, не приносит и не может принести пользы. Любопытно и, пожалуй, закономерно, что он, бронзовый призер Олимпийских игр, чисто проиграл мало еще известному литовскому тяжеловесу И. Чепулису, финальный бой которого с ветераном ринга краснодарцем А. Изосимовым был, в свою очередь, прекращен во втором раунде ввиду явного преимущества ветерана.

Пожалуй, только два боксера порадовали высоким классом, тем классом, который к лицу чемпионату СССР 1965 года. Очень хороши были на ринге Станислав Сорокин и Олег Григорьев, одноклубники, армейцы, москвичи. Надо поздравить их наставников, старых боксеров Юрия Соколова и Константина Бирка. Верно, оттого запомнились больше других встречи боксеров наилегчайшего и легчайшего веса, что были они трудными, жаркими, крайне напряженными и что в обоих случаях умное и зоркое мастерство приносило уверенные победы.

Был еще и Валерий Попенченко. Ни одного боя этот замечательный средневес не продлил до третьего раунда, все матчи выиграл до срока. Был он полным хозяином в своем весе. Но кто же может у нас стоять с ним рядом? Таких боксеров не было на последнем чемпионате. А не слишком ли мало — один настоящий мастер ринга в категории веса 75 килограммов? Еще совсем недавно мы видели упорнейшие бои в этом весе, когда встречались Геннадий Шатков, Евгений Феофанов, Валерий Попенченко, Аскольд Лясота... Одиночество, в котором ныне пребывает Валерий, не слишком многообещающее.

Идет чемпионат страны. Фото А. Бочинина.

Был еще Алексей Киселев, серебряный олимпийский призер. К нему, пожалуй, нет упреков. Просто оказался на этот раз сильнее его соперник, литовец Дан Позняк.

Десять финалов прошли перед глазами зрителей, десять высших ступеней, откуда уже один шаг до победы. И в трех из них участвовали боксеры Литвы. Три раза мы видели у ринга немного отяжелевшую, но все еще статную атлетическую фигуру некогда лучшего тяжеловеса Европы, теперь заслуженного тренера Альгирдаса Шоцикаса. Он когда-то прошел хорошую школу и очень трудную. Школу творчества, школу одолений. В этом духе, в духе серьезного поиска и максимального волевого упорства, воспитываются, как видно, сегодня молодые боксеры, его земляки.

И тут несколько слов об ошибке, которая оставила крайне досадное впечатление у всех, кто был в день финалов в переполненном спортивном дворце. Речь идет о встрече С. Степашкин — А. Зурза. Волевой, собранный, осторожный и решительный литовский боксер А. Зурза от первой до последней минуты вел бой. Ни в одном из трех насыщенных событиями раундов не смог получить инициативы олимпийский чемпион С. Степашкин.

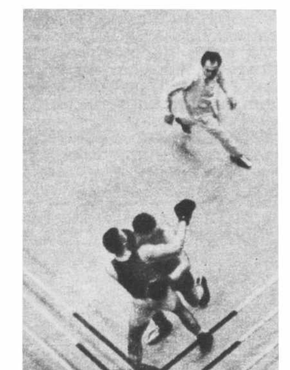
Судьи объявили победу Станислава Степашкина.

Грубая ошибка. Совершенно недопустимая. В очень ложное положение ставит она того, кто объявлен победителем не по заслугам. Очень больно ранит она победителя настоящего.

В общем, прошедший чемпионат полон уроков. Скоро нашим ребятам снова выходить на большой международный ринг: предстоит чемпионат Европы. У нас есть хорошие мастера, и мы в них уверены. Только надо еще серьезней думать о том, что будет трудно. Как думал Олег Григорьев перед московским рингом.

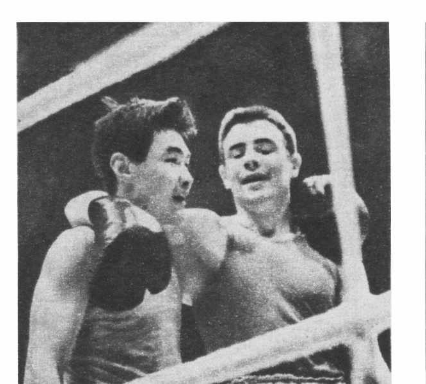
— Так надо себя настроить, чтобы без единой слабинки,— говорил он.— А то ведь как получается? Чуть расслабишься — и беда!

Лучший судья на ринге — Владимир Енгибарян ✻ Дан Позняк (справа) вновь стал чемпионом ✻ Внимательно наблюдает за боями Николай Королев ✻ В бою — соперники, после гонга — друзья! ✻ А. Шоцикас дает советы...

Не пойду к тебе мириться

Музыка С. ТУЛИКОВА. Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Я иду в тишине,
Вижу свет в твоем окне.
Только, знаешь, после ссоры
Безразличен стал он мне.

Припев:

А глаза все равно
На твое глядят окно.
Не пойду к тебе мириться —
Это твердо решено!

Капли падают с крыш...
Может, ты сейчас грустишь,
Может, смотришь телевизор,
Может, физику зубришь?

Припев:

А глаза все равно
На твое глядят окно.
Не пойду к тебе мириться —
Это твердо решено!

В лужах звезды дрожат,
Я шагаю наугад —
Не к трамвайной остановке,
А куда глаза глядят.

Припев:

А глаза все равно
На твое глядят окно.
Что ж, зайду на полминутки—
Это твердо решено!

ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

СВИДЕТЕЛЬ РОЖДЕНИЯ МЕТАЛЛУРГИИ

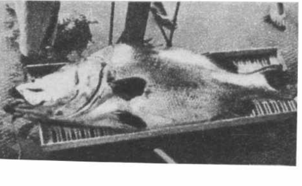
При раскопках поселения, существовавшего на Южном Урале около 3 500 лет назад, найдена древнейшая литейная форма, вырезанная из мягкого талькового сланца. Эта форма предназначалась для отливки бронзового долота — орудия, которым пользовались в древности при обработке дерева.

Л. КРИЖЕВСКАЯ, археолог

ТОРТ ВЕСИЛ 1 300 КИЛОГРАММОВ

Кондитеры города Рио-де-Жанейро ко дню празднования 400-летия своего города изготовили торт высотой в 45 метров и весом в 1 300 килограммов. Каждый из 24 тысяч приглашенных на торжество получил кусок этого самого большого в мире торта.

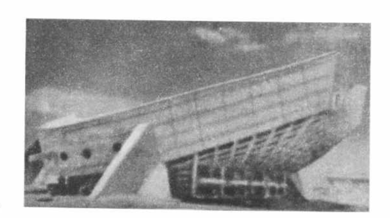

ТУТ НЕ ПРИВРЕШЬ

Бывают пресноводные окуни фантастического веса. Занимаясь изучением рыб Белого Нила, советские ихтиологи добывали окуней весом больше 80 килограммов. По виду они похожи на известного нам окуня, но принадлежат к другому семейству. Их ценят за вкусное мясо, почти не имеющее костей.

На снимке: 80-килограммовый окунь.

В. КРИВОШЕИН
Фото В. Понеделко.
Ленинград.

СПОРТИВНЫЙ КОРАБЛЬ

Взглянув на снимок, вы, наверное, подумаете, что это строящийся корабль. Однако перед вами спортивный зал на три тысячи зрителей, сооруженный в Японии в городе Такамацу.

ЛЬВЫ НА ДЕРЕВЬЯХ

Львы, обитающие в Уганде и Танзании, отдыхают на деревьях.

Слониха верит дрессировщику

Не так давно, ночью, на чердаке Уголка Дурова, расположенного в Москве на площади Коммуны, возник пожар. Дым и пламя, выбивавшиеся из окна, заметил проходивший по улице рабочий института «ГИРедмет» Ф. М. Терешенков. С помощью пожарной команды сотрудники музея, прохожие Г. С. Зуротян и К. Г. Хорекян ликвидировали пожар к 4 часам утра.

Как вели себя во время пожара жители Уголка — слон, верблюд, волк, гиена, медведь?

Об этом рассказали руководитель Уголка Анна Владимировна Дурова и дрессировщик Александр Яковлевич Гетманов.

Вы, очевидно, знаете, как ведут себя в джунглях или в степи звери при пожаре.

ЕДИНОБОРСТВО С МОТОРАМИ

Включены скорости, но автомобили не могут тронуться с места: их удерживает силач Лех. Ему 25 лет, живет он в Польше.

СЛОНЕНОК ОБЕЗЬЯННИЧАЕТ

Этот индийский слоненок во многом старается подражать шалостям детей. Стоило мальчику встать вниз головой, как слоненок тоже сделал стойку.

В КАЧАЛКЕ 72 ЧАСА

В городе Саранаке (США) недавно было проведено необычное состязание — кто дольше прокачается в кресле-качалке. Победительницей оказалась 70-летняя Хазель Вилер, которая прокачалась 72 часа.

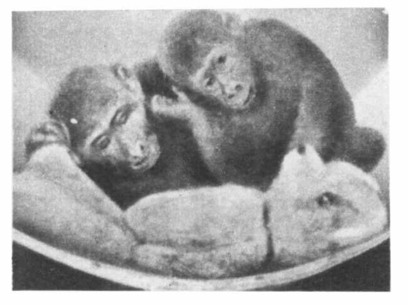
ШЛЯПА-ЦВЕТОК

Такая шляпа демонстрировалась на выставке мод в Лондоне. Она рекомендована к весенне-летнему сезону.

УСПЕХ «ПЬЯНИЦЫ»

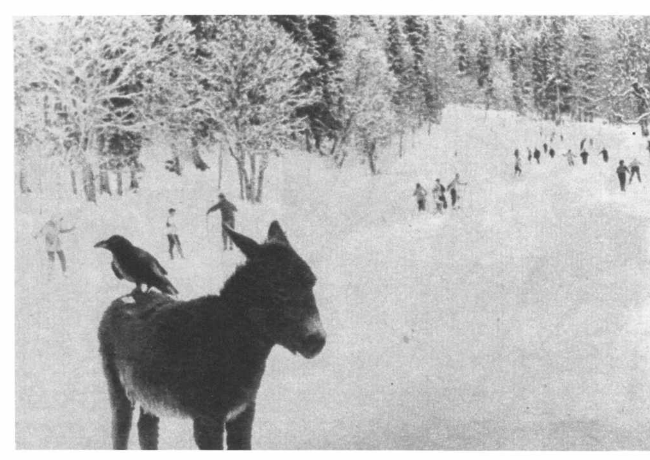
Вот уже на протяжении двадцати лет в одном из маленьких театров города Лос-Анжелоса каждый вечер ставится одна и та же пьеса под названием «Пьяница». Пьеса пользуется успехом, потому что во время представления зрителям разрешается пить пиво и громко петь вместе с артистами.

ЧТО ЗА ЗВЕРЬ?

У посетителей Дуйсбургского зоопарка (ФРГ) пользуются огромным успехом два детеныша гориллы, привезенные из Камеруна. Обезьянам предоставлена отдельная комната, которая всегда завалена разными игрушками. Больше всего гориллы любят плюшевого медвежонка. Они часами простаивают над ним, разглядывая этого диковинного зверя.

ДРУЗЬЯ

Кто отдыхал в Домбайской поляне, тот, видимо, встречал этих двух друзей — ослицу Машку и ворона Фильку. Они часто гуляют вместе.

В. Шульга

Одесса.

Дикий страх перед огнем, инстинкт самосохранения обращают зверей в бегство, во время которого они все сокрушают на своем пути...

Когда дрессировщик Гетманов и его жена Светлана вбежали в помещение зверинца, их больше всего волновало поведение слонихи, над которой полыхал потолок.

В помещении стоял страшный шум: завывал волк, ревела медведица, трубила слониха. Весь этот многоголосый хор перекрывал хохот гиены.

Гетманов быстро отвел в безопасное место верблюда: от искр, падавших с потолка, на нем могла загореться клочковатая шерсть — и бросился к слонихе.

Взволнованное животное сразу почувствовало присутствие дрессировщика. Анна Владимировна Дурова говорит, что доверие и любовь слонихи к своему дрессировщику вообще безграничны. Стоит Гетманову выйти из помещения, и слониха начинает беспокоиться.

Когда Александр Яковлевич вошел в загончик слонихи, она, как ребенок, спряталась за спину дрессировщика, стараясь не видеть огня. Гетманов повернул слониху головой в угол, дал ей лакомство, и Дженни успокоилась.

Так и простояла два часа мокрая, испуганная слониха. Доверие к человеку, от которого животное видело только ласку, победило страх.

А сколько бед мог бы причинить в небольшом помещении с клетками других зверей испугавшийся слон!

Необычно вела себя во время пожара медведица Дочка. К удивлению дрессировщика, она вдруг начала делать движения, которые делает в заученном ею номере: медведица крутила колесо.

В связи с пожаром в Уголке Дурова возникает вопрос: почему это единственное в своем роде учреждение до сих пор ютится в такой тесноте, почему редких дрессированных животных приходится держать в помещениях с деревянными перекрытиями, подверженными угрозе пожара?

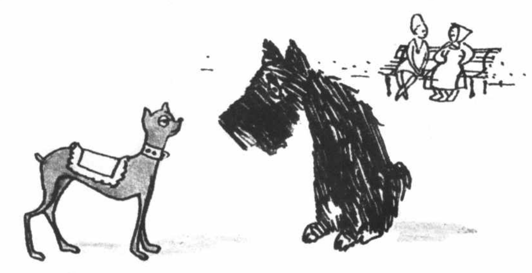
Уголку необходимо новое, современное помещение. Ведь проект такого здания уже имеется и утвержден Министерством культуры.

Ю. МЕН

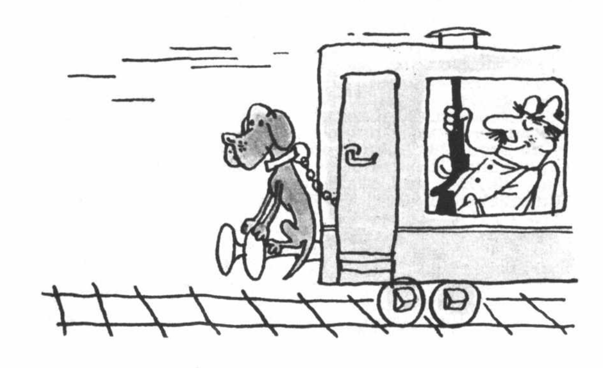
— Подкинь лавровый лист в пятый котел, там у меня творческие работники.

Рисунок М. Негелева.

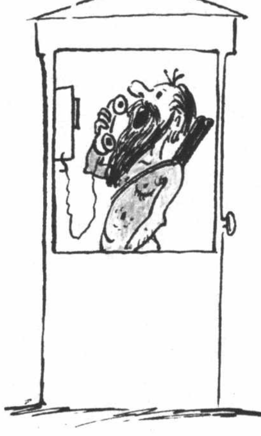
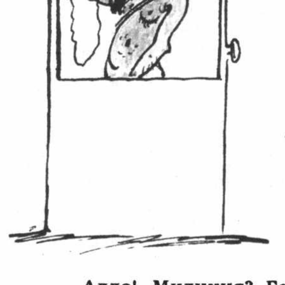
— Пока не пострижетесь, я с вами не разговариваю.

Рисунок М. Негелева.

Собака едет зайцем.

Рисунок В. Волкова.

— Алло! Милиция? Говорит сторож...

Рисунок А. Грунина.

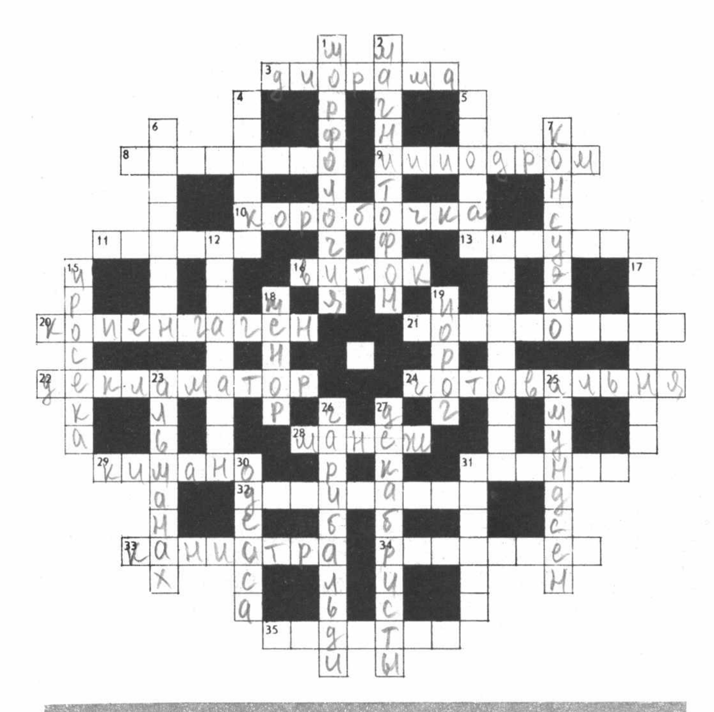
Модернизированный заклинатель змей.

Рисунок Б. Боссарта.

— Не перепутай, дорогая: Аленку в ясли к семи тридцати, Петю в садик к восьми, Колю в школу к половине девятого...

Рисунок В. Воеводина.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Картина с объемным первым планом. 8. Отрывистое воспроизведение музыкального звука. 9. Место конноспортивных соревнований. 10. Персонаж поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души». 11. Моллюск. 13. Атмосферное явление. 16. Оборот спирали. 20. Столица европейского государства. 21. Разновидность мотоцикла. 22. Чтец. 24. Набор чертежных инструментов. 28. Арена цирка. 29. Японская одежда. 31. Река в Ирландии. 32. Пятая ступень мажорной или минорной гаммы. 33. Бак для бензина, технического масла. 34. Остров в Индийском океане. 35. Русский живописец XIX века.

По вертикали:

1. Раздел грамматики. 2. Аппарат для записи и воспроизведения звука. 4. Надоедливая просьба. 5. Древнегреческий скульптор, автор Аполлона Бельведерского. 6. Актер МХАТа, народный артист СССР. 7. Роман Жорж Санд. 12. Судно, имеющее два корпуса. 14. Сорт яблок. 15. Дорога в лесу. 17. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 18. Мужской голос. 19. Каменистый выступ дна реки. 23. Сборник литературных произведений. 25. Норвежский полярный путешественник и исследователь. 26. Народный герой Италии. 27. Опера Ю. А. Шапорина. 30. Порт на Черном море. 31. Действующее лицо пьесы Н. Погодина «Человек с ружьем».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 13

По горизонтали:

5. Боткин. 6. Паруса. 8. Ультрамарин. 12. Папанин. 14. Околица. 15. Боксер. 17. Варлаам. 18. Баклан. 19. Таджикистан. 22. Муссон. 23. Антракт. 26. Минута. 29. Пастила. 30. Ренклод. 31. Транспарант. 32. Тулеар. 33. Корица.

По вертикали:

1. Штольня. 2. Цистерна. 3. Тарасова. 4. Суриков. 7. Глагол. 9. Тициан. 10. Массачусетс. 11. Электроника. 13. Балакирев. 16. Ратин. 18. Бином. 20. Щукарь. 21. Строфа. 24. Наманган. 25. Камертон. 27. Кадриль. 28. Франция.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01957. Подписано к печати 31/III 1965 г.
Формат бум. 70×108 1/16. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 2 000 000. Изд. № 577. Заказ № 701.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ЦВЕТ АВТОМОБИЛЕЙ И СТАТИСТИКА АВАРИЙ

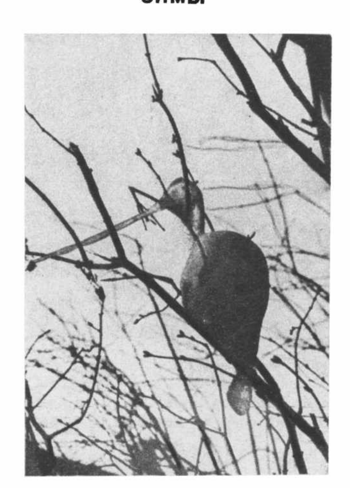
Наиболее опасен черный цвет автомобиля — таково заключение датских полицейских экспертов, сделанное на основании анализа большого числа дорожных катастроф. При движении автомобили черного, синего, темно-серого цветов сливаются с окружающим фоном и плохо заметны в темноте. На долю столкновений между собой автомашин темных цветов приходится 61,3 процента, темных со светлыми — 32,6 процента, светлых со светлыми — 6,1 процента.

Автомобили светлых тонов и красного цвета хорошо выделяются на окружающем фоне, кажутся движущимися с большей скоростью, чем в действительности. Это заставляет водителя встречной машины раньше и быстрее принять меры предосторожности.

ЕСЛИ НАЙДЕТЕ ОШИБКУ...

Одна финская газета всегда помещает такое сообщение: «Если в тексте найдете ошибку, считайте, что она пропущена нарочно. Наша газета хочет всем сделать приятное, а есть такие читатели, которые только тем и занимаются, что ищут ошибки, и наслаждаются, когда их находят».

ПОСЛЕДНЯЯ УЛЫБКА ЗИМЫ

Эту фигурку изваяли два автора — солнце и мороз. А материалом им служила весенняя капель.

В. Шаляпин
Калининград.

На первой странице обложки: Преподавательница английского языка Эльвира Данильчева ведет урок в 3-м классе московской 7-й специальной школы английского языка.
Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Гонка скутеров.
Фото Л. Бородулина.

ОСТ

РАЯ ГРАНЬ

Необычайный писатель Николай Васильевич Гоголь! Такого никогда не было ни у одного из народов. Удивителен его язык, освещенный солнцем юга, глубоко русский; язык, способный дать ни с чем не сравнимую по своей глубине картину жизни со всеми ее сложностями. Читаешь Гоголя — и плачешь, и смеешься, и никогда не можешь остаться равнодушным. Всю жизнь можно, да и должно, читать Гоголя, и каждое чтение доставляет высокое наслаждение, раскрывая все новые черты в героях творений Гоголя и в нем самом как писателе.

Множество художников обращало свои взоры к творчеству Гоголя. Глыба необъятная представала перед ними. Как осилить эту громаду? Как войти в душу писателя, в его лабораторию, где создавались бесценные красоты литературы? С какой позиции подойти к его героям, из которых каждый вот уже более ста лет всем известен, сделался близким многим миллионам читателей? До такой степени близким, что видишь их зримо — и Плюшкина, и Собакевича, и Ноздрева, и Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, и могучего Тараса с Остапом и Андрием, и бедного Акакия Акакиевича, и коллежского асессора Ковалева, у которого — представьте! — пропал нос, и художника Пискарева, погибшего в погоне за призрачной мечтой... Ведь каждый художник (если только он настоящий художник, а не копиист) должен предъявить свое видение, свое понимание Гоголя, обострить тему так, чтобы она повернулась к читателю какой-то особой, ранее неизвестной гранью!

Виталий Горяев над иллюстрированием петербургских повестей Гоголя работал два года — срок немалый[1]. Он вжился в ткань гоголевской речи, в характеры героев, они стали для него открытой книгой, в которой изучены все страницы до одной. И вот родилось новое, горяевское видение Гоголя, своеобразное постижение и осмысливание творчества великого писателя.

Виталий Горяев по-своему увидел Гоголя, в портретном рисунке своем отразил его острый взгляд, тонкую, умную улыбку, изящно отточенную мысль и глазами этого, своего, горяевского Гоголя взглянул на персонажи его повестей.

«Коллежский асессор Ковалев вскочил с кровати, встряхнулся: нет носа!» Ужас и смятение на его лице. Видишь растерянного коллежского асессора и вспоминаешь ироническую усмешку автора, она встает перед вами. «Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты... Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...»

Высокомерный Петрович обмеривает маленького человечка — готовится шить для него новую шинель. Ну, конечно, это Акакий Акакиевич, хоть и не видно его лица, тот самый титулярный, замученный жизнью, который говорил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете». Или: «нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь».

«Сердце его билось, и он невольно ускорял шаг свой», это Пискарев, маленький художник с жаркой и больной душой, стремившийся осуществить свою мечту с той же неосмотрительной страстью, с какой бабочка летит на огонь.

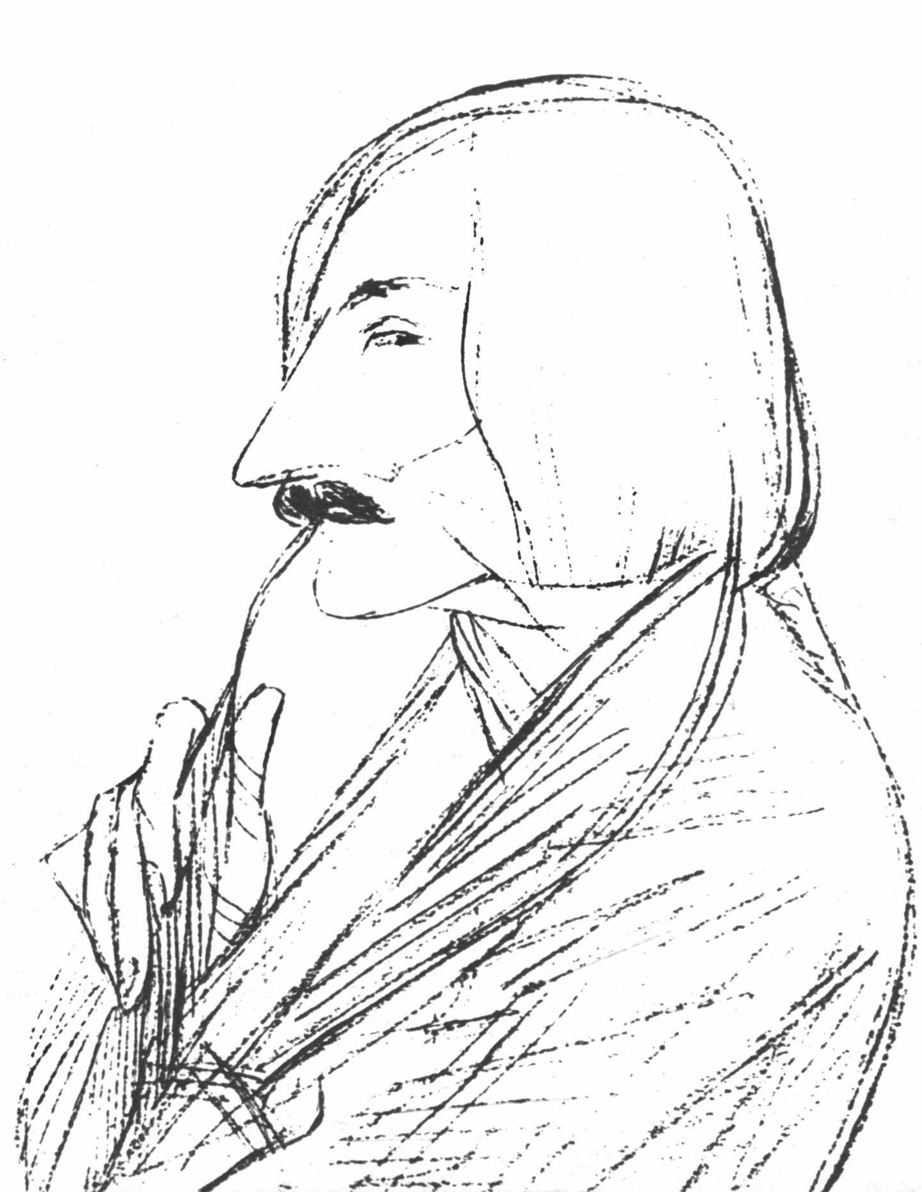
Виталий Горяев создал иллюстрации, неожиданные по своей остроте и гротесковости; это рисунки в духе Гоголя и вместе с тем горяевские — своеобычные, исполненные в манере, присущей лишь ему одному. Их принимаешь, они радуют своей свежестью, динамизмом, образностью, тонкостью исполнения.

И за это испытываешь чувство признательности к художнику.

Ник. КРУЖКОВ

---

[1]Книгу выпускает изд-во «Художественная литература» в 1965 году.

Цена номера 30 коп.   Индекс 70663